

ISSN 2587-9510 (print)
ISSN 2782-4632 (online)

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ И ЖУРНАЛИСТИКИ

Научный журнал

№ 2(53) 2024

- Лингвистика
- Аспекты изучения художественного текста
- Лингвокультурология
- Межкультурная коммуникация
- Концептология
- Журналистика в историко-теоретическом аспекте
- Язык СМИ
- События, обзоры, рецензии

ACTUAL ISSUES OF MODERN PHILOLOGY AND JOURNALISM

Scientific journal

№ 2(53) 2024

- Linguistics
- Literary text: aspects of study
- Language and culture studies
- Intercultural communication
- Concept studies
- Journalism in historical and theoretical aspect
- Language of mass media
- Events and reviews

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ И ЖУРНАЛИСТИКИ

Научный журнал

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-70532 от 25.07.2017.

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал выходит четыре раза в год.

Подписной индекс в «Каталоге периодических изданий. Газеты и журналы» ГК «Урал Пресс» - 34121. Физические лица могут оформить подписку в интернет-магазине «Деловая пресса» <http://www.ural-press.ru/dlya-fizicheskikh-lits/>.

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии может не совпадать с точкой зрения авторов материалов.

Редакционная коллегия:

Главный редактор – С.А. Скуридина, доктор филологических наук

Заместитель главного редактора – Л.В. Ковалева, доктор филологических наук

Н.Б. Бугакова, кандидат филологических наук

Ответственный секретарь – О.В. Сулемина, кандидат филологических наук

Члены редакционной коллегии:

Е.А. Акелькина – доктор филологических наук – Омск, Россия; **В.Р. Аминева** – доктор филологических наук – Казань, Россия; **С.М. Белякова** – доктор филологических наук – Тюмень, Россия; **Н.В. Борисова** – доктор филологических наук – Елец, Россия; **Л.Н. Верховых** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Т.А. Воронова** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **В. Гладров** – доктор филологических наук – Берлин, Германия; **А.Э. Еремеев** – доктор филологических наук – Омск, Россия; **О.В. Загоровская** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Т.Л. Каминская** – доктор филологических наук – Великий Новгород, Россия; **В.В. Катермина** – доктор филологических наук – Краснодар, Россия; **Л.П. Клобукова** – доктор педагогических наук – Москва, Россия; **Г.Ф. Ковалев** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Л.М. Кольцова** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Э.И. Коптева** – доктор филологических наук – Омск, Россия; **Е.В. Косинцева** – доктор филологических наук – Ханты-Мансийск, Россия; **Е.О. Кузьминых** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **Д. Лесневска** – доктор кафедры иностранных языков и прикладной лингвистики – София, Болгария; **С.М. Махмудова** – доктор филологических наук – Москва, Россия; **Р.О. Муталов** – доктор филологических наук – Москва, Россия; **Е.С. Обухова** – доктор филологии – Скопье, Северная Македония; **А.В. Полонский** – доктор филологических наук – Белгород, Россия; **Ю.С. Попова** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **С.С. Распопова** – доктор филологических наук – Москва, Россия; **Е.К. Рева** – доктор филологических наук – Пенза, Россия; **О.В. Сулемина** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **Томтогтох Гомбо** – доктор PhD – Улан-Батор, Монголия; **Р.Б. Унарокова** – доктор филологических наук – Майкоп, Россия; **Е.А. Шаронова** – доктор филологических наук – Саранск, Россия; **В.И. Шульженко** – доктор филологических наук – Пятигорск, Россия; **Г.Н. Ягафарова** – доктор филологических наук – Уфа, Россия.

Дизайн обложки – М.В. Саратова.

Учредитель и издатель: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный технический университет».

Адрес учредителя и издателя: 394006, Россия, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84

Адрес редакции: 394006, Россия, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84, ауд. 5203; тел.: (473)271-50-48.

ACTUAL ISSUES OF MODERN PHILOLOGY AND JOURNALISM

Scientific journal

The journal is registered by Federal service for supervision in the sphere of connection, information technologies and mass media (Roskomnadzor)

Certificate of registration: PI № FS77-70532 from 25.07.2017.

The journal «Actual Issues of Modern Philology and Journalism» is included into the list of leading scientific publications which publishes the results of thesis for the degree of doctor of science and PhD.

Subscription index in the «Catalog of periodicals. Newspapers and magazines» of the «Ural Press» Group of Companies – 34121.

Individuals can subscribe to it in the online store «Business Press» <http://www.ural-press.ru/dlya-fizicheskikh-lits/>.

The journal is published four times a year.

The authors are responsible for the content of the articles. The opinion of the editorial committee may not coincide with the authors' point of view.

Editorial committee:

Chief editor – S.A. Skuridina, doctor of philology

Deputy chief editor – L.V. Kovaleva, doctor of philology
N.B. Bugakova, PhD in philology

Executive secretary – O.V. Sulemina, PhD in philology

Members of the editorial committee:

E.A. Akelkina – doctor of philology – Omsk, Russia; **V.R. Amineva** – doctor of philology – Kazan, Russia; **S.M. Belyakova** – doctor of philology – Tyumen, Russia; **N.V. Borisova** – doctor of philology – Elets, Russia; **L.N. Verkhovykh** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **T.A. Voronova** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **V. Gladrov** – doctor of philology – Berlin, Germany; **A.E. Ereemeev** – doctor of philology – Omsk, Russia; **O.V. Zagorovskaya** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **T.L. Kaminskaya** – doctor of philology – Velikiy Novgorod, Russia; **V.V. Katermina** – doctor of philology – Krasnodar, Russia; **L.P. Klobukova** – doctor of pedagogy – Moscow, Russia; **G.F. Kovalev** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **L.M. Koltsova** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **E.I. Kopteva** – doctor of philology – Omsk, Russia; **E.V. Kosintseva** – doctor of philology – Hanty-Mansiysk, Russia; **E.O. Kuzminykh** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **D. Lesnevska** – PhD – Sophia, Bulgaria; **S.M. Makhmudova** – doctor of philology – Moscow, Russia; **R.O. Mutalov** – doctor of philology – Moscow, Russia; **E.S. Obukhova** – doctor of philology – Skopje, Northern Makedonia; **A.V. Polonsky** – doctor of philology – Belgorod, Russia; **Yu.S. Popova** - PhD in philology – Voronezh, Russia; **S.S. Raspopova** – doctor of philology – Moscow, Russia; **E.K. Reva** – doctor of philology – Penza, Russia; **O.V. Sulemina** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **Tomtogtogkh Gombo** – PhD – Ulaanbaatar, Mongol; **R.B. Unarokova** – doctor of philology – Maykop, Russia; **E.A. Sharonova** – doctor of philology – Saransk, Russia; **V.I. Shulzhenko** – doctor of philology – Pyatigorsk, Russia; **G.N. Yagafarova** – doctor of philology – Ufa, Russia.

Cover design - M.V. Saratova.

Founder and publisher: Federal state budget editorial institution of higher education «Voronezh State Technical University».

Address of the founder and publisher: 394006, Voronezh, 20-letiya Oktyabrya street, 84.

The address of the editorial office: 394006, Voronezh, 20-letiya Oktyabrya street, 84, room 5203; tel.: (473) 271-50-48.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Скуридина С.А.</i> Вступительное слово главного редактора.....	6
Лингвистика	
<i>Матвеева Н.В., Ишмуратова М.А.</i> Особенности номинации одежды в современном английском языке.....	7
<i>Попов С.А.</i> Освещение проблемы исчезнувших ойконимов на страницах петропавловской районной газеты «Родное Придонье» Воронежской области.....	18
<i>Малыхина Т.М., Кузьмина А.В.</i> Этимология культуронима «кожлянская игрушка» как языкового индекса этнокультурного ландшафта Курского региона.....	24
Аспекты изучения художественного текста	
<i>Анисимова Е.В.</i> Жанр школьной повести в творчестве Виктории Лебедевой и Александра Турханова.....	30
<i>Воронова Т.А., Сычева Л.В.</i> Просторечная лексика русского языка как компонент речевой характеристики персонажа.....	35
<i>Дащинский В.В.</i> Смыслообразующие и функциональные возможности предтекстового и внутритекстового расположения библионимов в фантастической повести Е.Ю. и Л. Лукиных «Миссионеры».....	40
<i>Токарев Г.В.</i> Исповедь Ксантисы: самоидентификация С.А. Толстой в дневниках 1900-х годов.....	48
К юбилею А.С. Пушкина	
<i>Устимов О.В.</i> Вокруг «Пушкинской речи» Достоевского: спиритический код.....	54
<i>Кузьминых Е.О., Андреева А.А., Паршикова А.Д.</i> Отражение художественной ценности экранизации романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» в интернет-комментариях.....	61
<i>Абузова Н.Ю.</i> Становление «усадебного текста» в лирике А.С. Пушкина (1815-1820-е гг.).....	67
<i>Сулемина О.В.</i> Амбивалентность образа героя в творчестве А.С. Пушкина.....	78
Лингвокультурология	
<i>Кутлимурадова Н.И.</i> Поэзия Махтумкули в контексте русской лингвокультуры.....	82
<i>Недоступова Л.В.</i> Образ современного молодого человека в неофициальной антропонимии.....	88
<i>Рыкова Е.Б.</i> Потенциал городских реалий при формировании лингвокультурологической компетенции иностранных учащихся медицинского ВУЗа на занятиях по русскому языку как иностранному.....	95
Межкультурная коммуникация	
<i>Клочков А.В., Погосян В.А.</i> О трудностях перевода устной разговорной речи с русского языка на немецкий.....	100
Журналистика в историко-теоретическом аспекте	
<i>Скуридина С.А., Беспалова А.О.</i> Журналистика данных: аспекты изучения.....	106
<i>Белова А.В.</i> Александр Чехов – фотограф.....	111
<i>Вохминцева А.В., Толкачева А.А.</i> Освещение проблемы отцов и детей в СМИ.....	116
<i>Кузьминых Е.О., Сабина М.А.</i> Специфика восприятия медиаобраза студенческих отрядов ВГТУ.....	120
<i>Козлова А.А., Попова Ю.С.</i> Жанр журналистского расследования (на материале публикаций информационного портала «LIFE»).....	127
Язык СМИ	
<i>Литириди С.Х.</i> Характеристика неологизмов в области IT технологий (на материале русского и английского языков).....	131
События, обзоры, рецензии	
<i>Соколова М.Г., Осипова Н.Д.</i> «Главное – оставаться в потоке»: к юбилею профессора Елены Павловны Иванян.....	138
<i>Скуридина С.А., Бугакова Н.Б.</i> «Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве» : итоги и перспективы.....	144
Правила оформления статей	148

CONTENTS

<i>Skuridina S.A.</i> Opening remarks of the chief editor	6
Linguistics	
<i>Matveeva N.V., Ishmuratova M.A.</i> Nomination of closing modern English.....	7
<i>Popov S.A.</i> Coverage of the problem of disappeared oikonyms on the pages of the Petropavlovsk regional newspaper «Native Pridonye» of the Voronezh region.....	18
<i>Malykhina T.M., Kuzmina A.V.</i> Etymology of the cultural name “Kozhlyanskaya igrushka (toy of the Kozhlya)” as a linguistic index of the ethnocultural landscape Kursk region.....	24
Literary text: aspects of study	
<i>Anisimova E.V.</i> The genre of school story in the work of Victoria Lebedeva and Alexander Turkhanov.....	30
<i>Voronova T.A., Sycheva L.V.</i> Vernacular vocabulary of the Russian language as a component of a character’s speech characteristics.....	35
<i>Dashchinsky V.V.</i> Semantic and functional possibilities of the pre-text and intra-text locations biblionyms in the fantastic story by E. Yu. and L. Lukins «Missionaries».....	40
<i>Tokarev G.V.</i> The confession of the Xantippe: the self-identification of S.A. Tolstaya in the diaries of the 1900s.....	48
On A. S. Pushkin’s anniversary	
<i>Ustimov O.V.</i> Around Dostoevsky’s “Pushkin speech”: the spiritualist code.....	54
<i>Kuzminykh E.O., Andreeva A.A., Parshikova A.D.</i> Evaluation of the artistic value of the film adaptation of the novel by A.S. Pushkin “Eugene Onegin” in online reviews.....	61
<i>Abuzova N.Yu.</i> The formation of the “manor text” in the lyrics of A.S. Pushkin (1815-1820).....	67
<i>Sulemina O.V.</i> Ambivalence of the heroine’s image in A.S. Pushkin’s works.....	78
Language and culture studies	
<i>Kutlimuradova N.I.</i> Makhtumkuli’s poetry in the context of Russian linguoculture.....	82
<i>Nedostupova L.V.</i> The image of a modern young man in unofficial anthroponymy.....	88
<i>Rykova E.B.</i> The potential of urban realities in the formation of linguistic and cultural competence foreign students of medical university in Russian as a foreign language classes.....	95
Intercultural communication	
<i>Klochkov A.V., Pogosyan V.A.</i> On the difficulties of translating oral colloquial speech from Russian into German.....	100
Journalism in historical and theoretical aspect	
<i>Skuridina S.A., Bepalova A.O.</i> Data journalism: aspects of study.....	106
<i>Belova A.V.</i> Alexander Chekhov – photographer.....	111
<i>Vokhmintseva A.V., Tolkacheva A.A.</i> Coverage of the problem of fathers and children in the media.....	116
<i>Kuzminykh E.O., Sabinina M.A.</i> The specifics of the perception of the media image of VRTU student groups.....	120
<i>Kozlova A.A., Popova Y.S.</i> The genre of investigative journalism (based on the publications of the information portal «LIFE»).....	127
Language of mass media	
<i>Lipiridi S.Ch.</i> Characteristics of neologisms in the field of IT technologies (based on the material of the Russian and English languages).....	131
Events and reviews	
<i>Sokolova M.G., Osipova N.D.</i> The main thing is to stay in the flow: for the jubilee of professor Elena Pavlovna Ivanyan.....	138
<i>Skuridina S.A., Bugakova N.B.</i> «Linguistic and cultural universals in the global space»: results and prospects.....	144
Layout of the articles	148

Вступительное слово главного редактора

Представляем вниманию читателей сорок девятый выпуск научного журнала «Актуальные вопросы современной филологии и журналистики» Воронежского государственного технического университета. Выпуск включает работы, посвященные актуальным проблемам различных областей научного знания – лингвистическим, литературоведческим, методическим и др.

Научный журнал состоит из следующих разделов: I – «Лингвистика», II – «Аспекты изучения художественного текста», III – «К юбилею А.С. Пушкина», IV – «Лингвокультурология», V – «Межкультурная коммуникация», VI – «Журналистика в историко-теоретическом аспекте», VII – «Язык СМИ», VIII – «События, обзоры, рецензии».

Авторы научных статей – доктора и кандидаты наук российских и зарубежных вузов. Публикуются также статьи молодых ученых (магистрантов, аспирантов). В выпуске содержится 23 научные работы. Раздел «Лингвистика» включает статьи, рассказывающие об особенностях наименований одежды в современном английском языке (*Н.В. Матвеева, М.А. Ишимуратова*), рассматривающие проблемы исчезнувших ойконимов на страницах петропавловской районной газеты «Родное Придонье» Воронежской области (*С.А. Попов*) и этимологию культуронима «кожлянская игрушка» как языкового индекса этнокультурного ландшафта Курского региона (*Т.М. Мальхина, А.В. Кузьмина*). Раздел «Аспекты изучения художественного текста» содержит статьи, посвященные изучению жанра школьной повести в творчестве Виктории Лебедевой и Александра Турханова (*Е.В. Анисимова*), анализирующие просторечную лексику русского языка как компонент речевой характеристики персонажа (*Т.А. Воронова, Л.В. Сычева*), выявляющие смыслообразующие и функциональные возможности предтекстового и внутритекстового расположения библионимов в фантастической повести Е.Ю. и Л. Лукиных «Миссионеры» (*В.В. Дащинский*), обращающиеся к самоидентификации С.А. Толстой в дневниках 1900-х годов (*Г.В. Токарев*). В разделе «К юбилею А.С. Пушкина» представлены работы, обращающиеся к спиритическому коду вокруг «Пушкинской речи» Достоевского (*О.В. Устимов*), к определению художественной ценности экранизации романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» в интернет-комментариях (*Е.О. Кузьминых, А.А. Андреева, А.Д. Паришкова*), к проблеме становления «усадебного текста» в лирике А.С. Пушкина (1815-1820-е гг.) (*Н.Ю. Абузова*), выявляющие амбивалентность образа героя в творчестве А.С. Пушкина (*О.В. Сулемина*). Раздел «Лингвокультурология» содержит работы, представляющие поэзию Махтумкули в контексте русской лингвокультуры (*Н.И. Кутлимурадова*), образ современного молодого человека в неофициальной антропониимии (*Л.В. Недоступова*), потенциал городских реалий при формировании лингвокультурологической компетенции иностранных учащихся медицинского ВУЗа на занятиях по русскому языку как иностранному (*Е.Б. Рыкова*). В разделе «Межкультурная коммуникация» рассматриваются трудности перевода устной разговорной речи с русского языка на немецкий (*А.В. Клочков, В.А. Погосян*). В разделе «Журналистика в историко-теоретическом аспекте» представлены аспекты изучения журналистики данных (*С.А. Скуридина, А.О. Беспалова*), деятельность Александра Чехова как фотографа (*А.В. Белова*), анализируется проблема отцов и детей на материале СМИ (*А.В. Вохминцева, А.А. Толкачева*), выявляется специфика восприятия медиаобраза студенческих отрядов ВГТУ (*Е.О. Кузьминых, М.А. Сабина*), рассматривается жанр журналистского расследования (на материале публикаций информационного портала «LIFE») (*А.А. Козлова, Ю.С. Попова*). Раздел «Язык СМИ» рассказывает о неологизмах в области IT технологий (на материале русского и английского языков) (*С.Х. Литириди*). В разделе «События, обзоры, рецензии» подводятся итоги V Международной научной конференции «Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве» (Воронеж, ВГТУ, 17-19 апреля 2024 г.) (*Н.Б. Бугакова, С.А. Скуридина*), рассматриваются направления деятельности профессора Елены Павловны Иванян, празднующей свой юбилей (*М.Г. Соколова, Н.Д. Осипова*).

Содержащиеся в выпуске 2 (53) научные работы затрагивают проблемы современной лингвистики, журналистики, концептологии, межкультурной коммуникации, изучения языка художественных текстов и СМИ. Данное издание может быть интересно специалистам-филологам, журналистам, методистам, преподавателям русского языка как иностранного, учителям школ, гимназий и лицеев, а также аспирантам, магистрантам и студентам.

Главный редактор научного журнала
доктор филологических наук

С.А. Скуридина

ЛИНГВИСТИКА LINGUISTICS

УДК 81`25

DOI 10.36622/2587-9510.2024.53.2.001

Стерлитамакский филиал Уфимского университета науки и технологий

Канд. филол. наук, доцент

кафедры германских языков

Матвеева Н.В.

Россия, Республика

г. Стерлитамак,

тел. +7(917)4175992

e-mail: n.v.matveeva@struust.ru

Sterlitamak branch of Ufa University of Science and Technology

The chair of Germanic languages,

PhD, assistant professor

Matveeva N.V.

Russia, Bashkortostan Republic, Sterlitamak,

tel.: +7(917)4175992

e-mail: n.v.matveeva@struust.ru

Соискатель Ишмуратова М. А.

Россия, Республика

г. Стерлитамак,

тел. +7(987)5966715

e-mail: ishmuratova_milena@mail.ru

Applicant Ishmuratova M.A.

Russia, Bashkortostan Republic, Sterlitamak,

tel.: +7(987)5966715

e-mail: ishmuratova_milena@mail.ru

Н.В. Матвеева, М.А. Ишмуратова

ОСОБЕННОСТИ НОМИНАЦИИ ОДЕЖДЫ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются особенности номинации наименований одежды в современном английском языке. Наименование одежды можно отнести к национально-культурному компоненту языка, так как они могут рассказать о национальной, религиозной или культурной самобытности. Наименование единиц одежды исследовано с точки зрения процесса номинации, который может быть охарактеризован как первичный и вторичный. При этом первичная номинация является синонимом первоначальной номинации. Вторичная номинация определяется как тип номинации, при котором уже существующие языковые единицы используются в новом способе номинации для наименования нового объекта – предмета одежды. В ходе проведенного исследования наименования одежды, выделенные из словарей способом сплошной выборки в количестве 50 единиц, были проанализированы на предмет способа их номинации. Из всего массива отобранных единиц 26 наименований одежды были отнесены к первичной номинации по способу происхождения, то есть было выявлено при помощи этимологических словарей, что для обозначения совершенно нового вида одежды было создано новое слово. Эти слова были распределены по типам происхождения на группы исконных слов и заимствованных. В группе первичной номинации слова протогерманского происхождения оказались наименее частотными. Их количество составило 7 слов. Количество заимствованных слов составило 19 единиц.

Далее рассмотрена группа лексических единиц наименования одежды, созданная способом вторичной номинации. В ходе анализа происхождения данных единиц выявлено, что наиболее продуктивной группой является группа метафорической номинации, основанной на сходстве по форме. Эта группа содержит большее количество лексических единиц, что говорит о том, что данный тип номинации является наиболее распространенным. Наименее распространенными способами номинации оказались метонимические переносы по имени и материалу. В результате исследования пришли к выводу, что в группе лексических единиц со значением наименования одежды имеются слова как первичной, так и вторичной номинации, часто основанной на метафорическом переносе сходства по форме.

Ключевые слова: номинация, первичная номинация, вторичная номинация, происхождение, наименование одежды, исконное слово, заимствование, метафорический перенос, сходство по форме, английский язык

N.V. Matveeva, M.A. Ishmuratova

The article considers the features of the nomination of clothing names in modern English. The name of clothing can be attributed to the national-cultural component of the language, since they can tell about national, religious or cultural identity. The naming of clothing items has been studied from the point of view of the nomination process, which can be characterized as primary and secondary. In this case, the primary nomination is synonymous with the initial nomination. Secondary nomination is defined as a type of nomination in which already existing linguistic units are used in a new method of nomination to name a new object, an article of clothing. In the course of the study, the names of clothing, isolated from dictionaries using a continuous sample of 50 units, were analyzed for the method of their nomination. From the entire array of selected items, 26 clothing items were assigned to the primary nomination according to the method of origin, that is, it was revealed with the help of etymological dictionaries that a new word was created to designate a completely new type of clothing. These words were divided by type of origin into groups of native words and borrowed ones. In the primary nomination group, words of Proto-Germanic origin turned out to be the least frequent. Their number was 7 words. The number of borrowed words was 19 units.

Next, we consider a group of lexical units of clothing, created by the method of secondary nomination. In the course of analyzing the origin of these units, it was revealed that the most productive group is one with metaphorical nomination based on similarity in form. This group contains a larger number of lexical units, which suggests that this type of nomination is the most common. The least common methods of nomination were metonymic transfers by name and material. As a result of the study, we came to the conclusion that in the group of lexical units of clothing names there are words with both primary and secondary nominations, often based on the metaphorical transfer of similarity in form.

Key words: nomination, primary nomination, secondary nomination, origin, name of clothing, original word, borrowing, metaphorical transfer, similarity in form, the English language

Данное исследование посвящено анализу способов номинации наименований одежды в современном английском языке. Эмпирическая база исследования обусловлена тем, что элементы одежды могут рассказать нам о национальной, религиозной или культурной самобытности народа. Так, материалом для исследования послужили отобранные методом сплошной выборки из монолингвальных и этимологических словарей лексические единицы, обозначающие наименование одежды. Теоретической основой исследования послужили научные труды таких ученых, как А.А. Реформатский, В.Г. Гак, В.Н. Телия, Е.С. Кубрякова, Г.В. Колшанский.

Проблема номинации является одной из важных проблем теоретической лингвистики. Исследователями установлено, что номинация – исключительно комплексное явление, выяснение сути которого связано с решением более сложной совокупности проблем, чем простое создание значимых языковых единиц. Это процесс, который постоянно сопровождает познание человеком окружающего мира. В российском языкознании признано, что теорию номинации можно рассматривать как ономастиологию. Ономастиология – теория номинации (от греч. ὀνομασία – называние, именование и теория номинации; один из двух разделов семантики, противопоставленный семасиологии по направлению исследования от вещи или явления к мысли об этой вещи, явлении и к их обозначению языковыми средствами [1, с. 346]. Предметом теории номинации является рассмотрение и анализ общих принципов формирования языковых единиц, связи мышления, языка и действительности в этих процессах, значение человеческого фактора в отборе признаков, лежащих в основе номинации, изучение актов, средств и методов номинации. Исследователи рассматривают два подхода к изучению вопросов номинации. Первый подход, ономастиологический, или референциальный, когда в первую очередь берется отношение «реалия (денотат) – значение (сигнификат) имени». Данный подход рассматривает содержательную сторону языковых единиц с точки зрения предметной направленности. Вторым подходом семасиологический, или функциональный, при котором значение предмета рассматривается как способ идентификации и присвоения имени. Таким образом, ономастиология переходит от понятия к термину, а семасиология – от термина к понятию. Взаимозависимость слов внутри лексической подсистемы можно рассмотреть в изменениях в значении существующих слов, которые происходят, когда в их семантическую сферу вводится новое слово. Из-за этой взаимозависимости историческая лингвистика не сможет сделать никаких значимых выводов, сосредоточившись только на эволюции конкретных слов. Почти все модификации слов приводят к изменениям в одном или нескольких других словах. Номинация – процесс создания, закрепления и распределения наименования за разными фрагментами действительности [2, с.336].

Поскольку термин «номинация» может использоваться в статическом и динамическом аспекте, то есть, различая форму наименования и способа наименования, интерпретация данного термина является неоднозначной. Различные определения, которые лингвисты используют в своих публикациях, служат подтверждением того, что термин «вторичная номинация» не имеет единого объяснения. Так, В.Г. Гак опреде-

ляет вторичную номинацию как тип номинации, при котором уже существующие языковые единицы используются в новом способе номинации для наименования нового объекта [3, с.12].

Переносы наименования, возникающие в результате использования тропов (образного употребления слов), были классифицированы многими учеными. Несмотря на существование большого количества теорий, ученые не смогли прийти к единой классификации. Рассмотрим некоторые теории.

При вторичной номинации во всех словоупотреблениях могут сохраняться не только существенные, но и второстепенные признаки, а это в свою очередь создает сдвиг в значении слова, благодаря этому возникает явление образности [4, с. 143]. Все формы вторичной номинации основаны на ассоциативной природе человеческого мышления. В процессе вторичной номинации устанавливаются отношения между конкретными лингвистическими аспектами, которые отображаются в текущем значении имени, и характеристиками вновь обозначаемого, вызываемого путем переоценки этого значения.

С точки зрения В.Н. Телии, разнообразие семантические изменения подпадают под понятие феномена семантической деривации. Семантический объем слова может колебаться из-за нескольких факторов, включая перенос (метафорический, метонимический, функциональный), вариации семантического объема слова (расширение и сужение значения слова, специализация значения) и семантическую кальку [2, с. 310].

А.А. Реформатский выделяет типы переноса значений: метафору, метонимию, синекдоху и перенос по функции [5, с. 235].

А. А. Реформатский отдельно от метафоры выделяет перенос по функции. Поскольку функциональный перенос строится на сходстве, он имеет много общего с метафорой, но в то же время отличается от нее и занимает уникальное положение в полисемии. Основное различие между метафорой и переносом по функции заключается в том, что метафорический перенос происходит из-за сходства физических характеристик, таких, как цвет, форма, т.е. на всех сходствах, которые могут быть непосредственно восприняты органами чувств, особенно зрением [5, с. 47].

Функциональный перенос основан на общности функций, а не на чисто материальном сходстве, поэтому объекты могут радикально отличаться с точки зрения их формы, цвета и других физических характеристик.

Таким образом, метафора – это перенос наименования одного объекта на другой по каким-то общим признакам. Она может быть основана на различных типах сходства: сходстве формы, положения, функции и т.д.

Термин «метонимия» относится к передаче названия, которая осуществляется на основе смежности или близости вещей в пространстве или времени. При метонимическом переносе изменяется само понятие.

При любом обсуждении лингвистической метафоры и метонимии необходимо иметь в виду, что они отличаются от метафоры и метонимии как литературных приемов. Читатель в большей или меньшей степени осознает, что метафора и метонимия как литературный прием являются образными выражениями и у именуемого объекта есть другое название. Взаимосвязь прямого денотативного значения слова и значения, которое оно имеет в конкретном литературном контексте, основана на сходстве некоторых признаков сравниваемых объектов.

Существуют различные типы метонимии.

а) Материал, из которого изготовлен объект, может стать названием объекта, например, a glass, boards, iron.

б) Перенос наименования часто связан с географическими названиями. В политической лексике есть много примеров, когда название какого-либо учреждения используется не только для обозначения самого учреждения или его персонала, но и для обозначения его политики. Белый дом – “*The White House*” – это представительский особняк президента США в Вашингтоне; данное название также используется для обозначения его администрации и политики.

в) Названия музыкальных инструментов могут стать обозначением человека, которому принадлежит этот инструмент, например, *the violin, the saxophone*.

г) Имя какого-либо человека может стать нарицательным, например, «*boycott*» изначально было названием ирландской семьи, которую соседи так сильно не любили, что не общались с ними.

д) Имена изобретателей очень часто становятся терминами для обозначения вещей, изобретенных ими, например “*watt*”, “*om*”, “*rentgen*”.

е) Некоторые географические названия также могут стать нарицательными благодаря метонимии, например, *holland (linen fabrics), Brussels (a special kind of carpets), china (porcelain)*.

Помимо метафоры и метонимии, некоторые лингвисты выделяют следующие типы семантических изменений: гипербола, литота, ирония, эвфемизм. Во всех этих случаях следует иметь в виду, что существует различие между этими терминами, в каком виде они понимаются в литературе и в лексикологии.

На основании изложенного материала, можно сделать вывод, что лингвисты уделяют особое внимание вопросам номинаций. Это связано с тем, что этот лингвистический феномен, сутью которого является поиск языкового выражения (обозначение компонентов внутреннего и внешнего человеческого опыта), исключительно сложен на уровне языка и речи. Для дальнейшего выяснения характеристик таких номинативных разрядов имен требуется рассмотрение особенностей и видов номинации наименований одежды.

Для анализа способов номинации были рассмотрены 50 лексических единиц, обозначающих названия одежды. С целью изучения дефиниций были использованы следующие словари: Cambridge Dictionary [6], Collins Dictionary [7], Etymonline [8].

Наименования одежды можно распределить на две группы способов номинации:

1) наименования первичной номинации

2) наименования вторичной номинации

Словарь английского языка включает названия предметов одежды, появившиеся в результате первичной и вторичной номинации. Наименования первичной номинации появились на более ранних этапах развития языка и не воспринимаются его носителями как производные. Первичная мотивация характеризуется отсутствием процесса переосмысления. Она имеет структуру словоформы и референта. Кроме того, в английском языке существует ряд лексических единиц, названия которых считаются мотивированными. Вторичная мотивация включает в себя словоформу, референт и ассоциацию.

Рассмотрим группу слов с первичной номинацией.

Значение некоторых слов, таких, как *dress, trousers, skirt, shirt, coat, suit, pants, pajamas, shorts, anorak, gloves, scarf, blouse, jacket*, может быть истолковано с помощью этимологического анализа. Для этого необходимо проследить исторические корни слова. Также интересно исследовать историю одежды в разные исторические периоды и то, как эти периоды повлияли на становление словарного запаса английского языка.

1. Dress – a garment or assemblage of garments. Originally any clothing, especially that appropriate to rank or to some ceremony; the specific sense of “woman’s garment consisting of a skirt and waist” is recorded by 1630s, with overtones of made not merely to clothe but to adorn [8] // Предмет одежды или комплект предметов одежды. Первоначально любая одежда, особенно соответствующая званию или какой-либо церемонии; специфическое значение «женской одежды, состоящей из юбки и талии» датируется 1630-м годом с подтекстом «сделано не просто для одежды, но и для украшения» [здесь и далее перевод наш. – Н.М., М.И.]. Слово произошло от латинского *directus*, “direct, straight”, от приставки – *dis* + протоиндоевропейского корня *-reg* «двигаться по прямой» [8].

2. Trousers – a garment for men, covering the lower body and each leg separately, earlier *trouzes* (1580s), extended from *trouse*, with plural ending typical of things in pairs, from Gaelic or Middle Irish *triubhas* “close-fitting shorts”, of uncertain origin [8] // Одежда для мужчин, закрывающая нижнюю часть тела и каждую ногу отдельно, более раннее *trouzes* (1580-е годы), от *trouse*, с характерным для парных вещей окончанием во множественном числе, от гэльского или среднеирландского *triubhas* «облегающие шорты», неопределенного происхождения.

3. Skirt – early 14c., lower part of a woman’s dress, the part that hangs from the waist, from Old Norse *skyrta* “shirt, a kind of kirtle” [8] // Нижняя часть женского платья, та часть, которая идет от талии, от древнескандинавского *skyrta* «рубаша, разновидность кирты».

4. Shirt – Middle English *shirt, shirte*, «garment for the upper body worn next to the skin,» from Old English *scyrte*, from Proto-Germanic “*skurtjon*” a short garment, which is perhaps related to Old English *scort, sceort* “short”, from root “*sker*” – “to cut,” on the notion of «a cut piece» [8] // Среднеанглийское слово «рубашка», *shirte*, «одежда для верхней части тела, надетая на кожу», от древнеанглийского *scyrte*, от протогерманского «*skurtjon*», короткая одежда, которая, возможно, связана с древнеанглийским *scort, sceort* «короткий», откорень «*sker*»- «резать», от понятия «отрезанный кусок». Таким образом, этимология слова *shirt* отражает качество предмета, длину изделия “short” – «короткий». Слова *shirt* и *skirt* имеют общий корень и раньше обозначали одно и то же.

5. Coat – early 14c., “principal outer garment, tunic, kirtle,” typically made of cloth and usually with sleeves, worn alone or under a mantle, from Old French *cote* “coat, robe, tunic, overgarment” [8] // Начало 14 в., «основная верхняя одежда, туника», сделанная из ткани и обычно с рукавами, носится отдельно или под мантией, от старофранцузского *cote* «пальто, халат, туника, верхняя одежда». Связано с франкским *kotta* – «грубая ткань».

6. Suit – c. 1300, *sute*, also *suete, suite, seute*, “a band of followers; retinue, company; also “set of matching garments worn by such persons, “matching livery or uniform»; hence «kind, sort; the same kind, a match,» also

“pursuit, chase,” and in law, “obligation (of a tenant) to attend court; attendance at court,” from Anglo-French *suit, siwete* [8]. Датируется с 1300, *sute*, также *suete, suite, seute*, «группа последователей; свита, компания; также «комплект соответствующей одежды», которую носят такие лица, «соответствующей ливрее или униформе»; отсюда «вид, род; такой же, подходящий». Также «преследование, погоня», и в юрид. «присутствие при дворе», из англо-французского *костюм, siwete*. Исходное значение – собрание, соответствие требованиям, что-то подходящее.

7. Pants – trousers, drawers. The word was limited to vulgar and commercial use at first [8]. // Брюки, панталоны. Поначалу это слово было ограничено вульгарным и коммерческим использованием. Происхождение этого слова связано с *pantaloons*. Скорее всего, слово произошло от французского *pantalon*, которое в свою очередь было заимствовано от итальянского *pantalone*.

8. Pajamas – с. 1800, *pai jamahs* “loose trousers tied at the waist,” worn by Muslims in India and adopted by Europeans there, especially for nightwear, from Hindi *pajama*, probably from Persian *paejamah*, literally “leg clothing”, *ped-* «нога» + *jamah* «одежда» [8]. Пижама – ок. 1800 г., *paijamahs* – «свободные брюки, завязанные на талии», которые носили мусульмане в Индии и переняли там европейцы, особенно в качестве ночной одежды, от пижамы на хинди, вероятно, от персидской пижамы, буквально «одежда для ног», *ped-* «нога» + *jamah* «одежда».

9. Shorts – from short (adj.). *Short-shorts* is attested from 1946, originally men’s briefs [8]. // Короткие шорты засвидетельствованы с 1946 года, изначально это были мужские трусы. Происхождение слова восходит к протогерманскому корню *sker* – «резать».

10. Anorak – Eskimo’s waterproof, hooded jacket, 1924, from Greenland Eskimo *anoraq*. Applied to Western imitations of this garment from 1930s [8]. // Анорак – непромокаемая эскимосская куртка с капюшоном, 1924, гренландский эскимосский анорак. Применяется к западным имитациям этой одежды с 1930-х годов. Слово заимствовано из гренландского *anoraaq*.

11. Gloves – Old English “glofglove, covering for the hand having separate sheaths for the fingers also palm of the hand”, comes from Proto-Germanic “lǫffō” [8]. // Д.-а. *glof* – покрытие для руки, имеющее отдельные ножны для пальцев. С протогерманского префикса *-ga* и корня *lofo* – «ладонь».

12. Scarf – connecting joint in carpentry, the ends being cut or notched so as to fit into each other, late 13c. (implied in *scarf-nail*), probably from a Scandinavian source, such as Old Norse *skarfr* “nail for fastening a joint; diagonally cut end of a board,” a band worn across the body or over the shoulders [8]. // Соединение в столярных работах, концы обрезаются или надрезаются так, чтобы подходить друг к другу, конец 13в. (ср. гвоздь), вероятно, из скандинавских источников, таких как древнескандинавский *skarfr* «гвоздь для крепления сустава; диагонально разрезанный конец доски», лента, которую носят поперек тела или через плечи. Слово имеет корень *sker* – «резать». От старофранцузского *escarpe* – «пояс, перевязь».

13. Blouse – from French *blouse*, “workman’s or peasant’s smock”, which is of unknown origin [8]. // Сфр. *Blouse* – «рабочая или крестьянская одежда», неизвестного происхождения. Возможно, слово произошло от окситанского *blouso* – «короткий, шерстяной».

14. Shawl – 1660s, originally of an article of dress worn in Asia, from Urdu and other Indian languages, from Persian *shal*, sometimes said to be named for *Shaliat*, town in India where it was first manufactured. French *châle*, Spanish *chal*, Italian *scialle*, German *Shawl* (from English), Russian *shal* all are ultimately from the same source [8]. // 1660-е годы, первоначально предмет одежды, который носили в Азии, из урду и других индийских языков, из персидского *shal*, иногда говорят, что в честь Шалиата, города в Индии, где был впервые изготовлен. Французское *châle*, испанское *chal*, итальянское *scialle*, германское *Shawl* (из английского), русское *шал* – все слова из одного и того же источника.

15. Vest – 1610s, “loose outer garment”. (worn by men in Eastern countries or in ancient times), from French *veste* “a vest, jacket” (17c.) [8]. // 1610-е годы, «свободная верхняя одежда», которую носили мужчины в странах Востока или в древности. Одежда без рукавов, которую мужчины носили под сюртуком, была введена Карлом II в попытке упорядочить мужскую одежду при дворе, которая стала экстравагантной по французскому образцу. От *vestire* «одевать» (от PIE *was* – «одевать», расширенная форма корня *eu* – «одеваться»).

16. Bolero – from Latin *bullā*, “round swelling, knob”. In reference to a type of short jacket (worn in Spain by men, by women elsewhere), it is recorded in English by 1864 [8]. // От латинского *bullā* – «круглая опухоль, бугорок». Что касается типа короткой куртки (которую носят в Испании мужчины, женщины в других местах), то слово зафиксировано в английском языке в 1864 году.

17. Cloak – late 13c., long, loose outer garment without sleeves, from Old North French *cloque* (Old French *cloche, cloke*) “traveling cloak,” from Medieval Latin *clocca* [8]. // Конец 13 в., длинная, свободная верх-

няя одежда без рукавов, от старосеверофранцузского *cloque* (старофр. *cloche, cloke*) «дорожный плащ», от средневекового латинского *clocca*.

18. Jerkin – short, close-fitting men's jacket popular 16c.-17c., 1510s, of uncertain origin, perhaps related to Dutch *jurk* “a frock,” but this is a modern word, itself of unknown origin [8]. Джеркин – короткая, облегающая мужская куртка, популярная в 16-17 вв., 1510-е гг., неопределенного происхождения, возможно, родственная голландскому *jurk* «платье», но это современное слово, само по себе неизвестного происхождения.

19. Parka – 1780, hooded outer garment made of skins, worn by Eskimos, from Aleut *parka*, from Russian *parka* «a pelt or jacket made from pelt, which is said to be from Samoyed, a Uralic language spoken in Siberia [8]. // Парка – 1780, верхняя одежда с капюшоном из шкур, которую носили эскимосы, от алеутской парки, от русской парки «шкурка или куртка из шкуры, которая, как говорят, принадлежит самоедскому, уральскому языку, на котором говорят в Сибири.

20. Breeches – bifurcated garment worn by men, covering the body and waist to the knees, c. 1200, a double plural (also breechen, and singular breech), from Old English *brec* “breeches”, plural of *broc* “garment for the legs and trunk,” perhaps from PIE root **bhreg-* “to break” [8]. // Бриджи – раздвоенная мужская одежда, закрывающая тело и талию до колен, с. 1200, двойное множественное число, от древнеанглийского *brec* «бриджи», множественное число от *broc* «одежда для ног и туловища», возможно, от корня PIE **bhreg-* «ломать».

21. Khakis – dust-colored cloth, 1857, from Urdu *khaki*, literally “dusty,” a word from Persian [8]. // Хаки – одежда из ткани цвета пыли, 1857 г., от урду хаки, буквально «пыльный», слово персидского происхождения.

22. Kaftan – long tunic worn by men in Turkey, Egypt, etc., from Turkish *qaftan* (also in Arabic), from Persian *khafian* [8]. // Кафтан – длинная туника для мужчин из Турции, Египта.

23. Tunic – from Old French *tunique* (12c.) or directly from Latin *tunica* “undergarment” [8]. Туника – от старофранцузского *tunique* (12 в.) или непосредственно от латинского *tunica* «нижнее белье».

24. Jacket – short garment for men. From Old French *jaquet* “short coat with sleeves,” diminutive of *jaque*, a kind of tunic, which is of uncertain origin [8]. Куртка – короткая мужская одежда. От старофранцузского *jaquet* – «короткое пальто с рукавами», уменьшительное от *jaque*, разновидность туники неопределенного происхождения.

25. Kimono – a kimono is an item of Japanese clothing. It is long, shaped like a coat, and has wide sleeves [8]. // Кимоно – кимоно – предмет японской одежды. Оно длинное, по форме напоминает пальто, с широкими рукавами.

26. A poncho – a piece of clothing that consists of a long piece of material, usually wool, with a hole cut in the middle through which you put your head. Some ponchos have a hood [8]. // Пончо – предмет одежды, состоящий из длинного куска материала, обычно шерсти, с прорезанным посередине отверстием, через которое можно просунуть голову. У некоторых пончо есть капюшон.

Проведя анализ лексических единиц наименований одежды первичной номинации, можно сделать вывод, что небольшое количество слов (7 из 26 представленных в списке) происходят из протогерманского языка. Остальные слова заимствованы – 12 из латинского и французского (разных этапов развития языка), остальные заимствованы из других источников (персидский, испанский, турецкий, японский языки).

Результаты этимологического анализа представлены в рисунке 1.

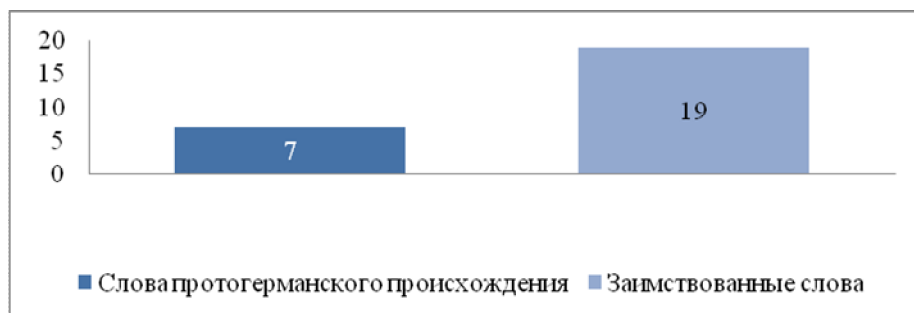

Рис. 1. Этимология наименований одежды

Составленная диаграмма по результатам анализа дает основания полагать, что слова протогерманского происхождения представлены в меньшем количестве. Всего было рассмотрено 26 лексических единиц.

Наименования одежды служат отражением культурных, социальных и исторических тенденций. Эти слова не только помогают описывать и классифицировать различные виды одежды, но и культурный контекст и, связанное с ним непрерывное развитие языка.

Далее рассмотрим особенности вторичной номинации наименований одежды.

На современном этапе развития языка процессы первичной номинации встречаются достаточно редко. Основным средством, с помощью которого обновляется номинативный инвентарь языка, является вторичная номинация.

Как правило, вторичная номинация основывается на одной из двух основных характеристик: функции или внешнему виду. Что касается внешнего вида, то наиболее распространенными мотивированными показателями являются материал, форма, цвет и т.д.

Рассмотрим группы слов, обозначающих наименования одежды, образованных путем вторичной номинации. Всего в ходе исследования в данную группу было отнесено 24 лексические единицы. На основе мотивированных признаков нами было выделено 5 групп. Продемонстрируем методику анализа лексических единиц двух групп с метафорической номинацией.

В первую группу вошли лексические единицы, имеющие в номинативном значении сходство с другим предметом по форме, которое выражено в значении дополнительного компонента анализируемой лексической единицы:

1. Bell-bottoms – trousers that are very wide at the bottom of the leg [6]. Bell-bottoms – are trousers that are very wide at the bottom of the leg, near your feet [7]. // Клеш – брюки сочень широкими внизу штанинами. Клеш – это брюки, очень широкие в нижней части штанины, возле ступней. Bell – a hollow metal object haped like a cup that makes a ringing sound when hit by something hard, especially a clapper [6]. // Колокол – полый металлический предмет в форме чашки...

2. Pencil-skirt – a long, narrow skirt [6]. Pencil-skirt – a slim-fitting knee-length skirt with a straight cut [7]. Юбка-карандаш – длинная узкая юбка. // Юбка-карандаш – облегающая юбка длиной до колена прямого кроя. Pencil – a long, thin object, usually made of wood, for writing or drawing, with a sharp black or coloured point at one end [6]. // Карандаш – длинный, тонкий предмет...

3. Poodle skirt – long full skirt with a large applique of a poodle [9]. // Юбка-пудель – длинная пышная юбка с крупной аппликацией в виде пуделя. Poodle – a dog with curly hair that is usually cut short, except on its head, tail, and legs [6]. // Пудель – собака с кудрявой шерстью, которую обычно коротко стригут, за исключением головы, хвоста и ног.

4. Sheath dress – a simple dress that is fairly straight but fitted around the waist and hips [6]. // Платье-футляр – простое платье, достаточно прямое, но облегающее талию и бедра. Sheath – a close-fitting covering to protect something [6]. // Оболочка (футляр) – плотно прилегающее покрытие для защиты чего-либо.

5. Turtleneck – a high, round collar that does not fold over on itself, or a piece of clothing with this type of collar [6]. Водолазка (букв. «черепаший шея») – высокий круглый воротник, не складывающийся сам на себя, или предмет одежды с таким воротником. A turtleneck or turtleneck sweater is a sweater with a short round collar that fits closely around your neck [7]. // Водолазка – это свитер с коротким круглым воротником, плотно облегающим шею. Turtle – a reptile that lives in the sea and has a thick shell covering its body into which it can move its head and legs for protection [6]. // Черепаха – морская рептилия с твердым панцирем, прикрывающим тело животного, в который оно втягивает голову и лапы в случае опасности.

6. T-shirt – a simple piece of clothing, usually with short sleeves and no collar, that covers the top part of the body [6]. // Футболка – простой предмет одежды, обычно с короткими рукавами и без воротника, закрывающий верхнюю часть тела. A T-shirt is a cotton shirt with no collar or buttons. // Футболка – это хлопчатобумажная рубашка без воротника и пуговиц. T-shirts usually have short sleeves [7]. // Футболки обычно имеют короткие рукава. T – the 20th letter of the English alphabet [6]. // Сходство по форме предмета одежды с этой буквой T – «20-й буквой английского алфавита».

7. A-line dress – skirt or dress is narrow at the top and wider at the bottom [6]. // Платье А-силуэта – юбка или платье, узкие вверху и широкие внизу. A dress that gradually becomes wider from top to bottom, similar to an A in shape [7]. // Платье, постепенно расширяющееся сверху вниз, по форме напоминающее букву А.

8. Drainpipe trousers – trousers that are very tight all the way down the legs [6]. // Брюки-трубы – брюки, очень обтягивающие ноги. Trousers with very narrow legs [7]. // Брюки с очень узкими штанинами. Drainpipe – a pipe that carries wastewater or sewage away from buildings [6]. // Водосточная труба – труба, по которой сточные воды или нечистоты отводятся от зданий.

9. Shell suit – an informal loose top and trousers made of thin, light, smooth material with elastic (= material that stretches) at the wrist and ankle [6]. // Костюм-ракушка – неформальный свободный верх и брюки из тонкого, легкого, гладкого материала с резинкой (= материал, который тянется) на запястьях и щиколотках.

A light weight tracksuit consisting of an inner cotton layer covered by a waterproof nylon layer [7]. // Легкий спортивный костюм, состоящий из внутреннего хлопкового слоя, покрытого водонепроницаемым слоем нейлона. Shell – the hard outer covering of something, especially nuts, eggs, and some animals [6]. // Скорлупа – твердая внешняя оболочка чего-либо, особенно орехов, яиц и некоторых животных.

10. Tank top – a knitted piece of clothing (= made from wool or thick cotton) that covers the upper part of the body but not the arms, and is usually worn over other clothing [6]. // Майка – вязаный предмет одежды (= из шерсти или плотного хлопка), закрывающий верхнюю часть тела, но не руки, и обычно надеваемый поверх другой одежды. A sleeveless upper garment with wide shoulder straps and a low neck, usually worn over a shirt, blouse, or jumper [7]. // Верхняя одежда без рукавов, с широкими бретелями и глубоким вырезом, обычно надеваемая поверх рубашки, блузки или джемпера. Tank – to cover a wall, etc. with a special substance or material in order to keep it dry [6]. // Покрытие стены и т.п. специальным веществом или материалом с целью сохранения ее сухой

11. Bloomers – in the past, large, loose under wear worn below the waist by women [6]. // Шаровары – в прошлом большое, свободное нижнее белье, которое женщины носили ниже пояса. Bloomers are an old-fashioned kind of women's underwear which consists of wide, loose trousers gathered at the knees [7]. // Шаровары – старомодный вид женского нижнего белья, состоящий из широких, свободных брюк, собранных в коленях. Bloom – a flower on a plant [6]. // По форме напоминает цветок.

В следующую группу вошли лексические единицы, качества которых связаны с особенностями надевания предметов одежды. Данные особенности выражены в дефинициях анализируемых слов:

1. Pullover – a piece of clothing that is usually made of a warm material such as wool, has long sleeves, and is worn over the top part of the body and is put on by pulling it over your head [6]. // Пуловер – предмет одежды, который обычно изготавливается из теплого материала, например, шерсти, с длинными рукавами, надевается поверх верхней части тела и надевается через голову. A pullover is a piece of woollen clothing that covers the upper part of your body and your arms. You put it on by pulling it over your head [7]. // Пуловер – это предмет шерстяной одежды, закрывающий верхнюю часть тела и руки. Надевается через голову.

2. Underwear – clothes worn next to the skin, under other clothes [6]. // Нижнее белье – одежда, надеваемая на тело, под другую одежду. Underwear is clothing such as vests and pants which you wear next to your skin under your other clothes [7]. // Нижнее белье – это одежда, которую вы носите на теле под другой одеждой.

3. Tights – a piece of clothing made of very thin material that tightly covers the feet, legs, and lower part of the body, often worn under skirts and dresses [6]. // Колготки – предмет одежды из очень тонкого материала, плотно закрывающий ступни, ноги и нижнюю часть тела, часто надеваемый под юбки и платья. Tights are a piece of clothing which cover the hips, legs, and feet. They are usually made of nylon [7]. // Колготки – это предмет одежды, закрывающий бедра, ноги и ступни. Обычно они сделаны из нейлона.

4. Overshirt – a shirt worn over other clothes [7]. Верхняя рубашка – рубашка, надеваемая поверх другой одежды.

5. Overcoat – a long, heavy coat for use in cold weather. An overcoat is a thick warm coat that you wear in winter [7]. // Пальто (шинель) – длинное, тяжелое пальто для ношения в холодную погоду [6]. // Пальто – это толстое теплое пальто, которое носят зимой.

6. Slip-on – a shoe with no way of fastening it to the foot, that can be quickly put on and taken off [6]. (of a garment or shoe) made so as to be easily and quickly put on or off [7]. // Слипоны – обувь без возможности крепления к ноге, которую можно быстро надеть и снять. (из одежды или обуви), сделанный так, чтобы его можно было легко и быстро надеть или снять

7. Smock – a piece of clothing like a long shirt, worn loosely over other clothing to protect it when working, or a piece of women's clothing that is similar to this [6]. // Халат – предмет одежды типа длинной рубашки, свободно надеваемый поверх другой одежды для защиты ее во время работы, или аналогичный предмет женской одежды. A smock is a loose garment, rather like a long blouse, usually worn by women From Old English *smoc* “garment worn by women corresponding to the men’s shirt, from Proto-Germanic *smukkaz*”. Old Norse *smjuga to creep (through an opening), to put on (a garment)*. [7]. Халат – свободная одежда, похожая на длинную блузку, которую обычно носят женщины. Этимология слова указывает на то, что слово приобрело значение по образу действия, т. е. по способу надевания через голову.

Также нами были выделены наименования одежды по признаку «местоположение», которое также лежит в основе процесса номинации и может быть связано с местом происхождения предмета одежды. Приведенные ниже виды одежды по способу происхождения являются метонимией, поскольку метоними-

ческий перенос основан на смежности вещей в пространстве или во времени. Было выделено несколько групп наименований одежды, образованных с помощью метонимии:

1. Перенос наименования с местоположения на наименование одежды
2. Перенос наименования с имени собственного на наименование одежды
3. Перенос наименования с материала на наименование одежды

В группе с признаком переноса наименования с местоположения на наименование одежды насчитывается 8 наименований одежды:

1. Tuxedo – a man's black or white jacket worn at formal social events, usually in the evening, with matching trousers and a bowtie [6]. // Смокинг – мужской черный или белый пиджак, надеваемый на официальные светские мероприятия, обычно вечером, с соответствующими брюками и галстуком-бабочкой. A tuxedo is a black or white jacket worn mainly by men for formal social events [7]. // Смокинг – это черный или белый пиджак, который носят в основном мужчины на официальных светских мероприятиях. Tuxedo Park расположен в долине реки Гудзон, штат Нью-Йорк.

2. Jersey – a piece of wool or cotton clothing that is worn on the upper part of the body and has sleeves but no opening at the front [6]. Джерси – предмет шерстяной или хлопчатобумажной одежды, надеваемый на верхнюю часть тела и имеющий рукава, но не имеющий разреза спереди. A jersey is a knitted piece of clothing that covers the upper part of your body and your arms and does not open at the front. Jerseys are usually worn over a shirt or blouse [7]. Джерси – это вязаный предмет одежды, который закрывает верхнюю часть тела и руки и не открывается спереди. Такие изделия обычно носят поверх рубашки или блузки. Jersey – один из островов Channel Islands.

3. Capris – trousers that are narrower at the bottom than at the top of the leg and finish above the ankle [6]. Капри – брюки, которые внизу уже, чем вверху, и заканчиваются выше щиколотки. Women's tight-fitting trousers [7]. // Женские брюки облегающего кроя. От названия острова в Неаполитанском заливе.

4. Bikini – a two-piece swimsuit for women [6]. // Бикини – женский купальник из двух частей. A bikini is a two-piece swimming costume worn by women [7]. // Бикини – женский купальный костюм, состоящий из двух частей. От названия Бикини – одного из Маршалловых островов.

5. Panama hat – A panama hat or a panama is a hat, worn especially by men, that is woven from the leaves of a palm-like plant and worn when it is sunny [6]. // Панама – шляпа, которую носят особенно мужчины, сплетенная из листьев пальмоподобного растения и надеваемая в солнечную погоду. A man's hat made from straw and usually worn in hotweather [7]. // Мужская шляпа из соломы, которую обычно носят в жаркую погоду. От названия города Панама.

6. Oxford shoe – a type of fairly formal man's shoe, usually made of leather, that fastens with laces [6]. // Оксфорды – разновидность достаточно формальной мужской обуви, обычно из кожи, со шнурками. Oxfords are low shoes with laces at the front [7]. // Оксфорды – полуботинки со шнурками спереди. A city in S England, administrative centre of Oxfordshire, at the confluence of the Rivers Thames and Cherwell. // Город в Южной Англии, административный центр графства Оксфордшир, в месте слияния рек Темза и Черуэлл.

7. Bermuda shorts – a short pair of trousers ending just above or at the knee, which can be designed for wearing at the beach or for normal activities [6]. // Шорты-бермуды – короткие брюки, заканчивающиеся чуть выше или на уровне колена, которые могут быть предназначены для ношения на пляже или для обычной деятельности. Close-fitting shorts that come down to the knees [7]. // Облегающие шорты до колен. От названия острова в Атлантическом океане, названного в честь испанского исследователя Хуана де Бермудеса (ум. 1570), открывшего его ок. 1515

8. Denims – clothes, especially jeans, made of denim [6]. // Одежда, особенно джинсы, из джинсовой ткани. Denims are casual trousers made of denim [7]. // Джинсы – это повседневные брюки из джинсовой ткани. От названия Деним – город в Южной Франции

Также нами была выделена группа наименований одежды, названия которых произошли от имен собственных.

1. Mackintosh – a waterproof raincoat made of rubberized cloth [6]. Пальто, названное в честь Чарльза Макинтоша (1766-1843), изобретателя процесса гидроизоляции.

2. Wellingtons – rubber boots [6]. Такие ботинки были названы в 1817 году в честь Артура, 1-го герцога Веллингтона (1769-1852), который также при жизни носил пальто, шляпу и брюки, названные в его честь.

3. Cardigan – a jacket knitted from wool, that you fasten at the front with buttons or a zip [6]. Данный термин произошел от Джеймса Томаса Бруденелла (1797-1868), 7-ого графа Кардиган, английского генерала.

Группа наименований одежды, образованных по признаку «материал»:

1. Jeans – trousers made of denim (= strong blue cotton cloth) that are worn informally [6]. Слово “Jean” происходит от французского *jean fustian* (хлопчатобумажная ткань).
2. Flannels – trousers made of light wool cloth [6]. // Брюки из легкой шерстяной ткани.
3. Bearskin – a tall military hat made of black fur[6]. Высокая черная меховая шапка, которую некоторые британские солдаты носят как часть своей униформы для особых церемоний.
4. Pea coat – a short, warm, double-breasted coat of heavy wool, traditionally worn by sailors[6]. Бушлат. Слово произошло от голландского слова *pijjeker*, обозначающее грубую, плотную ткань.
5. Tweeds – clothes made from tweed, especially a jacket and matching trousers/skirt[6]. Твиды – одежда из твида, пиджак и брюки/юбка в тон.

Наиболее распространенные способы переноса наименования представлены на Рисунке 2.

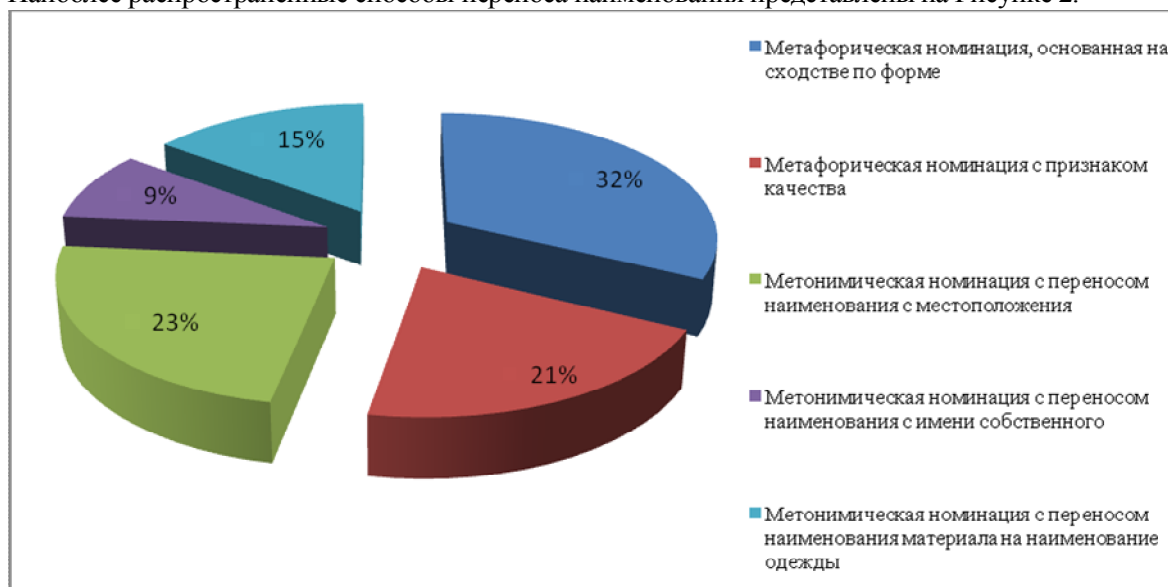

Рис. 2. Лексические единицы, образованные с помощью метафорического и метонимического переноса значения

На основе анализа диаграммы можно выделить следующие распространенные способы переноса наименования:

1. Метафорическая номинация, основанная на сходстве по форме – 11 единиц (34% от общего количества);
2. Метафорическая номинация с признаком качества – 7 единиц (21%);
3. Метонимическая номинация с переносом наименования с местоположения – 8 единиц (24%);
4. Метонимическая номинация с переносом наименования с имени собственного – 3 единицы (9%);
5. Метонимическая номинация с переносом наименования материала на наименование одежды – 5 единицы (15%);

Таким образом, метафора, или перенос наименования с одного предмета на другой на основе функциональной характеристики, является наиболее распространенным типом номинации. Это связано с тем, что появляющиеся наименования одежды, в первую очередь, несут значение, связанное с функцией данного наименования, так как человеку свойственно в название сразу внести то, для чего нужен тот или иной объект одежды.

Библиографический список

1. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
2. Телия В.Н. Номинация // Лингвистический энциклопедический словарь; гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 330-336.
3. Гак В.Г. К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация: Общие вопросы. М., 1977
4. Колшанский Г.В. Лингво-гносеологические основы языковой номинации // Языковая номинация. Общие вопросы / отв. ред. Б.А. Серебrenников, А.А. Уфимцева. М.: Наука, 1977. С. 99-146.
5. Реформатский А.А. Введение в языковедение / под ред. В.А. Виноградова. М.: Аспект Пресс, 1996. 536 с.
6. Cambridge dictionary: [сайт]. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 8.11.2023).

7. Collins dictionary: [сайт]. URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (дата обращения: 5.11.2023).
8. Etymonline: [сайт]. URL: <https://www.etymonline.com/> (дата обращения: 14.10.2023).
9. Stephen Feinstein. The 1950s. Enslow Publishing, LLC, 2006. 96 p.

References

1. Kubryakova E.S. Language and knowledge: On the way to acquiring knowledge about language: Parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in understanding the world. Moscow, 2004. 560 p.
2. Teliya V.N. Nomination // Linguistic encyclopedic dictionary. Moscow, 1990. P. 330-336.
3. Gak V.G. On the typology of linguistic nominations // Language nomination: General issues. Moscow, 1977
4. Kolshansky G.V. Linguistic and epistemological foundations of language nomination / G.V. Kolshansky // Language nomination. General questions. Moscow, 1977. P. 99-146.
5. Reformatsky A.A. Introduction to Linguistics. Moscow, 1996. 536 p.
6. Cambridge dictionary: [website]. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (date of application: 8.11.2023).
7. Collins dictionary: [website]. URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (date of application: 5.11.2023).
8. Etymonline: [website]. URL: <https://www.etymonline.com/> (date of application: 14.10.2023).
9. Stephen Feinstein. The 1950s. Enslow Publishing, LLC, 2006. 96 p.

УДК 81.373.21 + 070

DOI 10.36622/2587-9510.2024.53.2.002

*Воронежский государственный университет
канд. филол. наук, доц. кафедры связей с обществом,
рекламы и дизайна*

Попов С.А.

Россия, г. Воронеж,

e-mail: spo@bk.ru

Voronezh State University

*PhD, docent of the Department of public relations,
advertising and design*

Popov S.A.

Russia, Voronezh,

e-mail: spo@bk.ru

С.А. Попов

**ОСВЕЩЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСЧЕЗНУВШИХ ОЙКОНИМОВ НА СТРАНИЦАХ
ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ РАЙОННОЙ ГАЗЕТЫ
«РОДНОЕ ПРИДОНЬЕ» ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ**

(Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01737 «Топонимический мартиролог Российской Федерации на современном этапе: социолингвистический аспект»,

<https://rscf.ru/project/23-28-01737/>)

В статье рассматривается роль региональных средств массовых коммуникаций в исследовании и сохранении исчезнувших наименований населенных пунктов (ойконимов) как историко-культурного наследия субъекта Российской Федерации. На конкретных примерах творческой деятельности редакции петропавловской районной газеты «Родное Придонье» Воронежской области автор показывает, как на страницах данного СМИ регулярно освещаются проблемы исчезнувших ойконимов района. По инициативе главного редактора Л.Н. Поповой в январе 2020 года в издании зародилась рубрика «Здесь был хутор», в которой стали публиковаться содержательные и хорошо иллюстрированные материалы о забытых и заброшенных хуторах, поселках и деревнях района, подготовленные на основе научных исследований, краеведческих изысканий, официальных документов, географических карт, архивных сведений, воспоминаний местных жителей. Читатели газеты сразу полюбили новую рубрику, опубликованные в ней материалы вызвали широкий общественный резонанс, бывшие жители описываемых исчезнувших населенных пунктов стали дополнять журналистские статьи информацией о своей жизни в существовавших на момент их молодости населенных пунктах. Автор приходит к выводу, что в настоящее время региональные СМИ стали одним из серьезных источников научных топонимических исследований, особое внимание уделяя районным газетам, играющим важную роль в сохранении памяти об исчезнувших населенных пунктах, вместе с которыми ушли и их названия. Разнообразная информация об этих хуторах, деревнях, посёлках, селах через страницы «районки» передается последующим поколениям земляков зачастую во многом благодаря энтузиазму местных краеведов, школьных учителей, школьников, библиотекарей, журналистов.

Ключевые слова: ономастика, журналистика, медиaprостранство, топонимика, топонимы, топонимический мартиролог, ойконимы, лингвокраеведение.

S.A. Popov

**COVERAGE OF THE PROBLEM OF DISAPPEARED OIKONYMS ON THE PAGES OF THE
PETROPAVLOVSK REGIONAL NEWSPAPER
"NATIVE PRIDONYE" OF THE VORONEZH REGION**

(The study was supported by the grant of the Russian Science Foundation No. 23-28-01737 "Toponymic martyrology of the Russian Federation at the present stage: sociolinguistic aspect", <https://rscf.ru/en/project/23-28-01737/>)

The article examines the role of regional mass media in the study and preservation of disappeared names of settlements (oikonyms) as a historical and cultural heritage of the subject of the Russian Federation. Using concrete examples of the creative activity of the editorial office of the Petropavlovsk regional newspaper "Native Pridonye" of the Voronezh region, the author shows how the problems of the disappeared oikonyms of the district are regularly covered on the pages of this media. At the initiative of the editor-in-chief L.N. In January 2020, the column "There was a farmstead here" was born in the publication, which began to publish informative and well-illustrated materials about forgotten and abandoned farms, towns and villages of the district, prepared on the basis of scientific research, local history studies, official documents, geographical maps, archival information, memories of local residents. Readers of

© Попов С.А. 2024 immediately fell in love with the new column, the materials published in it caused a wide public

outcry, former residents of the described disappeared settlements began to supplement journalistic articles with information about their lives in the settlements that existed at the time of their youth. The author concludes that currently regional media have become one of the serious sources of scientific toponymic research, paying special attention to regional newspapers, which play an important role in preserving the memory of disappeared settlements, along with which their names have disappeared. A variety of information about these farms, villages, towns, villages is transmitted through the pages of "districts" to subsequent generations of fellow countrymen, often largely due to the enthusiasm of local historians, school teachers, schoolchildren, librarians, journalists.

Keywords: onomastics, journalism, media space, toponymy, toponyms, toponymic martyrology, oikonoms, linguistic local history.

Повысившийся в последние десятилетия неподдельный интерес россиян к своим национальным корням способствовал увеличению числа публикаций исторического характера в центральных и региональных средствах массовых коммуникаций. Ученые разных направлений также заинтересовались феноменом региональной идентичности.

По мнению Ю. М. Зубаревой, «Исследование региональной идентичности в лингвокультурологическом аспекте позволяет сделать вывод о том, что она формируется на базе исторических и географических реалий под влиянием культурного опыта и сложившихся в данной области традиций. Региональная идентичность играет интегрирующую роль по отношению к сообществу, предполагает эмоциональное личное чувство, переносимое на социум, осознаваемое как патриотизм» [1; с. 94].

Не случайно часть лингвокраеведческих и лингвокультурологических публикаций региональных СМИ посвящена местной ономастической тематике – происхождению и значению имен, фамилий, прозвищ первопоселенцев, бывших владельцев населенных пунктов и членов их семей, их жизнеописанию, истории самих населенных пунктов, этимологии их названий, гидронимам, микротопонимам и другим разрядам топонимов.

Как мы отметили ранее, «Быстро увеличился спрос на историческую и краеведческую литературу, которая моментально стала дефицитом. Региональные средства массовой информации, от районных газет и радиостудий до изданий областного масштаба, больше площадей и эфирного времени стали выделять соответствующей тематике. Как результат – в первые «перестроечные» годы наблюдался массовый рост их тиражей и увеличение аудитории телезрителей и радиослушателей» [2; с. 127].

Региональные СМИ стали одним из серьезных источников научных топонимических исследований, поскольку «анализ массива фактов, извлеченных из разновременных газетных текстов, и совокупность ономастических словарей позволяют, с опорой на изученную научную, учебную и справочную литературу, представить семантическую структуру топонимических единиц» [3; с. 9].

В настоящее время в Российской Федерации районные газеты зачастую являются единственным периодическим печатным изданием, подписку на которое может себе позволить среднестатистическая семья из российской глубинки. Причем не всегда основной причиной становится неплатежеспособность сельского населения. В первую очередь местных жителей интересуют новости общественно-политической и культурной жизни своего муниципального района или сельского поселения. В этом отношении сегодня районным газетам нет конкуренции, поскольку они успешно решают свои главные задачи: предоставление всесторонней местной информации, выполнение роли трибуны общественности, формирование и сплочение местного сообщества, формирование общественного мнения, развитие чувства малой родины, выполнение роли проводника органов местной власти [4; с. 84].

Согласимся с профессором М. В. Горбаневским, который утверждает, что «любой топоним – это компонент реальной системы географических названий, обладающих общей языковой историей и, в то же время, отдельной историко-культурной биографией» [5; с. 22]. И действительно, в каждом наименовании географических объектов зафиксировалась порой многовековая история как самого объекта, так и топонима. Правда, в российской топонимической практике встречались примеры, когда то или иное название существовало всего несколько лет, чаще всего это было связано с переименованиями по идеологическим соображениям в память об умерших советских и партийных руководителях, видных военачальниках и т.д. с последующим возвращением населенному пункту его исконного названия (г. *Баталпаинск* – г. *Сулимов* (1934-1937) – г. *Ежово-Черкесск* (1937-1939) – г. *Черкесск*; г. *Ижевск* – г. *Устинов* (1984-1987) – г. *Ижевск*; г. *Набережные Челны* – г. *Брежнев* (1982-1988) – г. *Набережные Челны*; г. *Рыбинск* – г. *Щербаков* (1946-1957) – г. *Рыбинск* – г. *Андропов* (1984-1989) – г. *Рыбинск*; г. *Шарыпово* – г. *Черненко* (1985-1988) – г. *Шарыпово* и др.).

Помимо истории и реалий сегодняшнего дня существующих населенных пунктов ряд районных газет Воронежской области стали интересовать исчезнувшие населенные пункты и их наименования – ойконимы. Для обозначения исчезнувших наименований географических объектов мы предложили использовать термин «топонимический мартиролог» (от греч. *μάρτυρολόγιον*, *μάρτυς* – свидетель, мученик и *logos* – слово, сказание; лат. *martyrologium* – перечень жертв преследований или гонений; в более широком смысле этим словом обозначают перечень умерших или погибших людей; таким образом, *топонимический мартиролог* – перечень исчезнувших наименований географических объектов (топонимов) [6; с. 108].

Согласно официальным данным, предоставленным на наш запрос Федеральной службой государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестром), с середины XX века по настоящее время в Российской Федерации сняты с учёта по причине исчезновения 44 374 населенных пункта, среди которых 5 будок, 5 курортных поселков, 6 поселков при станциях, 8 казарм, 13 кордонов, 14 станций, 15 станиц, 20 городов, 28 железнодорожных станций, 28 разъездов, 30 дачных поселков, 34 участка, 36 местечек, 41 рабочий поселок, 43 слободы, 101 аул, 101 выселок, 228 починков, 245 улусов, 263 поселка городского типа, 2 361 хутор, 2 629 сёл, 9 784 поселка, 28 336 деревень. Алфавитные списки географических названий ранее существовавших населённых пунктов зарегистрированы в автоматизированном государственном каталоге географических названий (АГКГН).

Уточним, что за указанный период в Воронежской области официально исчезло 1 279 населённых пунктов, вместе с которыми ушли и их названия, являвшиеся частью языкового и культурно-исторического наследия региона. Например, только одним решением Исполнительного комитета Воронежского областного Совета депутатов трудящихся от 01.07.1965 г. № 577 «О снятии с учета поселков, хуторов и деревень, жители которых переселились в другие населенные пункты» в Воронежской области за один день официально перестали существовать сразу более двухсот поселков, хуторов, сел и деревень. Для сравнения: за аналогичный период в Краснодарском крае исчезло и было переименовано 560 населенных пунктов, в Ставропольском крае – 407, в Республике Северная Осетия-Алания – 43. Список можно продолжить по каждому субъекту Российской Федерации.

По нашим наблюдениям, «Зачастую только в региональных СМИ (особенно в районных газетах) можно встретить статьи об истории исчезнувших населённых пунктов края, нередко проиллюстрированные раритетными архивными фотографиями. Как правило, в таких материалах также содержится информация об этимологии ойконима, неофициальные (народные) названия населенных пунктов и их частей и другие топонимические реалии» [7; с. 93]

Ряд районных газет Воронежской области («Аннинские вести», «Заря», «Калачеевские зори», «Лискинские известия», «Родное Придонье», «Эртильские вести» и др.) не первый год поднимают проблему исчезнувших населенных пунктов и публикуют как собственные журналистские материалы, так и воспоминания бывших жителей. Данные материалы часто получают обратную связь от читателей – положительные отклики, раритетные фотоматериалы, новую информацию по истории бывшего села, поселка, хутора или деревни, о жителях.

Рассмотрим, как освещается проблема исчезнувших ойконимов на страницах петропавловской районной газеты «Родное Придонье» (так СМИ именуется с 1 января 1997 года, прежние названия – «За коллективизацию», «Сталинский путь», «Под знаменем Ленина», «Сельский труженик», «Верный путь»).

Общественно-политическая газета Петропавловского муниципального района Воронежской области «Родное Придонье» (филиал РИА «Воронеж») издаётся с 8 сентября 1931 года. В настоящее время она выходит по пятницам, её тираж составляет 2 014 экземпляров (распространяется по подписке), три раза в месяц также выходит приложение «Родное Придонье. Социальный выпуск» тиражом 2 500 экземпляров (распространяется бесплатно). Таким образом, совокупный тираж газеты составляет более 4 500 экземпляров, что для района с населением более 20 000 человек – неплохой показатель.

В январе 2020 года в газете по инициативе главного редактора Л.Н. Поповой была открыта рубрика «Здесь был хутор», в которой стали публиковаться содержательные и хорошо иллюстрированные материалы о забытых и заброшенных хуторах и деревнях Петропавловского района.

В дебютной статье рубрики раскрыта этимология ойконима, приведены сведения из начальной истории хутора: «Почти полвека назад исчез с лица земли хутор Мандровка, который находился в 18 километрах от Петропавловки. Сегодня на его месте только памятный камень, памятник с именами

мандровцев, погибших в боях за Родину в годы Великой Отечественной войны, и кладбище, более чем наполовину заросшее кленами да дикой порослью. Да и доехать до хутора непросто. Почти двадцать километров дороги петляют между полями и лесополосами. <...> Старожилы утверждали, что название хутору дал крестьянин по фамилии Мандровский, который перебрался в это место вместе с семьей из села Журавка Богучарского района. Было это в 1865 году. В том же году в хуторе было отстроено 12 хат-лозюнок, где проживало 46 мужчин и 47 женщин. Через 20 лет в Мандровке уже проживало 686 человек в 132 домах» [8; с. 8].

Рубрика сразу понравилась читателям «Родного Придонья», и уже в июле 2020 года в газете был опубликован новый материал главного редактора про другой исчезнувший хутор Петропавловского района – Солопов. Автор пообщалась с учителем истории Старомеловатской средней школы О.П. Шевцовой, которая выдвинула свою версию о происхождении населенного пункта: «По моим сведениям, первые поселенцы хутора – беглые люди, появились там раньше, чем казаки основали крепость на месте нынешней Старой Меловой. Бежали эти люди из населённых пунктов Битюжья, скрываясь от петровских реформ. Такие поселения из беглецов появились стихийно, без разрешения властей. Так небольшая группа остановилась в районе Солопова. По поводу названия хутора бытует несколько вариантов, но наиболее распространённый связан с одним из первых постояльцев по фамилии Солопов. Он считался хозяином хутора, под его руководством находились беглые, надеявшиеся найти здесь свободу. <...> В 1960-х годах хутор признали неперспективным. Жители были против этого решения и сопротивлялись как могли, писали письма во все властные органы, доказывали, что хутор ещё может жить, но на каждое такое обращение в Солопове что-то закрывали. Не стало колхоза «За Сталинский урожай», и хуторяне оказались членами другого колхоза – «1 Мая». Люди разъезжались, кто в райцентр, кто в Старую Меловую и другие сёла. Перевозили на новые места хаты, хозяйство, скромный скарб. Пришлось начинать жизнь заново. Последним, кто покинул Солопов, был Дмитрий Степанович Плотников. Было это в 1982 году. Сейчас от хутора осталось только кладбище. Местность, где когда-то стояли дома и подворья хуторян, перепахано тракторами» [9; с. 8-9].

Главный редактор «Родного Придонья» Л.Н. Попова личным примером заинтересовала историей района журналиста газеты Д. Ставицкую, которая подготовила хорошо иллюстрированный разворот об исчезнувшем хуторе Турецкий: «Между двух больших оврагов в тени садов и располагался в прошлом веке хутор Турецкий. Точная дата его образования неизвестна. На памятном камне, который установили на въезде в бывший хутор, написано, что основали Турецкий в конце XVIII века. Старожилы говорят, что хутор возник в начале XVIII века. Почему же Турецкий? XVIII век был временем постоянных войн России и Турции. Одни придерживаются мнения, что в том месте, где был хутор, турки часто останавливались и разбивали свои лагеря из-за удобного местоположения. Другие, что через те места наши солдаты гнали пленных турок, и местные, когда приходили обрабатывать землю на своих наделах, постоянно видели и слышали их. Поэтому и назвали то место турецким. Возможно, в каких-то архивах и сохранились документы, описывающие название, происхождение и год основания хутора, но о них, к сожалению, ничего неизвестно, поэтому сослаться приходится лишь на рассказы старожилов. Как бы то ни было, русский хутор носил название «Турецкий» [10; с. 8].

Материал Д. Ставицкой также вызвал широкий общественный резонанс, после его публикации в редакцию обратились несколько жителей исчезнувшего хутора и дополнили рассказ журналиста о своей малой родине. В итоге спустя всего полтора месяца в «Родном Придонье» вышел второй разворот о хуторе Турецком, в котором была приведена несколько иная трактовка происхождения ойконима: «Название хутора тоже не имеет точного объяснения, кроме того, что связано с урочищем Турецкое. Небольшой лесок располагался в месте соединения двух глубоких оврагов, которые окружали появившийся хутор. Название урочища перенесли на населённый пункт. Во второй половине XVIII века Россия часто воевала с Турцией, и, возможно, такое название урочища появилось потому, что в семи километрах от бывшей крепости останавливались на постой отряды пленных турок, переправляемых в центр страны на строительные работы. Среди старожилов было ещё мнение, что во времена существования военной крепости на небольшом расстоянии от нее останавливались поселенцы, язык которых местным жителям был незнаком. Из-за непонимания речи их называли турками» [11; с. 8].

Журналисты «Родного Придонья» также регулярно публикуют материалы о топонимических коммеморативных практиках – социальных практиках, основанных на мобилизованной коллективной памяти об исчезнувших наименованиях географических объектов, способах увековечивания памяти в виде монументов, памятных мест, музейных экспозиций, празднования значимых событий коллективной истории.

Например, благодаря журналистам районной газеты петропавловцам стало известно, что бывшие жители исчезнувшего хутора Артюхов на его месте в 2004 году на собственные пожертвования начали строить часовню, через год ее открыли и освятили. Как рассказал главному редактору «Родного Придонья» Л.Н. Поповой глава Петропавловского сельского поселения Ю.С. Шевцов, «Вот уже 18 лет уроженцы бывшего хутора Артюхов следят за её состоянием, благоустраивают постройку внутри. Нынешним летом в часовне заменили старые двери и окно на новые пластиковые. Приезжая на кладбище в хутор, люди заходят в часовню помолиться, оставить иконы и цветы. Спасибо всем неравнодушным людям, кто ухаживает за часовней и территорией вокруг неё» [12; с. 8].

Публикации газеты «Родное Придонье» активно используются учителями школ района при проведении лингвострановедческой и патриотической работы с подрастающим поколением. Закономерным итогом такой деятельности газеты стали регулярные победы школьников Петропавловского муниципального района в различных региональных и федеральных историко-краеведческих конкурсах и олимпиадах.

Как видно на примере «Родного Придонья», районные СМИ играют важную роль в сохранении памяти об исчезнувших населённых пунктах, вместе с которыми ушли и их названия. Информация об этих хуторах, деревнях, посёлках, селах через страницы «районки» передается последующим поколениям земляков зачастую во многом благодаря энтузиазму местных краеведов, школьных учителей, журналистов.

Библиографический список

1. Зубарева Ю. М. Исследование региональной идентичности в лингвокультурологическом аспекте // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2024. № 1 (52). С. 90-95. DOI 10.36622/2587-9510.2024.63.51.016.
2. Попов С. А. О роли лингвострановедения в профессиональной деятельности журналистов региональных СМИ // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2022. № 4 (47). С. 126-131. DOI 10.36622/AQMPJ.2022.43.86.019.
3. Ильин Д. Ю., Сидорова Е. Г. Топонимические наименования Волгоградской области: функционально-семантические и ортологические особенности: Учебно-методическое пособие. Волгоград, 2016. 60 с.
4. Мельник Г. С., Тепляшина А. Н. Современная местная газета: типология, особенности функционирования и перспективы развития: учеб. пособие. СПб., 2011. 130 с.
5. Горбаневский М. В. Русская городская топонимия: проблемы историко-культурного изучения и современного лексикографического описания: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1994. 39 с.
6. Попов С. А. Топонимический мартиролог региона как часть национального культурного пространства Российской Федерации [Электронный ресурс] // Социолингвистика. 2022. № 3 (11). С. 104–119. DOI: 10.37892/2713-2951-3-11-104-119.
7. Попов С. А. Региональные средства массовой коммуникации как источник для топонимического мартиролога // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 2 (33). С.90–96. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_2_33_90.
8. Попова Л. В Мандровке – полувековая тишина: 46 лет назад исчез с лица земли хутор с необычным названием // Родное Придонье. Петропавловка, 2020. 24 января. № 3. С. 8-9.
9. Попова Л. Лишь название и старый погост: Почти сорок лет назад хутор Солопов покинули последние жители // Родное Придонье. Петропавловка, 2020. 17 июля. № 29. С. 8-9.
10. Ставицкая Д. «Воздух слаще и соловьиные трели звонче»: Уроженки исчезнувшего хутора Турецкий поделились воспоминаниями о жизни в нём // Родное Придонье. Петропавловка, 2020. 4 декабря. № 48. С. 8-9.
11. Ставицкая Д. Урочище, саманки и лежанки: Новые факты из жизни исчезнувшего хутора Турецкий // Родное Придонье. Петропавловка, 2021. 22 января. № 2. С. 8-9.
12. Попова Л. Навели порядок в часовне // Родное Придонье. Петропавловка, 2023. 13 октября. № 40. С. 6.

References

1. Zubareva Yu. M. The study of regional identity in the linguistic and cultural aspect // Topical issues of modern philology and journalism. 2024. No. 1 (52). pp. 90-95. DOI 10.36622/2587-9510.2024.63.51.016.

2. Popov S. A. On the role of linguistics in the professional activity of journalists of regional media // Topical issues of modern philology and journalism. 2022. No. 4 (47). pp. 126-131. DOI 10.36622/AQMPJ.2022.43.86.019.
3. Ilyin D. Yu., Sidorova E. G. Toponymic names of the Volgograd region: functional, semantic and orthological features: An educational and methodological guide. Volgograd, 2016. 60 p.
4. Melnik G. S., Teplyashina A. N. Modern local newspaper: typology, features of functioning and prospects of development: studies. stipend. St. Petersburg, 2011. 130 p.
5. Gorbanevsky M. V. Russian urban toponymy: problems of historical and cultural study and modern lexicographic description: abstract. ... Doctor of Philology, M., 1994. 39 p.
6. Popov S. A. Toponymic martyrology of the region as part of the national cultural space of the Russian Federation [Electronic resource] // Sociolinguistics. 2022. No. 3 (11). C. 104-119. DOI: 10.37892/2713-2951-3-11-104-119.
7. Popov S. A. Regional mass media as a source for toponymic martyrology // The Upper Volga Philological Bulletin. 2023. No. 2 (33). pp. 90-96. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_2_33_90.
8. Popova L. There is half a century of silence in Mandrovka: 46 years ago, a farm with an unusual name disappeared from the face of the earth // Native Pridonye. Petropavlovsk, 2020. January 24. No. 3. pp. 8-9.
9. Popova L. Only the name and the old churchyard: Almost forty years ago the last inhabitants left the Solopov farm // Native Pridonye. Petropavlovsk, 2020. July 17th. No. 29. pp. 8-9.
10. Stavitskaya D. "The air is sweeter and the nightingale trills are louder": The natives of the disappeared Turkish farm shared their memories of life in it // Native Pridonye. Petropavlovsk, 2020. December 4. No. 48. pp. 8-9.
11. Stavitskaya D. Tract, samanki and lezhanki: New facts from the life of the disappeared farm Turkish // Native Pridonye. Petropavlovsk, 2021. January 22. No. 2. pp. 8-9.
12. Popova L. Put things in order in the chapel // Native Pridonye. Petropavlovsk, 2023. October 13. No. 40. p. 6.

УДК 811.161
DOI 10.36622/2587-9510.2024.53.2.003

Курский государственный университет
кандидат филологических наук, доцент кафедры
русского языка
Малыхина Т.М.
Россия, г. Курск
Тел. +7(4712)511444
e-mail: etnolingv@mail.ru

Kursk State University
Candidate of Philological Sciences, Associate Pro-
fessor of the Department of Russian Language
Malykhina T.M.
Russia, Kursk
Tel. +7(4712)511444
e-mail: etnolingv@mail.ru

Курский государственный университет
кандидат филологических наук, доцент кафедры
русского языка
Кузьмина А.В.
Россия, г. Курск
Тел. +7(4712)511444
e-mail: alevtina-kuzmina@mail.ru

Kursk State University
Candidate of Philological Sciences, Associate Pro-
fessor of the Department of Russian Language
Kuzmina A.V.
Russia, Kursk
Tel. +7(4712)511444
e-mail: alevtina-kuzmina@mail.ru

Т.М. Малыхина, А.В. Кузьмина

ЭТИМОЛОГИЯ КУЛЬТУРОНИМА «КОЖЛЯНСКАЯ ИГРУШКА» КАК ЯЗЫКОВОГО ИНДЕКСА ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА КУРСКОГО РЕГИОНА

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-20076,

<https://rscf.ru/project/24-28-20076/>

Основой данного научного исследования является анализ одного из курских культуронимов, являющихся ярким языковым источником в плане воссоздания элементов языковой картины мира наших предков и реконструкции истории ментальности и культуры народа, населяющего древний Курский край. Используются следующие методы исследования: описательный, сравнительно-исторический, сравнительно-сопоставительный и интерпретации. Основными источниками материала послужили академические словари русского языка, фиксирующие исторические изменения слов. В ходе этимологического анализа лексемы *Кожля/Козля* и соответствующего культуронима *кожлянская игрушка*, авторами определены особенности их лексической, морфологической и фонологической структуры; восстановлены звенья семантической эволюции указанных выше слов (от мотивировочного признака до современного лексического значения), при этом были привлечены лексические данные диалектов, удерживающих древние значения слов, материалы родственных языков (индоевропейских); доказано, что подобные слова представляют собой языковое свидетельство прошлого.

Ключевые слова: этимология, семантика, Курск, культуронимы, Кожля/Козля, кожлянская игрушка.

T.M. Malykhina, A.V. Kuzmina

ETYMOLOGY OF THE CULTURAL NAME "KOZHLYANSKAYA IGRUSHKA (TOY OF THE KOZHLYA)" AS A LINGUISTIC INDEX OF THE ETHNOCULTURAL LANDSCAPE KURSK REGION

The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation No. 24-28-20076,

<https://rscf.ru/project/24-28-20076/>

The basis of this scientific research is the analysis of one of the Kursk cultural names, which are a vivid linguistic source in terms of recreating elements of the linguistic picture of the world of our ancestors and reconstructing the history of the mentality and culture of the people inhabiting the ancient Kursk Region. The following research methods were used: descriptive, comparative-historical, comparative-comparative and interpretation. The main sources of the material were academic dictionaries of the Russian language, which record historical changes in words. During the etymological analysis of lexeme *Kozhlya/Kozlya* and the corresponding cultural name *Kozhlyanskaya igrushka (toy of the Kozhlya)*, the authors determined the features of their lexical, morphological and phonological structure; restored the links of the semantic evolution of the above words (from a motivational feature to a modern lexical meaning), while using lexical data of dialects retaining ancient word meanings, materials of related languages

(Indo-European); proved that such words they represent linguistic evidence of the past.

Keywords: etymology, semantics, Kursk, cultural names, Kozhlya/Kozlya, Kozhlyanskaya igrushka (toy of the Kozhlya).

*Из глины рождается чудо:
Игрушка, махотка, кувшин.
И всё озаряется светом
Исконно российских глубин.
С.А. Дорохова*

Термин «культуроним» активно используется в современных лингвистических и литературоведческих исследованиях, составляя при этом непосредственный объект исследования интерлингвокультурологии. К сожалению, в социологии и культурологии отсутствует специальный термин, способный определить и объединить всю совокупность названий представителей различных человеческих культур и субкультур. По аналогии с понятиями «этноним», «политоним», «конфессионим», «соционим» такую функцию мог бы взять на себя термин «культуроним». Однако в современных русскоязычных научных социологических и культурологических работах использование термина «культуроним» в данном значении не встречается, хотя всеми признается следующее определение этого термина: *культуроним* (от лат. cultura, от colo, colere – возделывание, позднее – воспитание, образование, развитие, почитание + др.-греч. ὄνομα – имя, название) – общее понятие для языковых единиц (различных языков), закрепленных за элементами различных культур, а также слово или понятие с полным или коннотативным значением, обозначающим специфичный предмет или явление в какой-либо культуре [1].

На наш взгляд, использование термина «культуроним» в значении ‘специфичный предмет или явление в какой-либо культуре’ необходимо и вполне оправдано по отношению к лингвистическим исследованиям.

Кожлянская игрушка – один из народных промыслов, существующий более 250 лет и делающий культуру Курского края богатой и неповторимой; это не просто забава, а визитная карточка Курской губернии, символ Курского региона, несущий в себе удивительную информацию о наших предках, их представлении об окружающем мире. Родина игрушки – деревня Кожля, которая находилась в Льговском уезде Курской губернии (теперь в Курчатовском районе Курской области). Кожлянские глиняные расписные свистульки пользовались большой популярностью: их в больших количествах продавали на ярмарках, покупатели были не только из других губерний, купцы переправляли их даже в Персию и Турцию.

Живописная деревня Кожля (первоначальное название – *Козля*) Курчатовского района Курской области раскинулась на правом берегу реки Сейм неподалеку от Курска (рис. 1). В списках населенных мест 1862 года *Козля* упоминается как слобода, в которой числилось 121 двор, проживало 516 мужчин, 533 женщины. В дальнейшем слобода была переименована в деревню.

Аккуратно побеленные домики, разбросанные по круче громадного оврага, прячутся в зелени садов.

Рис. 1. Деревня Кожля

Богатые залежи глины позволили здесь, в этой деревне, на юго-западной окраине Курской губернии, процветать гончарному ремеслу. Игрушки создавали преимущественно женщины, мужчины занимались добычей глины или лепили более серьезные и тяжелые предметы.

В каждом подворье деревни имелось все, что необходимо для гончарного ремесла. В карьере под названием «Глинище» у каждого из мастеров была заведена своя шахта, откуда и привозилась для работы мягкая синеватая глина, уже при обжиге она становилась белой и не требовала подкрашивания в готовом виде. Весной и летом ее обжигали солнечные лучи, осенью обдували ветры и поливали дожди, зимой она замерзала на морозе и оттаивала при оттепели, тогда в нее проникала талая вода. Но все это шло глине только на пользу, поскольку она разрыхлялась от многочисленных микротрещин, при этом окислялись вредные органические примеси и вымывались растворимые соли. Изделие традиционно вытягивалось мастерами из цельного куска глины, создавалось без составных частей и «налепов» [2].

У каждого населенного пункта есть своя история, легенда, связанная с названием. По народной этимологии, топоним *Кожля* (*Козля*) объясняется по-разному:

- первоначально деревня называлась *Козля*; согласно легенде, в этих местах водились дикие козы, на украинском языке *коза* – это *козля*, и поэтому так называли деревню. Но жители Кожли с такой версией не очень согласны. По крайней мере, в XVII-XIX веке козы там точно не водились;

- название деревни пошло от фамилии первопоселенца Козлова. Эта версия также сомнительна, так как по архивным данным село образовалось на земле, купленной помещиком Денисьевым в 1742 году. Сюда были перевезены из Полтавской губернии разные мастерские люди.

В «Историко-этимологическом словаре современного русского языка» под редакцией П.Я. Черных отмечено, что лексемы *козёл*, *коза* восходят к и.-е. основе **kog'-a-* : **kog'o* или **kag'-o* (Рокорну, I, 517 и ел.). Ср. гот. *hakuls* – ‘плащ’ (< ‘плащ из кожи’); др.-исл. *hqkul-1* – то же; др.-в.-нем. *hachul* – то же По значению это слово (в герм. языках) соответствует рус. *кожух*, от *кожа*, произв. от о.-с. **koza* (Черных, 1, 408–409). Таким образом, этимологически родственными корнями являются корни *-ког-(-каг-)*, *-коз-*, *-кож-* (*г//ж*, *г//з*).

В «Словаре русских народных говоров» лексема *козёл* имеет множество значений, одними и которых являются:

- ‘бревна, поставленные на просушку вертикально; соединяясь сверху, они образуют пирамиду’. *Свежесрублены бревна в козлы, ставят*;

- ‘два кола, воткнутые в землю, соединенные и перевязанные крест-накрест’. Верховаж. Волог., 1849. Волог.;

- ‘стойка из нескольких жердей, соединенных сверху, для укрепления рыболовных сетей’;

– ‘кол, жердь (обычно с перекладами) для сушки гороха, сена и т. п’. Смол., 1893. *В козлы становятся пуки-то, пеньку*. Орл.;

– ‘укладка снопов’, Славк. Пек., 1957. *Короводы в Теплове, а здесь – козлы, два десятка снопов. Козлы – это раньше, а теперь стоянки называют. Лен в козлы ставят, по старины одиннадцать пар – козёл*;

– ‘у гончаров – гряда приготовленной глины’ [5; с. 58–60]. Сравним похожее значение в «Русском диалектном этимологическом словаре. Лексика контактных регионов» С.А. Мызникова у этимологически родственного слова *когач* с корнем *-ког-*: *когач* – ‘куча, гряда чего-л.’: «Того же дни куплено в Кондушах у Ортемя Васил уголя двенатцат *когачевь*, денег дано дватцат четыре алтына» (Книга расх. Свирского монастыря, № 179, 1657-1658) (цит. по Шмелев, 2002, 508). Речь идет о кучах угля, причем это слово явно связано с вепс. *kogo* – ‘куча, гряда’ (СВЯ, 214) [3; с. 313].

Лексема *козла* имеет значение, аналогичное слову *козёл* – ‘приспособление для просушки, обработки чего-либо из жердей или бревен, поставленных наискосок друг к другу вроде шатра и связанных вместе’ [5; с. 66].

Одним из значений лексемы *коза*, зафиксированных в СРНГ, является ‘станок кустаря-игрушечника, служащий опорой для обрабатываемого изделия’. Семен. Горьк., 1950. Лексема *козля* имеет значение, аналогичное слову *козёл* – ‘приспособление для просушки, обработки чего-либо из жердей или бревен, поставленных наискосок друг к другу вроде шатра и связанных вместе’ [5; с. 56–57].

Сравним одно из значений слова *когач* в СРНГ с этимологически родственным корнем *-ког-*: приспособление из связанных вершинами веток или деревцев для укрепления стога сверху. Белояр. Свердл., 1952. *Поверх зародов положен когач* [5; с. 41].

В «Русском диалектном этимологическом словаре. Лексика контактных регионов» С.А. Мызникова также зафиксирована лексема *когач*, имеющая значение ‘приспособление для укрепления стога, делается из связанных вершинами веток деревцев’; *кагачи* – ‘связанные или сплетенные ветви, прутья, которые кладут на верхнюю часть кладки сена для защиты от ветра и дождя’, *кагачина* собир. – ‘связанные или сплетенные ветви, прутья, которые кладут на верхнюю часть кладки сена для защиты от ветра и дождя’; *кагачины* – ‘то же’ [3; с. 218]. В «Русском диалектном этимологическом словаре. Лексика контактных регионов» С.А. Мызникова обращает на себя внимание слово с этимологически родственным корнем *-кож-* *Кожоручей* в значении ‘ручей’, Пудож. (Авдеево) (ПЛГО). Ср. вепс. *kuzžot* – ‘ельник, еловый лес’, саам. *kuossa, guossâ* – ‘ель’ (ПФГЛК, 47-48). *Кужручей, Кузручей*, вероятно, относится сюда же, ср. фин. *kuusi*, кар. *kuuži, kuuzi*, ливв. *kuuzi*, люд. *Kūž* – ‘ель’ (SKES, 253; Матвеев, 2004, 119) [3; с. 314]. Таким образом, *Кожоручей* – это, по всей видимости, ручей, протекающий в лесном хвойном (еловом) массиве. Село Кожля окружают множество таких лесных массивов: урочище Криничное, урочище Гранное, урочище Тарасов лес, урочище Озерище, урочище Загрядский Лог, урочище Четвертый Лог. Примерно в 30 км от Кожли находится *Козловский лес* (в названии тот же этимологически родственный корень *-коз-*), в котором также растут ели совместно с дубами, липами, осинами.

Как известно, ель – это разновидность высоких вечнозеленых хвойных деревьев из семейства сосновых; одно из древнейших деревьев. Еловые леса растут на разнообразных почвах, но предпочитают супесчаные и легкосуглинистые. Ель часто образует чистые леса, но ельники могут быть и с примесью других пород. Так, в Курчатовском районе «спутниками» елей часто бывают дубы, липы и осины, так называемые смешанные леса. Ель росла, когда не было еще на земле зеленых лиственных лесов. Недаром жесткой хвоей питаются глухари, тоже древнейшие на земле птицы.

Ландшафт села, окружение его еловыми лесами, нашёл отражение в росписи кожлянкой игрушки: как правило, используются четыре традиционных цвета: жёлтый, красный, синий и зелёный. На белой глине нарядно смотрятся узоры в «ёлочку» (лес), «сеточку» (земля), сине-красные крапинки, жёлтые звёздочки. Персонажи выбираются весьма разнообразные: птицы, животные, люди (рис. 2).

Рис. 2. Кожлянская игрушка

Таким образом, свое название деревня *Козля*, по всей видимости, получило от слова *козёл* со значением ‘приспособление из жердей, бревен, колов, плах, сделанных из древесины *ели* для просушки груды приготовленной глины’ (вепс. *kuzžom* ‘ельник, еловый лес’, саам. *kuossa, guossâ* ‘ель’, фин. *kuusi*, кар. *kuuži, kuuzi*, ливв. *kuuzi*, люд. *Kūž* – ‘ель’). Гончары выдерживали глину на открытом воздухе в так называемом глиннике – специальной яме, стены которой делали из жердей, бревен, плах или толстых досок. Глина должна была находиться в глиннике не менее трех месяцев, но порой ее держали в открытом хранилище по нескольку лет. Древесина для этих целей должна быть очень крепкой. Писатель И.С. Соколов-Микитов так образно показал ценность древесины хвойных деревьев: «Путешествуя по нетронутым человеком глухим лесам, я видел сосны, умершие на корню своей естественной смертью. Пропитанные смолой стволы этих деревьев высились над макушками окружавшего их живого леса. Сильные зимние ветры давно обломали их мертвые голые сучья, но пропитанный смолой ствол прочно стоял, быть может, десятки и сотни лет. Некоторые стволы упавших мертвых деревьев, покрытые зеленым мхом, лежали на земле. Я с трудом перебирался через них. Теперь таких нетронутых лесов осталось очень мало, и вряд ли кто видел стоящий на корню, пропитанный смолой ствол мертвой сосны» [4].

В «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера зафиксированы слова *елу́й*, *елуни́ца* с корнем *-ел-* также со значением ‘помост из свай и жердей для сушки рыбы и снастей, заимствовано из фин. *Jolu* – ‘длинная жердь’. Таким образом, рус лексема *козёл* и фин. *Jolu* являются контекстуальными синонимами [6; с. 17].

Проанализированный нами материал показал, что этимологический анализ лексемы *Козля* (*Кожля*) помог восстановить не только древний фонетический облик этого слова и его исходную словообразовательную структуру, но и произвел семантическую реконструкцию, способствовал выяснению древнего значения слов *козёл*, *коза*, что дало возможность истолковать внутреннюю форму этих лексем.

Итак, реконструируемое значение слова *Козля* (*Кожля*) представляется следующим образом: ‘ель’ (саам. *kuossa*, *guossá* – ‘ель’, вепс. *Kuzžom* – ‘ельник, еловый лес’) > ‘кол, жердь для сушки чего-либо’ (*козёл*) > ‘приспособление из жердей, колов для укрепления чего-либо’ (*козёл*) > ‘груда, куча чего-либо (у гончаров – груда приготовленной глины)’ (*козёл*) > ‘станок кустаря-игрушечника (*коза*)’ > ‘название игрушки’ – *кожлянская* (ср. *Кожля*).

Библиографический список

1. Кабакчи В.В., Белоглазова Е.В. Введение в интерлингвокультурологию. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во Юрайт, 2023. 250 с.
2. Керамика и фарфор. Сайт о народных промыслах [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.kefa.ru/article/kefa/you/zagotovka_gliny.htm (дата обращения: 01.04.2024).
3. Мызников С.А. Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. М., СПб.: Нестор-История, 2019. 1063 с.
4. Соколов-Микитов И. Сосна: рассказ // Сказки для детей [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://skazki.rustih.ru/ivan-sokolov-mikitov-sosna/> (дата обращения: 01.04.2024).
5. СРНГ – Словарь русских народных говоров. В 52-х вып. / Гл. ред. Ф.П. Филин, ред. Ф.П. Сороколетов. СПб.: изд-во «Наука», 2002. Вып. 14. 376 с.
6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х тт. // СПб.: Терра – Азбука, 1996. Т. 2. 672 с.

References

1. Kabakchi V.V., Beloglazova E.V. Introduction to interlinguoculturology. 2nd ed., ispr. and add. M.: Yurayt Publishing House, 2023. 250 p.
2. Ceramics and porcelain. Website about folk crafts [Electronic resource] Access mode: https://www.kefa.ru/article/kefa/you/zagotovka_gliny.htm (date of reference: 04.01.2024).
3. Myznikov S.A. Russian dialect etymological dictionary. Vocabulary of contact regions. M., St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2019. 1063 p.
4. Sokolov-Mikitov I. Sosna: a story // Fairy tales for children [Electronic resource] Access mode: <https://skazki.rustih.ru/ivan-sokolov-mikitov-sosna/> (date of reference: 04.01.2024).
5. SRNG – Dictionary of Russian folk dialects. In the 52nd issue / Ed. F.P. Filin, F.P. Sorokoletov. St. Petersburg: publishing house "Science", 2002. Issue. 14. 376 p.
6. Fasmer M. Etymological dictionary of the Russian language: in 4 volumes // St. Petersburg: Terra – Azbuka, 1996. Vol. 2. 672 p.

АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА LITERARY TEXT: ASPECTS OF STUDY

УДК-82.06

DOI 10.36622/2587-9510.2024.53.2.004

Казанский (Приволжский) федеральный университет

аспирант

Анисимова Е.В.

Россия, Казань,

тел. 89653180316

e-mail: 240519776@mail.ru

Kazan (Volga Region) Federal University

graduate student

Anisimova E.V.

Russia, Kazan,

tel. 89653180316

e-mail: 240519776@mail.ru

Е.В. Анисимова

ЖАНР ШКОЛЬНОЙ ПОВЕСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ ВИКТОРИИ ЛЕБЕДЕВОЙ И АЛЕКСАНДРА ТУРХАНОВА

В статье отмечается, что на современном этапе развития детской и подростковой литературы наблюдается популяризация и трансформация жанра школьной повести, приводятся мнения исследователей о причинах востребованности этого жанра. Для выявления специфики бытования школьной повести в творчестве В.Ю. Лебедевой и А.Г. Турханова (на примере повестей «Голос Бога Обатала» и «Абонент не доступен») указываются основополагающие составляющие жанра: обязательное присутствие топоса школы, специфика хронотопа и системы персонажей, характер ключевых эпизодов школьной жизни. В анализируемых произведениях выявляются типичные для школьного коллектива «архетипы» героев, а также отмечается, что система персонажей выстраивается по принципу антонимических пар: отличник / двоечник, зубрила / хулиган и т.д. Особое внимание уделяется фактам трансформации характеров и поведения персонажей в современных школьных повестях относительно классических примеров этого жанра. Важно, что герои современных произведений несколько старше своих «предшественников». В связи с этим в обоих повестях, послуживших материалом исследования, актуализируется тема первой любви, создаётся ситуация любовного треугольника, а также обнаруживаются конфликтные ситуации, типичные для межличностного взаимодействия подростков как в коллективе сверстников, так и в модели ребенок – взрослый. Интересно, что в анализируемых повестях диалог юного героя со взрослыми выстраивается «через поколение» и часто базируется на романтической системе ценностей. Специфика возраста главных героев произведений обусловила и значимость мотива дороги, который реализуется как в прямом, так и в метафорическом значении. В результате исследования автор приходит к выводу, что обе повести, несмотря на незначительные трансформации системы персонажей и событийного ряда, а также «осовременивание» обстоятельств, сохраняют жанроопределяющие черты школьной повести.

Ключевые слова: школьная повесть, В.Ю. Лебедева, А.Г. Турханов, «Голос Бога Обатала», «Абонент не доступен».

E.V. Anisimova

THE GENRE OF SCHOOL STORY IN THE WORK OF VICTORIA LEBEDEVA AND ALEXANDER TURKHANOV

The article notes that at the present stage of development of children's and teenage literature, there is a popularization and transformation of the school story genre, the opinions of researchers on the reasons for the demand for this genre are given. To identify the specifics of the existence of the school story in the work of V. Yu. Lebedeva and A. G. Turkhanov (on the example of the stories "The voice of God Obatala" and "The subscriber is not available"), the fundamental components of the genre are indicated: the obligatory presence of the topos of the school, the specificity of the chronotope and system of characters, the nature of the key episodes of school life. In the analyzed works, the "archetypes" of heroes typical of the school team are revealed, and it is also noted that the system of characters is built according to the principle of antonymic pairs: an excellent student / a loser, a scribbler / a bully, etc. Particular attention is paid to the facts of the trans-

formation of characters and the behavior of characters in modern school stories in relation to the classic examples of this genre. It is important that the heroes of modern works are somewhat older than their "predecessors". In this regard, in both stories, which served as the material for the study, the theme of first love is actualized, a situation of a love triangle is created, and conflict situations are revealed that are typical for interpersonal interaction of adolescents both in a group of peers and in the child-adult model. Interestingly, in the analyzed stories, the dialogue of the young hero with adults is built "through a generation" and is often based on a romantic system of values. The specificity of the age of the main characters of the works also led to the importance of the motif of the road, which is realized in both direct and metaphorical meanings. As a result of the study, the author concludes that both stories, despite minor transformations in the system of characters and event series, as well as the "modernization" of circumstances, retain the genre-defining features of the school story.

Key words: school story, V.Yu. Lebedeva, A.G. Turkhanov, "Voice of God Obatala", "Subscriber is not available".

Жанр школьной повести, почти изживший себя в 90-е годы XX века, в начале XXI века начал возрождаться и стремительно становится популярным и востребованным. Об этом косвенно свидетельствует тот факт, что современные произведения этого жанра не только издаются солидными тиражами, но и переиздаются. Конечно, в новых социокультурных условиях жанр школьной повести, сформировавшийся и достигший расцвета в советскую эпоху, не мог остаться неизменным. Об этом говорят исследователи современной детской литературы. Так, профессор М.А. Черняк отмечает: «Очевидно, что школьная повесть сегодня изменяется, трансформируется, обращается к значительно более широкому, чем прежде, кругу читателей» [1; с. 46]. А И.А. Свирская справедливо указывает на то, что: «В современной прозе происходят процессы минимализации, гибридизации, регенерации архаичных жанровых форм, а также употребление их в новой функции...» [2; с. 147].

Проследим, как реализуются эти тенденции в повестях «Голос Бога Обатала» и «Абонент не доступен», написанных в соавторстве В. Лебедевой и А. Турхановым. Первая повесть вышла в издательстве «Детская литература» в 2021 году и ориентирована на средний школьный возраст. Вторая – в издательстве «Пять четвертей» в 2022 году. Причём это уже второй дополнительный тираж за год, что говорит о востребованности и популярности данной книги. Произведение ориентировано на детей среднего и старшего школьного возраста.

В настоящее время существуют мнения о том, что далеко не все повести о школе являются собственно «школьными». Например, об этом говорит профессор М.А. Черняк в статье ««Школьные годы чудесные», или диагноз будущего в прозе XXI века». В связи с этим возникает вопрос: Что же позволяет относить рассматриваемые нами повести к жанру школьной повести?

Не подлежит сомнению тот факт, что модель мира данного жанра – это «микровселенная» школьной жизни. Школа является содержательной основой школьной повести, ее сюжет строится вокруг школьной жизни. Как пишет М. Литовская, школа выступает основным пространственным топосом во всем хронотопе повести. Этапность школьных процессов (четверть, каникулы, учебная неделя, урок, перемена) тоже указывает на семантику школьной повести [3; с. 279]. Эти характерные черты хронотопа школьной повести остаются неизменными и в современных произведениях этого жанра. Конечно, в описании школьной жизни появляются современные реалии: съемки эпизодов из жизни класса на смартфон, интерес к компьютерным играм, просмотр роликов на страницах ВКонтакте. Однако ключевые, узнаваемые микроэпизоды школьной жизни, например, страх быть вызванным к доске, насмешки над новенькими и т.п. остаются неизменными.

В повести «Голос Бога Обатала» топос школы возникает не сразу. В начале произведения описывается, как Данила, один из главных героев повести, в свой день рождения, находясь в квартире деда, весьма неохотно садится за приготовление уроков. Так, отсутствие интереса к чтению былины «Илья Муромец и Соловей-разбойник» выражено через оценочные эпитеты: «Там язык этот дурацкий... корявый какой-то и слова непонятные» [4; с. 7]. То есть косвенно тема школы вводится в произведение уже с первых страниц. Полностью же топос школы вступает в свои права, начиная с третьей главы. Один за другим возникают образы одноклассников Данилы: Петьки Гаврилова, Снежаны Беловой, Протасика (Олега Протасова), новенькой Карины Карапетян, «тихой» Юли Головиной, Сибгатуллина и учителей: математички, исторички, физика, учителя литературы Ларисы Леонидовны (Ларилеоны), про которую говорится, что она «совсем молодая и ужасно впечатлительная» [4; с. 25]. В повести же «Абонент не доступен» уже первая строка погружает читателя в микрокосм школьной жизни: «Собирались во дворе школы к десяти утра» [5; с. 3]. Пространственно действие локализовано в учебных кабинетах, школьных коридорах и актовом зале. Показательны также названия глав: «Уроки и перемены», «Ответишь за синий», «Смайл», «Звезда героя», «Отвратительные неудачники», «Наше японское всё», «Он кричит не на тебя».

Канонической для жанра школьной повести остается и схема построения системы персонажей. Так, М. Черняк отмечает, что «характерная черта школьной повести – это множество типов героев, которые разделены на три группы: ученики; педагогический коллектив; родители» [6; с. 3]. Можно утверждать, что

ученический коллектив в повести В. Лебедевой и А. Труханова «Голос Бога Обатала» изображен достаточно традиционно, по канонам жанра школьной повести. В основе построения этого образа лежат своеобразные архетипы, которые можно сгруппировать в антонимические пары: отличник и двоечник; зубрила и хулиган; лидер и лузер; неудачник и везунчик; первая красавица класса и дурнушка; предатель и герой и др. В повести «Абонент не доступен» тоже есть учителя, ученики и родители, только вот взаимодействие между ними не устанавливается: ученик не слышит родителя, а родитель не понимает учителя.

Сложнее выстраивается модель взаимодействия между ученическим и педагогическим коллективами. В школьной повести советского периода учитель, как правило, – это не только профессия, но и своеобразный маркер той роли, которую он играет в сюжете становления личности главного героя-ученика. В произведениях, написанных в конце XX века, учительский коллектив начинает противопоставляться детскому. В повести «Голос Бога Обатала» сохраняется именно такая модель взаимодействия между учителями и учениками. Например, директор школы называется исключительно директрисой и предстает как некая карающая сила, что выражено уже на лингвистическом уровне: «Она шурилась и озиралась, сканируя помещение на предмет возможных нарушений» [4; с. 57]; «...приходила в класс, цокая каблучками, и гневно тыкала в передние ряды указкой, как рапирой» [4; с. 73].

В XXI веке появляются новые модели взаимоотношений между учителем и учеником. Так, например, учитель и ученик могут существовать как равноправные, соразмерные начала. В повести «Абонент не доступен» наблюдается похожая ситуация – происходит стирание границ между учителем и учеником, своего рода уравнивание. Внешне классный руководитель практически не отличим от своих подопечных: «...Алина стояла наготове, держась обеими руками за руль самоката. Она была пухленькая, маленькая, ниже почти всех девчонок в классе, со смешной растрёпанной стрижкой, улыбчивая, сейчас её запросто можно было принять не за учительницу, а за ученицу» [5; с. 4]. Даже образ директора в повести иной: «добрейший и очень спокойный человек, которого дети за глаза прозвали Сервантом» [5; с. 57]. Изменилась и роль учителя. Если раньше к учителю относились почтительно, во всём соглашались с ним, то теперь родители запросто строчат жалобы в Департамент образования.

Отметим, однако, что изменение характера взаимоотношений между разными поколениями обусловлено, среди прочих причин, и тем, что, по сравнению с советской школьной повестью, герои современных школьных повестей старше. Более того, современные подростки взрослеют иначе, стремительнее, по сравнению с предыдущими поколениями, что актуализирует в повестях значимость сюжета первой любви, например, ситуации любовного треугольника. Любовный треугольник есть в обоих произведениях. В повести «Абонент не доступен» он возникает между Вадей, Машей и Степаном. Атмосфера стремительно накаляется, особенно когда Вадя заявляет Степану: «Шустова будет моя! Точка. Засекай время!» [5; с. 56]. В «Голосе Бога Обатала» Даниле и Петьке нравится Карина Карапетян. Например, в третьей главе сообщается о зарождающемся чувстве Данилы: «Но самое ужасное, что и новенькая заметила этот столбняк» [4; с. 19], а в четвёртой главе, через рисунок новенькой, отображено ее восприятие одноклассника: «Карина рисовала богатыря, а в образе разбойника читался облик Петра Гаврилова» [4; с. 28].

Подростковый возраст персонажей предопределил и стремление к сепарации от взрослых, и тот факт, что роль значимого взрослого перестает играть учитель (или иной член педагогического коллектива), авторитетом для подростка становится другой подросток, обладающий качествами, которые для главного героя являются притягательными. В повести «Абонент не доступен» таким человеком для главного героя Степана становится Маша. После неприятных ссор с матерью он нуждается именно в ней: «А когда всё-таки лёг, закрыл глаза и попытался вернуть дневное радостное ощущение от того, что Маша рядом, тон ничего не вышло» [5; с. 43].

А в повести «Голос Бога Обатала» для главного героя Данилы авторитетом становится Петька, который изначально предстает в повести как его антагонист. Сначала они конфликтуют и дерутся, но затем Петька начинает обучать Данилу приемам рукопашного боя. Здесь уместно вспомнить, что в советской школьной повести нередко в центре повествования находится пара героев, один из которых постоянно попадает в некие неприятные ситуации, а второй, более рассудительный, помогает им обоим выпутываться из проблем. В данном случае эта традиционная схема разрушается: Петька, хотя и учит Данилу драться, заставляет того задуматься над тем, что «в драке ... надо думать, а не только кулаками размахивать» [4; с. 95]. Позднее Данила и Петька выступят единым фронтом против «знаменитых на всю школу Лосей» [4; с. 105] – братьев Лосевых, двоечников, хулиганов, хамов. Жанр школьной повести здесь тесно переплетается с жанром «пацанской лирики», поскольку главные герои повести, попавшие в непростую историю с Лосями, выходят из неё не просто победителями, но ещё и друзьями. Важно обратить внимание на тот факт, что клю-

чевой в этой драке является не категория силы, а категория страха. Так, Данила начинает побеждать противника, когда осознает, что «весь страх, накопленный за последние дни, сейчас превратился в ненависть к Лосям» [4; с. 140]; в результате этой психологической трансформации «Страх перед Лосями пропал, но появился другой – страх за друга» [4; с. 141]. И именно тогда, когда Данила перестал бояться за себя, он с удивлением «понял, что Лось боится» [4; с. 143].

Взаимоотношения подростка с родителями в анализируемых повестях, на первый взгляд, также выстроены по принципу сепарации. Так, в повести «Абонент не доступен» родители главного героя Степана находятся в разводе. Мать старается заполнить собою всё внутреннее и внешнее пространство сына, что, безусловно, вызывает непонимание и отдаление последнего. Степан уходит из дома, а мать воспринимает это как личное оскорбление и предательство: «Это был как удар в лицо – сильный, хлесткий, наотмашь. Боль такая, что в глазах темнело и дышалось с трудом. И от кого прилетело?!» [5; с. 206].

Однако в повести «Голос Бога Обатала» ситуация сложнее, и причина сепарации связана вовсе не с подростковым бунтом. Как уже упоминалось ранее, повесть начинается с эпизода дня рождения главного героя, однако родителей рядом нет, и мальчику одиноко. Справедливости ради следует отметить, что именно в этой повести отсутствие родителей обусловлено спецификой их профессиональной деятельности: родители Данилы – мостостроители, которые находятся в командировке в Северной Африке. Однако в современной школьной повести родители зачастую и без столь уважительной причины присутствуют в жизни своих детей лишь номинально. Психологи склонны объяснять эту ситуацию тем, что родители современных подростков – это дети, которые росли в 90-е годы, когда их собственные родители, стремясь выжить в сложной ситуации, просто не имели времени заниматься детьми: «Родителям 90-х зачастую просто некогда было заниматься детьми, поскольку они вынуждены были зарабатывать деньги» [7]. А теперь эти выросшие дети просто не умеют выстраивать отношения по модели ребенок – родитель, потому что у них самих не было подобного опыта.

Тем не менее семья в жизни Данилы все же присутствует – это дед. С одной стороны, это традиционный образ старшего в семье, который следит, чтобы внук почистил зубы, позавтракал, сделал уроки, почитал книгу, который иронически высмеивает попытку Данилы оправдать поломку велосипеда своим якобы героическим поступком по спасению матери с младенцем. С другой стороны, в построении образа Ивана Ивановича значим мотив несоответствия: «Дед был высок и по-спортивно подтянут, носил густую седую бороду и любил джинсы, катался на «харлее» в открытом шлеме и косухе с ревушим из динамиков органом Бахом» [4; с. 4]. Для усиления эффекта авторы используют приём антитезы: дед стар, а длинные волосы собирает в хвост; ездит на мотоцикле – и жарит картофельные оладьи, разгуливая по квартире «в переднике с ромашками и защитного цвета «бандане» [4; с. 5].

Дед, как никто другой, близок внуку. Интересно обыгрывается в повести противопоставление поколений через образы транспортных средств, находящихся в гараже: «Тойота» отца – дедов мотоцикл – Данилин «настоящий горный велосипед» [4; с. 10]. В данной ситуации уместно вспомнить молодежные драмы XX века, например, В. Розова, где семейные связи устанавливались именно через поколение. Не случайно именно дед заставляет внука задуматься над правильной моделью поведения в сложной жизненной ситуации. Он учит внука: «Ты запомни, Данила. Неприятности – это как лужи на дороге, ... Если можешь объехать – объезжай. Если нет – дуй прямо! В крайнем случае обольешься, но это мелочи» [4; с. 39].

Присутствует в повести «Голос Бога Обатала» и еще один мудрый учитель – Бог Обатала – «верховное божество в Африканском пантеоне, он породил землю и людей ... Обатала олицетворяет собой чистоту, высокую мораль и этику, приносит ясность и понимание сущего и крепкое здоровье. А ещё он даёт лучший совет и помогает во времена больших трудностей...» [4; с. 15]. В повести это не просто статуэтка, которую, очевидно, привезли из Африки родители главного героя. В ряде эпизодов, например, в неверном свете фонаря или во снах Данилы, он оживает, дает подростку советы. Интересно, что в сне мальчика происходит значимая трансформация этого образа: «Гам, во сне, Обатала был нормального человеческого роста и даже скорее высокий. Он ходил по комнате из угла в угол, и его непонятная хламида – то ли накидка, то ли халат – волочилась по паласу. Лицо его стремительно заросло бородой, точь-в-точь как у Ивана Ивановича [4; с. 45-46]. И в конце повести Данила размышляет о том, что, «когда не знаешь, что делать, это, пожалуй, не самый глупый выход – послушаться того, кто сильней и мудрей... хотя бы верховного африканского бога, который даст знак, намекнёт: мол, всё обойдётся...» [4; с. 150].

Стоит заметить, что в обоих произведениях авторы уделяют большое внимание внутреннему миру героев. Школьники не просто совершают те или иные поступки, они подвергают свое поведение и мечты рефлексии. «Что вообще хуже – когда ты трус или когда ты вор?» – размышляет Данила из повести «Голос Бога Обатала» [4; с. 43]. «Кататься давно надоело, но он упрямо ехал и ехал. Скучно до ужаса. Подумал, не

почитать ли, что ли, учебник...» – пытается найти выход из сложившейся ситуации Степан из повести «Абонент не доступен».

Таким образом, в произведениях современных авторов сохраняется значимая для школьной повести сюжетная коллизия взросления героя, становления его характера и системы ценностей. С этой точки зрения значимым является образ дороги. В повести «Голос Бога Обатала» Данила не только растёт, взрослеет и строит свою «дорогу жизни». Образ дороги представлен в повести и буквально. Показательно, что, несясь по улице на новом гоночном велосипеде, Данила, забыв про звонок, кричал нерасторопным прохожим: «Дорогу!» [5; с. 13]. Через образы дороги и велосипеда транслируется и тема счастья подростка: «Какое же это было счастье – видеть, как под ногами с бешеной скоростью раскручивается дорога, а счётчик на компьютере показывает сначала пятнадцать, потом семнадцать, потом – целых двадцать два километра в час!» [4; с. 13].

Образ дороги присутствует и в повести «Абонент не доступен». Начинается повесть с того, что ученики вместе с учителем собираются «в дорогу» – на экскурсию на шоколадную фабрику. По мере повествования герои регулярно идут или едут по дороге. Образ велосипеда здесь сменяется на образы самоката, автобуса и метро.

Таким образом, о повестях «Голос Бога Обатала» и «Абонент не доступен» можно говорить как о «школьных». В их построении ощутима жанровая традиция: в обоих произведениях школа является основным пространственным топосом, сохраняются и своеобразные типы героев: ученики, учителя, родители. Только вот отношения между ними претерпевают некоторые изменения. Сквозными становятся темы семьи, любви и дружбы – того, чем живут современные школьники. А образ дороги становится визуальным символическим воплощением взросления героев. Появление этих черт обусловлено изменениями современной социокультурной ситуации, а также трансформацией жанровой модели современной школьной повести.

Библиографический список

1. Черняк М.А. «Школьные годы чудесные», или диагноз будущего в прозе XXI века // Вестник Герценовского университета. 2008. № 2 (52). С.39-46.
2. Свирская И.А. Трансформация жанра школьной повести на рубеже XX-XXI вв. // Молодёжный вестник. 2020. № 1 (13). С. 147-150.
3. Литовская М.А. Школьная повесть как инструмент анализа повседневности советской школы // Антропология советской школы: Культурные универсалии и провинциальные практики. Пермь, 2010. С. 278-291.
4. Турханов А.Г., Лебедева В.Ю. Голос Бога Обатала. М.: Детская литература, 2021. 158 с.
5. Лебедева В.Ю., Турханов А.Г. Абонент недоступен. М.: Пять четвертей, 2022. 224 с.
6. Черняк М.А. Школа под высоким напряжением: к вопросу о трансформации жанра «школьной повести» в современной литературе // Библиотечное дело. Топос и эпос школьной повести. 2017. № 20 (302). С. 3-8.
7. Кириллова К. Сила и слабость «поколения перемен»: кто такие дети 90-х и чем они отличаются от других [Электронный ресурс]. URL: <https://daily.afisha.ru/relationship/19719-sila-i-slabost-pokoleniya-peremen-kto-takie-deti-90-h-i-chem-oni-otlichayutsya-ot-drugih/> (дата обращения: 29.04.2023)

References

1. Chernyak M.A. “Wonderful school years”, or the diagnosis of the future in the prose of the XXI century // Bulletin of Herzen University. 2008. No. 2 (52). pp.39-46.
2. Svirskaya I.A. Transformation of the school story genre at the turn of the 20th-21st centuries. // Youth Bulletin. 2020. No. 1 (13). pp. 147-150.
3. Lithuanian M.A. School story as a tool for analyzing the everyday life of the Soviet school // Anthropology of the Soviet school: Cultural universals and provincial practices. Perm, 2010. S. 278-291.
4. Turkhanov A.G., Lebedeva V.Yu. Voice of God Obatala. M.: Children's literature, 2021. 158 p.
5. Lebedeva V.Yu., Turkhanov A.G. The subscriber is not available. M: Five quarters, 2022. 224 p.
6. Chernyak M.A. School under High Voltage: On the Transformation of the “School Tale” Genre in Modern Literature // Library Business. Topos and epic school story. 2017. No. 20 (302). pp. 3-8.
7. Kirillova K. The strength and weakness of the “generation of change”: who are the children of the 90s and how do they differ from others [Electronic resource]. URL: <https://daily.afisha.ru/relationship/19719-sila-i-slabost-pokoleniya-peremen-kto-takie-deti-90-h-i-chem-oni-otlichayutsya-ot-drugih/> (accessed: 29.04.2023)

УДК 811.161.1

DOI 10.36622/2587-9510.2024.53.2.005

*Воронежский государственный
технический университет
Канд. филол. наук,
доцент кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации
Воронова Т.А.
Россия, г. Воронеж,
тел. +7(910)347-38-37
e-mail: invisible2editor@gmail.com*

*Voronezh State Technical University
The chair of Russian language
and cross-cultural communication
PhD, associate professor
Voronova T.A.
Russia, Voronezh,
tel. +7(910)347-38-37
e-mail: invisible2editor@gmail.com*

*Старший преподаватель
кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации
Сычева Л.В.
Россия, г. Воронеж,
тел. +7(919)183-58-77
e-mail: luvas@inbox.ru*

*The chair of Russian language
and cross-cultural communication
Senior lecturer
Sycheva L.V.
Russia, Voronezh,
tel. +7(919)183-58-77
e-mail: luvas@inbox.ru*

Т.А. Воронова, Л.В. Сычева

ПРОСТОРЕЧНАЯ ЛЕКСИКА РУССКОГО ЯЗЫКА КАК КОМПОНЕНТ РЕЧЕВОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПЕРСОНАЖА

В статье дается краткая характеристика просторечной лексики и рассматриваются функции данного лексического пласта как компонента речевой характеристики персонажа и средства создания художественного образа. Особое внимание уделяется использованию просторечной лексики и некоторых других особенностей просторечия при переводе не русский язык образцов классической англоязычной литературы. Материалом для анализа послужили оригинальные тексты и переводы таких произведений, как «Пока мы лиц не обрели» («Till We Have Faces») К.С. Льюиса в переводе И. Кормильцева, «Властелин колец» («The Lord of the Rings») Д.Р.Р. Толкиена в переводе А. Кистяковского и В. Муравьева и «Унесенные ветром» («Gone with the Wind») М. Митчелл в переводе Т. Озерской и Т. Кудрявцевой. В ходе исследования авторы приходят к выводу, что переводчик может употреблять просторечную лексику там, где в оригинале автором использовано литературное соответствие, для достижения большей выразительности в изображении персонажа или для того, чтобы подчеркнуть те или иные черты его характера. Кроме того, передача на русский язык фонетических особенностей речи персонажа (жаргонных или диалектных), не имеющих соответствующих аналогов в русском языке, также заставляет переводчика прибегать к использованию просторечной или разговорной лексики. Аналогичная переводческая стратегия применяется и при переводе реплик персонажа, содержащих грамматические ошибки и носящих в целом стилистически сниженный характер. В этом случае просторечная лексика дополняет литературный образ в стилистическом плане.

Ключевые слова: просторечная лексика, речь, речевая характеристика, персонаж, перевод, стилистика

Т.А. Voronova, L.V. Sycheva

VERNACULAR VOCABULARY OF THE RUSSIAN LANGUAGE AS A COMPONENT OF A CHARACTER'S SPEECH CHARACTERISTICS

The present article gives a brief description of the vernacular vocabulary and considers the functions of this lexical layer as a component of a character's speech characteristics and a means of creating an artistic image. Special attention is paid to the use of vernacular vocabulary and some other features of the vernacular language in translations of classical English-language literature into Russian. The analysis is based on the original texts and the translations of the following works: «Till We Have Faces» by C.S. Lewis (translated by I. Kormiltsev), «The Lord of the Rings» by J.R.R. Tolkien (translated by V. Muraviyov and A. Kistyakovsky) and «Gone with the Wind» by M. Mitchell (translated by T.

Ozerskaya and T. Kudryavtseva). The authors of the study come to the conclusion that the translator can use vernacular vocabulary where the author uses literary lexical item in the original text, in order to achieve greater expressiveness in the image of the literary heroes or in order to emphasize certain features of their characters. Besides that, Russian translation of the phonetic features of the character's speech (slang or dialect), which have no corresponding analogues in the Russian language, also forces the translator to resort to the use of vernacular or colloquial vocabulary. A similar translation strategy is used when translating the replicas of low style that contain grammatical errors. In this case, the vernacular vocabulary completes the literary image stylistically.

Key words: vernacular vocabulary, speech, speech characteristics, literary character, translation, stylistics

Просторечная лексика – словесный пласт, находящийся за пределами литературного языка, однако нередко привлекающий внимание создателей и исследователей художественного текста. Сама просторечие характеризуется в научной литературе как «одна из форм национального русского языка, которая не имеет собственных признаков системной организации и характеризуется набором языковых форм, нарушающих нормы литературного языка» [1]. Лексика, относящаяся к просторечию, помимо «сниженной окраски», «отличается вместе с тем повышенной экспрессивностью» [2, с. 29]; именно эта особенность делает ее своеобразным компонентом речевой характеристики того или иного литературного персонажа, позволяет сделать его образ более ярким и запоминающимся.

В настоящей статье мы рассматриваем просторечную лексику как элемент переводческого инструментария, отсутствующий в оригинальном (англоязычном) тексте. Материалом для данного исследования послужили оригинальные тексты и переводы таких произведений англоязычной классики XX века, как «Пока мы лиц не обрели» («Till we have faces») К.С. Льюиса в переводе И. Кормильцева, «Властелин колец» («Lord of the rings») Д.Р.П. Толкиена в переводе А. Кистяковского и В. Муравьева и «Унесенные ветром» («Gone with the wind») М. Митчелл в переводе Т. Озерской и Т. Кудрявцевой.

В русскоязычной версии романа К.С. Льюиса «**Пока мы лиц не обрели**», созданной талантливым поэтом и переводчиком Ильей Кормильцевым, обращает на себя внимание присутствие грубо-просторечной лексики в речи отца главной героини – царя-варвара (в оригинале он назван королем – the king), жестокого и необразованного солдафона, позволяющего себе рукоприкладство в отношении не только слуг, но и собственной дочери, и способного в припадке гнева убить своего пажа, даже не заметив этого. В данном случае сниженный лексикон героя резко контрастирует с его высоким статусом, а также усиливает его негативные черты, придает им большую выпуклость (по сравнению с оригинальным текстом). Важно отметить, что это усиление происходит именно в переводе – в тех случаях, когда Кормильцев прибегает к просторечию, у Льюиса чаще всего используются вполне литературные обороты.

Рассмотрим несколько примеров.

1) В оригинале: “*Are not all men of one blood?*” said the Fox. “*Of one blood?*” said the King <...>. “*I’d be sorry to think so*” [3]. (Букв.: «**Мне было бы жаль так думать**».)

Перевод И. Кормильцева:

«– Разве не одна и та же кровь течет в жилах у всех людей? – спросил Лис.

– Одна и та же кровь? – изумился Царь <...>. – **Пусть я сдохну, если это так!**» [4]

2) В оригинале: “*Girls, girls, girls*”, he bellowed. “*And now one girl more*” [3]. (Букв.: «**Девочки, девочки, девочки**».)

Перевод И. Кормильцева: «– **Девки, девки, девки!** – рычал он. – Мало мне их, так боги послали еще одну!» [4]

3) В оригинале: “*Here’s an old babbler who has eaten my bread long enough*”, he said [3]. (Букв.: «**ел мой хлеб**».)

Перевод И. Кормильцева: «– **Старый мошенник!** – кричал отец. – Сколько времени ты **жерал мой хлеб!**..» [4]

4) В оригинале: «*Sometimes my father would say, “Lecherous rascals!” <...> and threatened to drown a dozen of them like blind puppies*» [3]. (Буквально: «**и грозился утопить дюжину из них, как слепых щенят**».)

Перевод И. Кормильцева:

«Иногда отец в шутку ворчал:

– **Похотливые распутники!** <...> **Вот возьму и перетоплю всех выбл*дков, как слепых котят!**»

[4]

Как видно из последнего примера, косвенная речь в оригинальном тексте сменяется в переводе прямой, и грубо-просторечная лексика вторгается в речь царя исключительно по воле переводчика; тем

не менее, создаваемому образу подобная речь соответствует максимально. В переводе И. Кормильцева сниженная лексика чаще всего является элементом речевой характеристики отрицательного героя (Батта, Редиваль). Единственным исключением можно считать речь жреца: и в английском, и в русском тексте он говорит подчеркнуто правильным, несколько архаичным языком; однако трудно представить себе подачу подобного персонажа в ином лингвистическом ключе.

По тому же пути в презентации отрицательных персонажей следуют А. Кистяковский и В. Муравьев – создатели первого в Советском Союзе перевода на русский язык трилогии Д.Р.Р. Толкиена «**Властелин колец**». Вне всякого сомнения, переводчики ставили перед собой задачу сделать текст максимально близким и понятным русскоязычному читателю; тем не менее, данный перевод неоднократно подвергался критике за излишнюю «русификацию» (или «славянизацию») текста трилогии. Использование переводчиками внелитературной лексики также становилось предметом критики со стороны некоторых исследователей. Так, А. Горелик замечает: «Муравьеву очень нравится эпатировать читателя... <...> Когда орк говорит «идти» – надо перевести «переться». «Ничего» передается изящным «ни хрена», «что ты делаешь» – «зачем задницу приволок». «Увальня» Муравьев именуется «мордоплюем», <...> слова «а ты его не заметил» переводятся «а ты хайлом мух ловишь» [5].

Однако процитированная нами статья А. Горелика, написанная в 1990 году, размещена на одном из крупных порталов, посвященных творчеству Толкиена, и сопровождается весьма интересным комментарием: «Если следовать рекомендациям А. Горелика и переводить все глаголы движения как «пришел-ушел», то текст станет мертвым и скучным... Русских глаголов движения гораздо больше, чем английских. <...> У «англоязычного» орка нет выбора – он употребит глагол «come», потому что больше нечего. <...> Угрук говорит несколько архаично: «ауе», «lads» – смахивает на ирландский говор... Если не обращать на это внимания, то русские орки заговорят слишком уж интеллигентно и литературно. Заметим, что в английском произношение играет гораздо большую роль, чем в русском. Очевидно, англоязычный читатель «слышит» орковскую речь, окрашенную грубыми интонациями. В русском это приходится подчеркивать словами» [5].

Как видно из приведенного комментария, некоторые фонетические особенности речи персонажей в оригинальном тексте при переводе на русский язык приходится передавать за счет лексических средств, включая жаргонную и просторечную лексику (подробнее об этом будет сказано ниже).

К просторечию Кистяковский и Муравьев прибегают не только для передачи «грубой интонации» орков, но и при переводе речи хоббитов, тем самым подчеркнуто представляя их читателю как сельских жителей, «простецов». Даже в реплики Фродо – самого образованного и «книжного» среди хоббитов – переводчики иногда вставляют просторечное «покамест»; максимально же запасы русского просторечия используются ими при передаче речи Сэма – выходца из «низов», овладевшего грамотой только благодаря семейству Бэггинсов.

В оригинале же реплики Сэма достаточно правильны, за исключением немногочисленных диалектных особенностей («a-waylaying»); грубых грамматических ошибок он, как правило, не делает и высказывается скорее в обычном разговорном стиле, не впадая ни в чрезмерную сниженность речи, ни в подчеркнуто книжность. Для его речи характерны сокращенные формы («I dunno» вместо «I don't know»), опущение подлежащего («Says he's hungry»), однако в целом речь Сэма мало чем отличает его от других персонажей.

Но Кистяковский и Муравьев последовательно заменяют эту простоту на подчеркнуто речевую грубоватость: «I guessed» («я догадывался») переводится как «скумекал», «old villain» («старый негодяй») – «паскудина», «ought to have more sense» («должен вести себя разумнее») – «ты что, рехнулся» и т.д. А. Горелик по этому поводу замечает: «Достаётся и Сэму: только он подумал: «Они увидели хозяина», как Муравьев сразу же переводит: «Нашли хозяина, гады» [5]. Следует, однако, заметить, что подобную лексику Сэм в русском переводе чаще всего употребляет именно тогда, когда испытывает гнев, огорчение, восхищение и т.д. Таким образом переводчики придают персонажу некоторую неотесанность и одновременно большую искренность и эмоциональность по сравнению с оригиналом. Образ преданного слуги друга обретает окончательную завершенность именно благодаря выбору лексики.

Характерный пример – эпизод встречи с Фарамиром и разговор о «проклятии Исильдура», когда Сэм, увлеченный собственными эмоциями, невольно проговаривается о Кольце: «*Ты бы хлебало ногой, что ли, **затыкал***», – сколько раз говорил мне мой Жихарь, и дело говорил!» [6]

В оригинале читаем: «*Whenever you open your **big mouth** you **put** your foot in it* the Gaffer used to say to me, and right enough» [7]. (Букв.: «Каждый раз, когда открываешь свой большой рот, ты ногу туда клади»).

Нетрудно догадаться, что с помощью грубо-просторечной лексики переводчики стремятся передать растерянность Сэма и его гнев на самого себя, и эмоциональность его реплики в переводе намного превосходит оригинальную.

Подобная «вольность» со стороны переводчиков объясняется не одним только стремлением «дополнить» образ персонажа и сделать его речь более экспрессивной. Как отмечалось выше, переводчик может прибегать к просторечной лексике в тех случаях, когда требуется передать фонетические особенности речи героя, аналога которым в русском языке не находится. То же самое можно сказать и о передаче грамматических явлений подобного рода. Так, носители английского просторечия нередко допускают в речи грамматические ошибки, в частности, связанные с употреблением глагольных форм или вспомогательных глаголов («I ain't» вместо «I'm not»; «I does» вместо «I do» и т.д.). В англоязычной литературе подобные ошибки характеризуют персонажа малообразованного и/или происходящего из низшего сословия. В этом случае переводчику приходится использовать не только лексические, но и грамматические средства, свойственные русскому просторечию.

В переводе Кистяковского и Муравьева Сэм однажды выражается подобным образом:

«— *Может быть, может быть, — сказал Горлум. — Смеагорл всегда помогает, если его ласково попросят.*

— *Ну так я тебя ласково **попрошу**, — сказал Сэм. — А если тебе этого мало, то **попрошаю**» [6].*

Не зная оригинального текста, можно подумать, что переводчики целенаправленно создают образ малограмотного садовника, заставляя его говорить подобным образом. Но у Толкиена неграмотно выражается именно Горлум, а Сэм лишь поддразнивает его, подражая его манере:

'Yes, perhaps, yes,' said Gollum. 'Smeagol always helps, if they asks — if they asks nicely.'
'Right!' said Sam. 'I does ask. And if that isn't nice enough, I begs.'

Аналогичная задача при переводе речи слуг-негров стояла и перед переводчиками романа-эпопеи М. Митчелл «**Унесенные ветром**» — Т. Озерской и Т. Кудрявцевой. Сложность данной задачи заключается в том, что слуги в романе говорят на так называемом «negro talk», представляющем собой не столько лексический, сколько фонетический и грамматически искаженный вариант английского языка — «особый говор, особые интонации, а у нас соответствия этому нет и быть не может» [8, с. 270].

Действительно, фонетические особенности негритянского говора в переводе практически не звучат, за исключением двух примеров — «Гланта» (искаженное «Атланта») и «жентмун» (искаженное «джентльмен»). В целом же Т. Озерская и Т. Кудрявцева при передаче негритянской речи прибегают в основном к лексическим средствам, но пользуются просторечной лексикой довольно осторожно, отдавая предпочтение больше разговорной лексике (*батюшки, шалопай, судачить, толковать, то бишь, слышать, воротиться, негоже* и т.д.) и синтаксису, чем явно сниженным словам и выражениям, иногда превращая оригинальный «negro talk» во чистую литературную речь. Но переводчикам романа удалось избежать подобной крайности, и в ряде случаев они прибегают для более точной речевой характеристики персонажа именно к просторечию.

Рассмотрим некоторые примеры.

1) «*Я **страх как боюсь** коров... Я не умею с коровами. **Ни в жисть** не умела» [9, с. 465].*

В оригинале: "*Ah's sceered of cows, Miss Scarlett. Ah ain' nebber had nuthin' ter do wid cows*" [10]. (Искаженное: «I am scared of cows. I have never had nothing to do with cows»; букв. «Я боюсь коров. Я никогда не занималась коровами».)

2) «*Может, там **мертвяки!***» [9, с. 457].

В оригинале: "*Sposin' somebody daid up dar?*" [10] (Искаженное: «Supposing somebody dead up there?», букв. «А вдруг там кто-то мертвый?»)

3) «*Ну, может, вам **наплевать**, как судачат про вашу семейку, а мне это **ни к чему***» [9, с. 90].

В оригинале: *Ef you doan care 'bout how folks talks 'bout dis fambly, Ah does*" [10]. (Искаженное: «If you don't care how folks talk about this family, I do», букв. «Если вас не заботит, что люди говорят об этой семье, то меня заботит».)

4) «*Меня-то **кто хошь** купит, а вот чтоб Присси, чтоб мне не тосковать по ней, — таких нет, и я **благодарствую вас***» [9, с. 74].

В оригинале: "*Lots of gentlemens might a' bought me but they wouldn't a' bought my Prissy, too, jes' to keep me frum grievin' and I thanks you*" [10]. (Искаженное: «Lots of gentlemen might have bought me but they wouldn't have bought my Prissy, too, just to keep me from grieving and I thank you», букв. «Многие джентль-

мены купили бы меня, но они не купили бы и мою Присси тоже, чтобы мне не горевать, и я благодарю вас».)

Нетрудно заметить, что те отрезки данных реплик, которые переведены с помощью просторечной лексики, зачастую содержат грамматические ошибки, о каких уже было сказано выше (напр., «I thanks» или «I does»), и, не совпадая с оригинальной версией на уровне лексики и фонетики, стилистически перевод соответствует ей полностью.

Таким образом, использование переводчиком просторечной лексики русского языка диктуется различными задачами – от чисто художественных до утилитарно-языковых. Особенности нелитературного произношения или грамматики в оригинале зачастую передается на русский язык именно с помощью лексических средств. При выборе просторечной лексики переводчик может отталкиваться от особенностей оригинального текста или же исходить из собственного видения и понимания того или иного персонажа, из стремления подчеркнуть определенные черты его характера.

Библиографический список

1. Формы существования языка. Текст: электронный. URL: https://studwood.net/982196/literatura/formy_suschestvovaniya_yazyka (дата обращения: 10.03.2024).
2. Воронова Т.А., Карташова Е.Н. Современный русский язык. Лексика и фразеология: учебное пособие. Воронеж: НАУКА-ЮНИПИРЕСС, 2024. 60 с.
3. Lewis C.S. Till We Have Faces. A Myth Retold. Текст: электронный. URL: <http://www.fadepage.com> (дата обращения: 07.04.2021).
4. Льюис К.С. Пока мы лиц не обрели. Пересказанный миф. Пер. с англ. И. Кормильцева. Текст: электронный. URL: <http://lib.ru/LEWISCL/lica.txt> (дата обращения: 09.03.2024).
5. Горелик А. Жизнь и деятельность бедняцкого Смеагорла, или Иди-ка сюда, мразь! URL: <http://www.kulichki.com/tolkien/arhiv/ugolok/gorkrit.html> (дата обращения: 11.03.2024).
6. Толкиен Д.Р.П. Властелин колец. Пер. с англ. В.С. Муравьева и А.А. Кистьяковского. Текст: электронный. URL: https://royallib.com/read/Tolkien_John/vlastelin_kolets_perevod_v_s_muraveva_a_a_kistyakovskogo.html#2678558 (дата обращения: 11.03.2024).
7. Tolkien J.R.R. The Lord of the Rings. Текст: электронный. URL: https://royallib.com/book/Tolkien_J/The_Lord_of_the_Rings.html (дата обращения: 11.03.2024).
8. Толстая Т.Н. Переводные картинки // Толстая Т.Н. День: Личное. М.: Изд-во Эксмо, 2004. 416 с.
9. Митчелл М. Унесенные ветром. Пер. с англ. Т. Озерской и Т. Кудрявцевой. Т. 1. Воронеж: Предприятие «Веди» Воронежской областной организации добровольного общества любителей книги РСФСР, 1992. 590 с.
10. Mitchell M. Gone With the Wind. Текст: электронный. URL: https://royallib.com/read/mitchell_margaret/Gone_with_the_Wind.html#0 (дата обращения: 12.03.2024).

References

1. The forms of language existence. Electronic text. URL: https://studwood.net/982196/literatura/formy_suschestvovaniya_yazyka (date of application: 10.03.2024).
2. Voronova T.A., Kartashova E.N. Modern Russian language. Lexicology and phraseology: a coursebook. Voronezh, 2004. 60 p.
3. Lewis C.S. Till We Have Faces. A Myth Retold. Electronic text. URL: <http://www.fadepage.com> (date of application: 07.04.2021).
4. Lewis C.S. Till We Have Faces. A Myth Retold. Transl. by I. Kormiltsev. Electronic text. URL: <http://lib.ru/LEWISCL/lica.txt> (date of application: 09.03.2024).
5. Gorelik A. Life and activity of poor Smeagorl, or Come here, you cad! URL: <http://www.kulichki.com/tolkien/arhiv/ugolok/gorkrit.html> (date of application: 11.03.2024).
6. Tolkien J.R.R. The Lord of the Rings. Transl. by V. Muraviyov and A. Kistyakovsky. Electronic text. URL: https://royallib.com/read/Tolkien_John/vlastelin_kolets_perevod_v_s_muraveva_a_a_kistyakovskogo.html#2678558 (date of application: 11.03.2024).
7. Tolkien J.R.R. The Lord of the Rings. Electronic text. URL: https://royallib.com/book/Tolkien_J/The_Lord_of_the_Rings.html (date of application: 11.03.2024).
8. Tolstaya T.N. Transforming pictures // Tolstaya T.N. Afternoon: Personal. Moscow, 2004. 416 p.
9. Mitchell M. Gone With the Wind. Transl. by T. Ozerskaya and T. Kudryavtseva. Vol. 1. Voronezh, 1992. 590 p.
10. Mitchell M. Gone With the Wind. Electronic text. URL: https://royallib.com/read/mitchell_margaret/Gone_with_the_Wind.html#0 (date of application: 12.03.2024).

УДК 811.161.1

DOI 10.36622/2587-9510.2024.53.2.006

*Волгоградский государственный социально-педагогический университет
ассистент кафедры русского языка и методики
его преподавания*

Дашинский В.В.

Россия, г. Волгоград, тел. +7-999-169-9853

e-mail: dashchinskiy.vlad@mail.ru

*Volgograd State Socio-Pedagogical University
Assistant of the Department of Russian Language
and Methods of its Teaching*

Dashchinsky V.V.

Russia, Volgograd, tel. +7-999-169-9853

e-mail: dashchinskiy.vlad@mail.ru

В.В. Дашинский

СМЫСЛООБРАЗУЮЩИЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПРЕДТЕКСТОВОГО И ВНУТРИТЕКСТОВОГО РАСПОЛОЖЕНИЯ БИБЛИОНИМОВ В ФАНТАСТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ Е.Ю. И Л. ЛУКИНЫХ «МИССИОНЕРЫ»

Настоящая статья посвящена рассмотрению проблем, связанных с термином *библионим*. В зависимости от расположения библионима в тексте предлагается выделять две его разновидности: 1) предтекстовый; 2) внутритекстовый. Внутритекстовые библионимы могут выполнять некоторые функции, которые свойственны предтекстовым (смыслообразующая, номинативно-идентифицирующая, информативная, аллюзивная, символическая, сюжетобразующая, комическая, жанроуказывающая), но в целом их функциональные возможности ограничены. Автор анализирует смыслообразующую и функциональную роль предтекстового и внутритекстового библионимов, их участие в реализации авторских интенций в повести Е.Ю. Лукина (соавт. Л. Лукина) «Миссионеры», входящей в фантастический цикл «Слепые поводыри». Феномен заглавия в творчестве волгоградского писателя-фантаста практически не изучался, что обуславливает актуальность настоящей работы. На этапе начала концептуального истолкования заглавия читатель вычленяет в нем толково-словарную информацию (информативная функция): с лексемой *миссионеры* возникают скорее положительные ассоциации. Прогнозирующая, интригующая функции заглавия на этом этапе заключаются в провоцировании читателя на гипотезы по поводу сюжетно-мотивной структуры, проблематики текста, основанные на собственном опыте. В процессе текстового движения заглавная лексема получает дополнительные семантические приращения уже не предметного, а символического характера. Предтекстовый библионим *миссионеры* выступает одним из репрезентантов ономастического хронотопа, реализует номинативную, информативную, интригующую, прогнозирующую, сюжетобразующую и символическую функции. Заглавная лексема проходит семантический путь развития, меняя ассоциативно-коннотативный фон с положительного на отрицательный. В библиониме происходит инверсия аксиологического фона. Предтекстовый библионим *Пророчество о Великом враге* участвует в сюжетостроении, развитии мотивной структуры художественного текста.

Ключевые слова: литературная ономастика, функции имени собственного, библионим, внутритекстовый и предтекстовый библионим, хронофантастика.

V.V. Dashchinsky

SEMANTIC AND FUNCTIONAL POSSIBILITIES OF PRE-TEXT AND INTRA-TEXT LOCATIONS BIBLIONYMS IN THE FANTASTIC STORY BY E.YU. AND L. LUKINS «MISSIONARIES»

The present article is devoted to the consideration of problems related to the term *biblionym*. Depending on the location of the biblionym in the text, it is proposed to distinguish two of its varieties: 1) pre-text; 2) intra-text. Intra-text biblionyms can perform some functions that are peculiar to pre-text ones (semantic, nominative-identifying, informative, allusive, symbolic, storyline-forming, comic, genre-indicating), but in general their functionality is limited. The author analyzes the semantic and functional role of the pre-text and intra-text biblionyms, their participation in the implementation of the author's intentions in the story of E.Yu. Lukin (co-author L. Lukin) «Missionaries», which is part of the fantasy cycle «Slepy'e povodyri». The phenomenon of the title in the work of the Volgograd science fiction writer has practically not been studied, which determines the relevance of this work. At the stage of pre-understanding, the

beginning of the conceptual interpretation of the title, the reader reads out explanatory and dictionary information in it (informative function), with the lexeme *missionaries*, he has rather positive associations. The predictive, intriguing function of the title at this stage is to provoke the reader to hypothesize about the storyline-motive structure, the problematic of the text, based on their own experience. In the process of textual movement, the capital lexeme receives additional semantic increments, no longer of a substantive, but of a symbolic nature. The pre-text biblionym *Missionaries* acts as one of the representatives of the onomastic chronotope, implements nominative, informative, intriguing, predictive, plot-forming and symbolic functions. The capital lexeme goes through a semantic path of development, changing the associative-connotative background from positive to negative. Understanding that the axiological background is inverted in the biblionym is retrospectively acquired knowledge. The pre-text biblionym *Prorochestvo o Velikom vrage* participates in storyline construction, the development of the motivic structure of the literary text.

Key words: literary onomastics, proper name functions, biblionyms, intra-text and pre-text biblionyms, chronofantastics.

Библионим, то есть «вид идеонима; название, заглавие любого письменного произведения художественного, религиозного, научного, политического и т. д.» [1, с. 42] становится предметом многочисленных филологических исследований. Учёные выделили структурные типы заглавий, анализировали их поэтику [2; 3], семантические, прагматические, функциональные особенности [4; 5], лингвокультурологические характеристики (Д.В. Майданюк, например, предлагает термин «логоэпистема-библионим» для таких библионимов, которые являются «следами культуры в языке или языка в культуре» [6, с. 185]), устанавливался их семиотический, лингвопоэтический, онтологический статус. М.М. Торчинский предлагает в составе библионимов выделять в зависимости от их функционально-стилевой принадлежности видовые разновидности, например, «белетристикономи – назви творів художньої літератури», «оратіоніми – власні назви усних творів» [7, с. 222] («беллетристикономы – названия произведений художественной литературы», «оратионимы – собственные названия устных произведений»); предложенная учёным типология может быть полезна при построении классификации библионимов на основании изучения определённого корпуса художественных произведений того или иного писателя, литературного направления.

В область исследования специалистов входит анализ названий не только произведений классической литературы, но и массовой [8]. Аспекты изучения библионимов освещаются в одноименной статье Н.Н. Устиновой [9]. В модели ономастического творчества (термин Н.Б. Бугаковой) писателя ономастическими доминантами, позволяющими выявить «особенности индивидуально-авторской картины мира», становятся не только антропонимы и топонимы, но и библионимы [10, с. 13].

Существуют не до конца решенные (например, о типологии функций библионимов) или не всегда ясно артикулируемые в работах проблемы, встающие перед исследователями заглавий художественных произведений. Остановимся на некоторых терминологических проблемах. Во-первых, иногда отличается референтная отнесенность термина: «под библионимами (иначе религионимами) мы понимаем личные имена библейских персонажей» [11, с. 946], это «ИС различных персонажей и топонимы Ветхого и Нового Завета» [12, с. 103]. Рассмотрение *библионима* как собственного имени человека или как родового наименования для антропонимов и топонимов не совсем корректно, поскольку не учитывает значение терминологических элементов: «греч. βιβλίον ‘книга’ + оним» [1, с. 42]), имя собственное книги, а не в книге. В процитированных высказываниях акцент на иную референтную отнесенность и терминологическую модель *библионима*: ‘из лат. *biblia* ж. ед. < греч. βιβλία (βύβλα) мн. ‘(священные) книги’ [13, с. 173], библия + оним, см. корректное построение термина: *библиеонимы* – «важный этнокультурный, темпоральный маркер, образующий блок ключевых слов Библии» [14, с. 107], его видовые разновидности «біблієантропоніми та біблієтопоніми» [15, с. 299] (у этого же автора для наречения религиозных текстов используется термин *сакральные библионимы*), или модель «прил. *библейский* + вид онима».

Во-вторых, Н.В. Васильева пишет, что «библионим, будучи полифункциональной единицей, являет себя в трех пространствах: 1) в номинативно-ономастическом – как один из типов онима; 2) во внутритекстовом (=эндотекстовом) пространстве – как конструктор паратекстуальности (в терминологии Ж. Женетта), т.е. связи данного текста и его заголовочного комплекса; 3) во внетекстовом (=экзотекстовом) пространстве – как самостоятельная единица, существующая отдельно от “своего” текста» [16, с. 102]. На наш взгляд, при анализе заглавий следует дифференцировать библионим как предтекстовый элемент и как встречающееся в художественном тексте название другого произведения. Специальный общепризнанный термин, обозначающий имя собственное вне заголовочного ансамбля, предтекстовой позиции, в концептуальном аппарате ономастики, насколько нам известно, отсутствует. Учёные, вероятно, и не испытывают необходимости в его введении, а необходимость

различать – на уровне закрепления термина – особенности библионимов ввиду их текстового расположения есть, так как разное расположение уже предполагает функциональную специфику, своеобразие онтологических свойств и паратекстуальных отношений. Можно ли говорить о существовании функций «внутрикнижного» библионима, которые совпадают с функциями, реализуемыми «надтекстовым» библионимом, и которые не совпадают? Общие функции, несомненно, есть (номинативно-идентифицирующая, информативная, аллюзивная, символическая, смыслообразующая, сюжетообразующая, комическая, жанроуказывающая), наличие же индивидуальных функций у внутрикнижного заглавия следует поставить под сомнение, его функциональный потенциал ограничен позицией (ему не присущи рекламная, прогнозирующая и некоторые другие функции), но для произведений, где *текст в тексте* существует не просто в качестве названия, а в виде развёрнутого повествования, *вставки*, способной покинуть то пространство, в котором она первоначально появилась, и существовать на правах самостоятельного текста (например, «Легенда о Великом инквизиторе» Ф.М. Достоевского, притча о привратнике и вратах Закона у Ф. Кафки), ограничений в функциональных возможностях нет.

Употребляемые по отношению к номинациям книг отдельными лингвистами и литературоведами термины *интертекстуальный/ аллюзивный/ прецедентный оним, цитация заглавия* ограничены в силу того, что не все вводимые писателем в текст библионимы носят интертекстуальный характер, некоторые из них вымышлены, создаются для реализации эстетических задач конкретного произведения, например, «Некрономикон» безумного араба Абдуль Альхазреда в мире Г.Ф. Лавкрафта, «Божественное хранилище благотворных знаний» в рассказе «Аналитический язык Джона Уилкинса» Х.Л. Борхеса, двухтомный поэтический сборник «Партизанские тропы» (Т. 1: «Партизанские метафоры»; Т. 2: «Партизанские синекдохи») в повести Е.Ю. Лукина «Лечиться будем», «Полвека поэзии» – мемуары Лютика из фэнтезийной саги «Ведьмак» А. Сапковского и мн. др.

Итак, из-за отсутствия специального термина, обозначающего имя собственное вне заголовочного комплекса, мы будем употреблять понятие *внутритекстовый библионим*, которое может быть поддержано существованием традиции использования ономастических терминов-словосочетаний, вроде административный/ природный хороним, литературный антропоним и др. Конечно, это понятие предполагает оппозицию «предтекстовый/надтекстовый – внутритекстовый», указанное разграничение обуславливает в чём-то схожие, а в чём-то отличные подходы к пониманию и интерпретации предтекстовых и внутрикнижных библионимов. Чтобы подчеркнуть такое разграничение, можно было бы ввести термины *интрабиблионим* (лат. *intra* – ‘внутри’) и *экстрабиблионим* (лат. *extra* – ‘снаружи, вне’), но такое решение вряд ли бы показалось оправданным (внешнее и внутреннее имя книги?). Не всегда синтагматические особенности термина *библионим* оказываются удовлетворительными, поэтому мы будем использовать синонимические номинации *заглавие, название*.

В-третьих, названия глав, параграфов, частей, сцен и т.д. – структурные подразделения произведения, так называемые внутренние заголовки тоже являются именами собственными. Интегральные признаки библионима как онимной единицы характерны и для них: внутренний заголовок именует конкретную, в основном завершённую часть текста, выделяя её из ряда других частей, и этим выделением ограничивает и отличает её от подобных объектов, выполняет, иными словами, «номинативно-выделительно-дифференцирующую, индивидуализирующую, идентифицирующую функции» [17, с. 18]. Свойственны таким заголовкам и дифференциальные признаки библионима, например, они реализуют некоторые уникальные функции: «номинативно-тематическую, тематическую» [Там же, с. 18], могут бытовать (обсуждаться читателями) отдельно от текста, в который включены: многим известно о ненапечатанной главе «У Тихона» в романе «Бесы» Ф.М. Достоевского; главе «Сон Обломова» в романе И.А. Гончарова «Обломов», первоначально опубликованной как самостоятельное произведение; о чтении в кругу друзей писателями отдельных глав своих художественных работ, уже написанных или находящихся в процессе написания.

Поскольку внутренние заголовки соотносятся со всем текстом как *часть* и целое, то входят в содержание понятия *библионим* они не будут (этот термин обозначает только *целое*, а не целое и его части), хотя их онтологическая природа во многом схожа с природой общего заглавия. По этой же причине (*pars ≠ toto*) не подходит и понятие *внутритритекстовый библионим*. В работе по отношению к ним мы будем употреблять термин *заголовок*, понимая его низкую дифференцирующую силу. Отметим и попытки лингвистов развести термины *заглавие, название текста, заголовок*, редко признаваемые убедительными [18; 19; 20 и др.]. Сказанное нами имеет отношение к проблемам системы

заглавий и заголовочного комплекса, освещенных в работе Н.А. Веселовой, в частности, поднимающей интересную проблему оглавления, которое «как система заглавий может являться свернутым текстом (как бы его конспектом), воплощая в снятом виде темы, проблематику и пафос целого» [21, с. 190].

В свете указанных проблем проанализируем смыслообразующую и функциональную роль (1) предтекстового библионима, (2) внутритекстового библионима, (3) названий глав в повести волгоградского писателя-фантаста Е.Ю. Лукина «Миссионеры» (опубл. 1989, журнал «Искатель», №6). Она входит в цикл-трилогию «Слепые поводыри», включающую, помимо повести, романы «Разбойничья злая луна» (1997) и «Слепые поводыри» (2000). Над повестью вместе с супругой Л. Лукиной автор начал работать ещё в 1983 г. Сюжетная хронология произведений не совпадает с хронологией их написания. История «собираания» текстов в единый цикл – тема отдельной статьи. В этой работе мы не будем устанавливать те семантические отношения, которые появляются между заглавиями текстов, входящих в цикл. Цель нашей работы заключается в выявлении семантической и функциональной нагруженности предтекстового библионима «Миссионеры» и внутритекстового – «Пророчество о Великом враге», анализе их участия в смыслообразовании и реализации авторских интенций.

Название повести антропоцентрично и европоцентрично, тянет за собой шлейф культурных ассоциаций и коннотаций, предполагаемых оппозиций («своё – чужое», «освоенное – неосвоенное», «христианское – языческое», «культура – природа», «цивилизованное – варварское»), оригинально реализуемых в рассматриваемом произведении.

Рассмотрим взаимосвязь названия и структурных частей произведения, тоже, как мы уже отметили, имен собственных. В произведении 9 структурных частей:

- (1) Каравелла «Святая Дева». Сорок седьмой день плавания;
- (2) Легкий авианосец «Тахи Тианга». Шестьдесят первый год высадки. День двести пятый;
- (3) Каравелла «Святая Дева». Сорок девятый день плавания;
- (4) Иту, база Утренних. Шестьдесят первый год высадки. День двести пятый;
- (5) Каравелла «Святая Дева». Пятидесятый день плавания;
- (6) Руонгу, резиденция Старого. Шестьдесят первый год высадки. День двести шестой;
- (7) Каравелла «Святая Дева». Пятьдесят третий день плавания;
- (8) Атолл-27. Первый год пришествия. День второй;
- (9) Каравелла «Святая Дева». Последний день плавания.

Отметим следующее. Названия хронотопичны, темпорально и локально протокольные, указывают на время и место действия, перспективу повествования, а также на неявные цивилизационные оппозиции «каравелла “Святая Дева” – легкий авианосец “Тахи тианга”» (в переводе *стальная пальма*). Не исключено, что, прочитав название корабля, читатель предположит, что оно принадлежит к какому-либо экзотичному, архаическому обществу, просвещать который плывет каравелла, только необычным и неожиданным для него, вероятно, будет выглядеть упоминание авианосца – разве он станет ассоциироваться с миссионерством? Е.Ю. Лукин вспоминает работу над особенностями языка жителей архипелага:

«Где-то около года разрабатывали псевдополинезийский язык, чудовищно сложный и громоздкий. Помню, в Тбилиси (там в 1984-м проходил Всесоюзный конкурс антивоенного фантастического рассказа) мы рискнули дать на прочитку набросок первой главы Евгению Львовичу Войскунскому. Прочёл. Молчит. Потом так случилось, что я при нём попробовал произнести грузинское слово Светицховели – и не смог. Евгений Львович язвительно на меня покосился и спросил:

– А вы что же, думаете, ваши полинезийские названия легче выговаривать?

Ужаснулись, всё мигом поняли и принялись упрощать язык до предела» [22].

В заголовках представлены: а) *корабонимы*: (1), (2), (3), (5), (7), (9); б) *топонимы (инсулонимы)*: (4), (6), (8), причем в некоторых содержатся сразу несколько имен собственных: в (4) – инсулоним *Иту* и антропоним *Утренние*; в (6) – инсулоним *Руонгу* и антропоним (прозвищная номинация) *Старый*. Корабоним «Святая Дева» семантически связан с библионимом «Миссионеры» (общность коннотативных и ассоциативных сем ‘относится к религии’, ‘христианство’, ‘путешествие’), нередко корабли, от военных до миссионерских и транспортных, носили имена святых (галеон «Святая Анна», флагманский корабль Христофора Колумба «Санта-Мария» и мн. др.); название каравеллы, видимо, эллиптировано (агионим Святая Дева ← Святая Дева Мария). Взглянув на оглавление, читатель предположит связь заглавия именно с этой каравеллой, что отчасти верно: на этом судне действительно плывёт безымянный миссионер, фиксирующий в свой журнал события нынешнего путешествия, но со словом *миссионер* соотносится не только он, о чём скажем ниже.

В толковых словарях у слова *миссионер* фиксируется одно значение: ‘лицо, посылаемое религиозной организацией, церковью для пропаганды своих религиозных взглядов и обращения иноверных в свою веру’ [23, с. 546]. Сняв (как герменевтический вариант), или абстрагировав, религиозный слой значения, сосредоточившись на акциональной и объектной направленности обозначенного словом субъекта, читатель останавливается перед вопросами о носителе миссии, объекте миссионерства, характере телеологии миссионерской деятельности, деструктивной или положительной её направленности (распространение некоего учения либо обращение в него кровью и мечом или словом?). Библионим «Миссионеры», таким образом, выполняет *информативную, интригующую и прогнозирующие* функции, две последних существенны на этапе предпонимания текста.

В повести рассказывается о военном противостоянии между туземцами квазиполинезийских островов (мир альтернативный), «утренними» и «вечерними». Уже два года длится перемирие, которое, по словам противников, слишком затянулось, поэтому в скором времени следовало ожидать нового столкновения, на этот раз грозящего взаимным уничтожением всего архипелага (он уже находится на грани экологической катастрофы), если бы не вступило в действие *Пророчество Старых о Великом Враге*. Пророчество – внутритекстовый библионим с сюжетообразующей функцией.

Старые – небольшая группа молодых людей, которая в романе «Слепые поводыри» случайно обнаружила временную лазейку и, пройдя в неё, оказалась в альтернативном мире, впрочем, географически и антропологически очень похожим на настоящий: те же расы, те же материки, только по-иному расположенные, остаются только неизвестными этнонимы: С момента высадки персонажей прошёл 61 год, отсюда возрастная номинация.

Игорь и его товарищи появились в утреннее время суток, за ним жители островов закрепили имя «утренний бог», за другим попаданцем, Сергеем Самсоновичем, прибывшим на архипелаг вечером, утвердилось имя «вечерний бог», затем темпоральные определения стали характеризовать жителей островов в зависимости от их принадлежности к тому или иному богу. У героев из другого мира была цель спасти самобытные культуры островов от квазиевропейских миссионеров: «Наш лидер собирался стать профессиональным историком. Он изучал завоевания европейцев. Изучал, ненавидя. Такой вот странный случай... Его сводило с ума, что никто и нигде не смог оказать им достойного сопротивления... И он убедил нас» [24, с. 34]. Но чтобы подготовиться к встрече с ними, необходимо сначала доказать туземцам, что европейцы для них представляют угрозу, чтобы те технологические достижения, которые предлагали герои, стали актуальными, жизненно востребованными, однако «они с интересом смотрели, как мы летаем на дельтапланах, поджигаем спирт и пользуемся металлическими орудиями... но перенимать ничего не хотели – зачем? Им неплохо жилось и без этого... А наши предупреждения о том, какую опасность представляют для них европейцы, они, опозтизивав, превратили в Пророчество о Великом Враге» [Там же, с. 35], тогда было решено спровоцировать конфликт между островитянами таким образом, чтобы стороны обращались за помощью к персонажам-попаданцам, располагающими технологической мощью и возможностью наладить производственный цикл. Это удалось: «Да, мы спровоцировали, мы искусственно вызвали к жизни страшный процесс. В нашем мире он назывался гонкой вооружений... Но остановить его мы уже не смогли... Вы оказались слишком способными учениками» [Там же, с. 37]. Стоит отметить, что причины и мотивы своей *миссии*, излагаемые Старым в повести, сильно отличаются от того, что было задумано героями в романе «Слепые поводыри».

Итак, европейцы – это настоящее имя Великого врага из пророчества. Внешний враг, по замыслу Старых, должен был сплотить воюющих между собой туземцев. В водах архипелага появляется несколько кораблей, напоминающих те, что описаны в пророчестве, экипаж одного из них атакует Детские острова, но терпит поражение от подростков, искусных в военном ремесле.

Каравелла – символ эпохи Великих географических открытий, её появление – предвестник того, что эпоха началась и в этом мире, а значит, близятся трагические страницы истории. Вместе со Старыми стратеги утренних и вечерних на собрании обсуждают план действий. Племена решили объединиться, но объединила их не идея защиты своего архипелага, не достижение мира между враждующими (бессмысленность войны понимали некоторые персонажи), а идея завоевания чужого. Что может парусное судно против авианосца? Ресурсы островов, и так небогатые, близки к исчерпанию, молодое поколение стремится проявить отвагу. Не смогли остановить экспансионистские устремления своих учеников те, кто спровоцировал войну между племенами: «Старый утренних поднялся и сделал слабый знак рукой продолжать без него... Перед глазами с безжалостной ясностью в

полный рост вставало грядущее: горящие лувры и эскуриалы, ракетометы против мушкетов, смуглые татуированные цивилизаторы против белых дикарей-христиан. *Пружина неудержимо раскручивалась в обратном направлении*, и помешать этому он был бессилён» [Там же, с. 45] (курсив наш. – В.Д.). Острова двинулись на материк, последствия этого движения отразились в романе «Разбойничья злая луна».

Семантика слова *миссионер* на протяжении текстового развёртывания расширяется и обогащается. В произведении лексема *миссионеры* встречается 19 раз (1 раз в ед. ч.), в языке жителей островов за лицами, обозначенными этим словом, закреплена и другая номинация – *оборотни* (15 упоминаний). Приведенный далее контекст эксплицирует мотивировку этого наименования, а также занятия миссионеров «Сехей смотрел на нее, размышляя. Те, которые не воюют... Проще говоря – миссионеры. Впрочем, у них было еще одно имя – оборотни. А как по-другому назвать человека без татуировки?.. На своих легких и фактически безоружных судах они пускались в открытый океан на поиски новых земель. Отыскав населенный остров, татуировали по местным канонам одного, а чаще – нескольких своих людей и каким-то образом внедряли в племя. А когда через пару лет у берегов острова появлялись корабли утренних (или вечерних – если с туземцами работали миссионеры противника), прием им оказывался самый радушный» [Там же, с. 47]. Это миссионеры, вызванные Старыми из другого мира, чтобы дипломатическим путем разрешать потенциальные конфликты с миссионерскими экспедициями мира альтернативного. В столь пространной цитате значима дескрипция ‘те, которые не воюют’, упоминаемая в тексте дважды: для жителей постоянно враждующих между собой островов, знающих только временные перемирия, это некоторого рода аномалия, потому что в войне, делах, связанных с обслуживанием экзистенциального противостояния, видят ценность, война возглавляет иерархию ценностей. Подрастающее поколение мечтает о сражениях, любимая их песня – «Стрелковый ракетомет», сознание детей, подростков и юношей (до старости здесь не доживают) милитаризовано: «Когда малыши на Детских островах впервые слышат сказку об огромном крабе Итиуру, они всегда задают вопрос: “А что будет, если запустить по нему тяжелую ракету?”» [Там же, с. 46].

Словом *миссионеры* обозначаются, во-первых, миссионеры из разных миров (приглашенные Старыми, и те, что приплыли на каравеллах), во-вторых, *Старые*, чья миссия – попытка изменить историю, чьи благие намерения обернулись выжженной землей материков и островов (эпиграф к повести: «Hell is paved with good intentions»), см. собственное их признание, где слово миссионеры приобретает символическое звучание: «Как же так получилось, тамахи, что, ненавидя миссионеров, мы и заметить не успели, что стали миссионерами сами! *Миссионерами ракетометов...*» [Там же, с. 38] (актуализация негативной социально-оценочной коннотации слова). В-третьих, если Старые – это инициаторы миссии, то островитяне – её исполнители, миссионеры с ракетными установками (слово *ракета* и его производные – ключевые лексемы в тексте). Предлагаемый образ будущих миссионеров на ракетноносцах – образ запоминающийся. Возвращенный идеологами-прогрессорами милитаризм не может довольствоваться своим островным положением. Оригинальна идейная формула Е.Ю. Лукина, сюжетно воплощенная в повести, – «архаические племена + милитаризм + развитые технологии». Это верно отметил волгоградский критик Ю. Астров названием рецензии на фантастический цикл: «Островная империя в неожиданном ракурсе».

Таким образом, предтекстовый библионим *Миссионеры* выступает одним из репрезентантов ономастического хронотопа (термин С.А. Скуридиной), то есть «единства времени-пространства, выражаемого именем собственным или системой имен собственных в творчестве автора» [25, с. 228], выполняет номинативную, информативную, интригующую, прогнозирующую, сюжетообразующую и символическую функции. Заглавная лексема проходит семантический путь развития, меняя ассоциативно-коннотативный фон с положительного на отрицательный. Предтекстовый библионим *Пророчество о Великом враге* участвует в сюжетостроении, развитии мотивной структуры художественной текста.

Библиографический список

1. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1988. 192 с.
2. Кржижановский С. Поэтика заглавий. М.: Никитинские субботники, 1931. 34 с.
3. Джанджакова Е.В. О поэтике заглавий // Лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1979. С. 207-214.
4. Ли Лицюнь. Структура, семантика и прагматика заглавий художественных произведений: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 18 с.

5. Кожина Н.А. Заглавие художественного произведения: структура, функции, типология (на материале русской прозы XIX-XX вв.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1986. 22 с.
6. Майданюк Д.В. Логоэпистема-идеоним в лингвокультурологическом пространстве нарратива И. Ильфа и Е. Петрова // *МОВА*. 2014. № 21. С. 184-187.
7. Торчинский М.М. Структура онимного простору української мови: Монографія. Хмельницький: Авіст, 2008. 550 с.
8. Черняк М.А. Поэтика заглавия в массовой литературе // *Массовая литература XX века: учеб. пособие*. 4-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2013. С. 389-385.
9. Устинова Н.Н. Аспекты изучения библионимов // *Актуальные вопросы современной филологии и журналистики*. 2022. № 4(47). С. 60-63.
10. Бугакова Н.Б. Модель ономастического творчества в индивидуально-авторской картине мира А. Платонова: дис. ... д-ра. филол. наук. Воронеж, 2023. 420 с.
11. Мурясов Р.З. Библионимы как средство обогащения вокабуляра языка // *Вестник Башкирского университета*. 2015. Т. 20. №3. С. 946-951.
12. Тресорукова И.В. Библейские имена собственные в греческой фразеологической картине мира // *Рема. Rhema*. 2019. № 3. С. 101-114.
13. Аникин А.Е. Русский этимологический словарь. Вып. 3 (*бе – болдыхать*). М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 344 с.
14. Тимошик Г.В. Бібліантропоніми новозавітного тексту в лексикографічному опрацюванні (на матеріалі перекладів Святого Письма українською мовою кінця XIX – XX століть) // *Слово и словарь. Vocabulum et vocabularium: сб. науч. трудов по лексикографии*. Вып. 12 / под ред. В.В. Дубичинского и Т. Ройтера. Харьков: Видавництво «Підручник НТУ «ХПІ»», 2011. С. 107-110.
15. Колесник Н.С. Онимний простір українського пісенного фольклору: семантичний, структурний та функціональний аспекти: дис. ... докт. філол. наук. Чернівці, 2017. 441 с.
16. Васильева Н.В. Список библионимов как «текст в тексте» в зеркале языковой игры // *С любовью к слову. Сб. статей к 80-летию юбилею проф. Людмилы Алексеевны Климовой* / Отв. ред. О.В. Никифорова. Арзамас: Арзамасский филиал НГУ им. Н.И. Лобачевского, 2021. С. 102-105.
17. Климова Л.А. Библионимы в лирике С.А. Есенина // *Актуальные вопросы современной филологии и журналистики*. 2020. № 3(38). С. 17-26.
18. Никитина С.Е., Васильева Н.В. Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. Принципы составления и избранные словарные статьи. М.: Ин-т языкознания РАН, 1996. 172 с.
19. Олюнина В.М. К вопросу о функциональной специфике названий американских кинофильмов // *Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2013. Вып. №9. С. 120-124.
20. Богданова О.Ю. Заглавие с позиции теории диктемной структуры текста (на материале английского языка) // *Ярославский педагогический вестник*. 2009. № 2(59). С. 172-175.
21. Веселова Н.А. Заглавие литературно-художественного текста: онтология и поэтика: дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1998. 236 с.
22. Лукин Е. @Bakluzhino – Личный блог. URL: <https://author.today/post/213482> (дата обращения: 02.11.2023).
23. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
24. Лукина Л., Лукин Е. Миссионеры // *Искатель*. 1989. №6. С. 2-51.
25. Скуридина С.А. Ономастический код художественных текстов Ф.М. Достоевского: дис. ... д-ра. филол. наук. Воронеж, 2020. 392 с.

References

1. Podolskaya N.V. Dictionary of Russian onomastic terminology. Moscow: Nauka, 1988. 192 p.
2. Krzhizhanovsky S. Poetics of titles. Moscow: Nikitinskiye subbotniki, 1931. 34 p.
3. Dzhandzhakova E.V. On the poetics of titles // *Linguistics and poetics*. Moscow: Nauka, 1979. pp. 207-214.
4. Li Lijun. The structure, semantics and pragmatics of the titles of works of art: abstract. dis. ... cand. of philolog. Sciences. Moscow, 2004. 18 p.
5. Kozhina N.A. The title of the book: The structure, functions, types (based on Russian prose XIX-XX centuries): abstract. dis. ... cand. of philolog. Sciences. Moscow: Science, 1986. 21 p.
6. Maidanyuk D.V. Logoepisteme-ideonym in the linguistic and cultural space of the narrative of I. Ilf and E. Petrov // *MOVA*. 2014. No. 21. pp. 184-187.
7. Torchinsky M.M. structure of the onym space of the Ukrainian language: monograph. Khmelnytsky: Avist, 2008. 550 p.
8. Chernyak M.A. Poetics of titles in mass literature // *Mass literature of the XX century: studies. stipend. 4th ed., ster.* Moscow: FLINTA, 2013. pp. 389-385

9. Ustinova N.N. Aspects of studying of biblionyms // Actual issues of modern philology and journalism. 2022. No 4(47). pp. 60-63.
10. Bulgakova N.B. The model of onomastic creativity in the individual author's picture of the world by A. Platonov: dis. ... doctor of. philol. Sciences Voronezh, 2023. 420 p.
11. Muryasov R.Z. Biblionyms as a means of enriching the vocabulary of the language // Bulletin of Bashkir University. 2015. Vol. 20. No.3. pp. 946-951.
12. Tresorukova I.V. Biblical proper names in the Greek phraseological picture of the world // Rema. Rhema. 2019. No. 3. pp. 101-114.
13. Ankin A.E. Russian etymological dictionary. Issue 3 (be – boldy'xát'). Moscow: Handwritten monuments of Ancient Russia, 2009. 344 p.
14. Timoshik G.V. Bibleanthroponyms of the New Testament text in lexicographic processing (based on translations of the Holy Scriptures into the Ukrainian language of the late XIX – XX centuries) // word and dictionary. Vocabulary et vocabulary: sat. science. works on lexicography. VIP. 12 / Edited by V.V. Dubichinsky and T. Reuter. Kharkiv: publishing house «textbook of NTU “KHPI”», 2011. pp. 107-110.
15. Kolesnik N.S. Onymny space of Ukrainian song folklore: semantic, structural and functional aspects: doctor of. philol. Sciences. Chernivtsi, 2017. 441 p.
16. Vasilyeva N.V. List of biblionyms as «text within text» in the mirror of the language game // With love for the word. Collection of articles dedicated to the 80th anniversary of Prof. Lyudmila Alekseevna Klimkova / Ed. by O.V. Nikiforov. Arzamas: Arzamas branch of N.I. Lobachevsky National Research University, 2021. pp. 102-105.
17. Klimkova L.A. Biblionyms in the lyrics of S.A. Esenin // Actual issues of modern philology and journalism. 2020. No 3(38). pp. 17-26.
18. Nikitina S.E., Vasilyeva N.V. Experimental systematic explanatory dictionary of stylistic terms. Principles of compilation and selected dictionary entries. Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 1996. 172 p.
19. Olyunina V.M. On the question of the functional specificity of the names of American films // Linguistics and intercultural communication. 2013. Issue No. 9. pp. 120-124.
20. Bogdanova O.Y. The title from the standpoint of the theory of the dictemic structure of the text (based on the material of the English language) // Yaroslavl Pedagogical bulletin. 2009. No. 2(59). pp. 172-175.
21. Veselova N.A. Zaglavie literaturno-khudozhestvennogo teksta: ontologiya i poetika: dis. ... kand. filol. nauk. Tver', 1998. 203 p.
22. Lukin E. @Bakluzhino – Personal blog. . URL: <https://author.today/post/213482> (accessed: 02.11.2023).
23. The Large Explanatory Dictionary of the Russian Language / comp. and chief editor S.A. Kuznetsov. St. Petersburg: Norint, 2000. 1536 p. (in Russian).
24. Lukina L., Lukin E. Missionaries // Iskatel. 1989. No. 6. pp. 2-51.
25. Skuridina S.A. Onomastic code of F.M. Dostoevsky's literary texts: dis. ... doctor of. philol. Sciences. Voronezh, 2022. 392 p.

УДК 81.42

DOI 10.36622/2587-9510.2024.53.2.007

Тулский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого
доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой документоведения и стилистики русского языка Токарев Г.В.
Россия, Тула, 89509283115,
e-mail: grig72@mail.ru

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University,
Doctor of philological Sciences, professor, Head
of Department of document science and stylistics
of Russian,
Tokarev G.V., Russia, Tula, 89509283115,
e-mail: grig72@mail.ru

Г.В. Токарев

ИСПОВЕДЬ КСАНТИПЫ: САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ С.А. ТОЛСТОЙ В ДНЕВНИКАХ 1900-х ГОДОВ

Целью статьи является выделение смысловых доминант в процессе самоидентификации С.А. Толстой в период 1900-1910 годов. Для её достижения из дневника С.А. Толстой были отобраны фразы, репрезентирующие самоидентификацию личности, её внутреннее состояние и мироощущение. В указанных фразах выделены ключевые слова, их значения подвергнуты компонентному и концептуальному анализу. Дневник С.А. Толстой 1900-1910 годов представляет отдельную ступень в процессе самоидентификации личности. В эти годы Софью Андреевну волновали дневники супруга, в которых он делал записи, порочащие, по её мнению, свою жену. Софья Андреевна понимала, что дневник гения будет после его смерти обнародован, поэтому её очень беспокоило, какой она предстанет перед читателем. В этот период Софья Андреевна рассматривала свой дневник в качестве средства реабилитации несправедливого образа, сформированного её мужем в своих дневниках. Как и в прошлые этапы жизни, Софья Андреевна характеризует себя как человека энергичного. Для объективации этих представлений используются слова с интенсифицирующей семой 'очень'. Но в эти же годы находит выражение и противоположная идентификационная тактика: «Я устала». Эту стратегию дополняет ощущение возраста, приближающейся старости и смерти. Ключевыми смысловыми доминантами записей этих лет является одиночество и отчуждённость. Ещё одной смысловой доминантой этого периода является долг, обязательства перед своей семьёй. Софья Андреевна характеризует себя как хорошую мать, полностью отдавшую себя воспитанию детей, и как верную жену, посвятившую себя служению мужу. Смысл текущей жизни Софья Андреевна видит исключительно в заботе о муже: Софья Андреевна считает, что полностью отдала свою жизнь мужу. Ценой этому стала нереализованная индивидуальность, собственные художественные способности, интересы. В дневниковых заметках проявляет себя тактика обиды за невнимание, неценённые старания, труды, заботу. И в то же время она успокаивает себя тем, что от Льва Николаевича не следует ждать той взаимной благодарности, которая есть в обычных семьях, поскольку он гений.

Ключевые слова: дневник, самоидентификация, тезаурус личности, автокоммуникация, личностный курс, С.А. Толстая, женская речь.

G.V. Tokarev

THE CONFESSION OF XANTHIPPE: THE SELF-IDENTIFICATION OF S. A. TOLSTAYA IN THE DIARIES OF THE 1900S

The article aims to highlight the semantic dominants in the self-identification process of Sofya Andreeva Tolstaya in the period of 1900-1910. In order to achieve this goal, the phrases representing the self-identification of a person, her inner state and worldview have been selected from S.A. Tolstaya's diary. The author identifies keywords in these phrases and subjects their meanings to component and conceptual analyses. S.A. Tolstaya's diary of 1900-1910 represents a particular stage in the process of self-identification of a person. During these years, Sofya Andreevna becomes concerned about her husband's diaries, in which he has made entries that, in her opinion, defame his wife. Sofya Andreevna realizes that the diary of the genius will be made public after his death, so she feels very disturbed about how she will appear to the reader. During this period, Sofya Andreevna sees her diary as a means of rehabilitating the unjust image shaped by her husband in his diaries. As in the previous stages of her life,

Sofya Andreevna describes herself as an energetic person. To objectify these perceptions, words with the intensifying prefix 'very' are used. The opposite identification tactic is also expressed in these years: 'I am tired'. This strategy is complemented by a sense of getting older, approaching old age and death. The key semantic dominants of the entries of these years are loneliness and alienation. Another semantic dominant of this period is duty, obligations to her family. Sofya Andreevna characterizes herself as a good mother, fully dedicated to the upbringing of her children, and as a faithful wife, devoted to serving her husband. Sofya Andreeva sees the meaning of her everyday life solely in caring for her husband: Sofya Andreeva believes that she has completely given her life to her husband. The cost of this became unrealized individuality, her own artistic abilities and interests. In her diary entries she displays the tactic of resentment for inattention, unappreciated efforts, labor, care. At the same time, she reassures herself that Lev Nikolayevich Tolstoy should not expect the mutual gratitude that exists in ordinary families, because he is a genius.

Keywords: diary, self-identification, thesaurus of personality, autocommunication, personal discourse, S. A. Tolstaya, female speech.

Одним из ключевых понятий антропологической лингвистики является языковая личность. Е.В. Иванцова отмечает, что изучение человеческого фактора на основе вербальных данных является новой и мало разработанной проблемой: «Вопрос о методологии новой области научного знания, изучающей феномен языковой личности, пока остается «белым пятном» в ее теоретической сфере. Работы, посвященные этой проблеме, очень немногочисленны, не сформирован круг методов данной области знания, отсутствует их единая трактовка и систематическое описание» [3, с. 27].

В трудах, посвящённых этому вопросу, описан генезис понятия языковой личности, проанализированы как базовые, так и частные дефиниции [6]. Модель, предложенная Ю.Н. Карауловым, взята за основу в исследованиях по данной проблеме [4]. Как известно, учёный выделял три уровня в структуре языковой личности: вербально-семантический, тезаурусный и мотивационный. Данная модель дала импульс развитию ключевых направлений изучения языковой личности: словаря (идиолекта) языковой личности, её картины мира (тезауруса) и мотивационного аспекта. Н.Л. Зелянская и Т.Н. Галинская отмечают: «Синтез этих методов – структурного моделирования (рассмотрение ассоциативно-вербального (лексикон), когнитивного (тезаурус) и прагматического (прагматикон) уровней) и речевого портретирования (изучение грамматической организации высказываний, стилистических средств, в том числе и средств выразительности, средств и способов аргументации и т. д.) – делает возможным объективное и полное описание языковой личности [2, с. 52]. Каждый, условно выделяемый уровень языковой личности, характеризуется подвижностью и динамичностью. Для нашего исследования особый интерес представляет тезаурусный уровень, включающий систему знаний, категоризованных в концепты, объединяющие представления, обыденные понятия, культурные установки, стереотипы, эталоны, которыми личность руководствуется. Л.М. Бузинова указывает: «Данный уровень соотносится с системой идей, представлений, взглядов» [1, с. 401]. Очевидно, что указанные виды знаний меняются в течение жизни. Система индивидуальных ценностей подобна калейдоскопу, в котором конфигурации ценностей трансформируются под влиянием внешних условий. Совокупность близких по содержанию смыслов мы объединяем в смысловые доминанты. В тезаурусном уровне особое место занимает самоидентификация и самохарактеризация личности, которые выступают своеобразными механизмами её эволюции. В процессе самоидентификации личности происходит своего рода раздвоение: объектом познания становится сама личность. Е.Ф. Серебренникова так описывает этот процесс: «Данное раздвоение Эго (Я) отражает бинарный способ концептуализации исходной сущности лица, осознания себя самого как субъекта и одновременно как объекта рефлексии и восприятия, как это обосновано в философской системе И. Канта [7, с. 131].

Г.В. Напреенко отмечает: «Феномен идентификации уже давно является одним из важных предметов науки о языке. Задача идентификации в лингвистике – установление тождества объектов, атрибуция каждого текста конкретному автору, при этом в качестве объектов могут выступать текст, персонотекст и языковая личность». [5, с. 157].

Источники изучения тезауруса языковой личности многообразны: среди них особое место занимают дневники, в которых пишущий выражает систему актуальных для него в данный момент ценностей. Личность Софьи Андреевны Толстой многогранна, противоречива. На протяжении своего замужества она вела дневник, который отразил изменение взглядов, приоритетов. Её дневник позволяет изучить процессы самоидентификации и самохарактеризации личности, психологию женщины-жены и матери, влияние возраста на изменение представлений.

Дневник С.А. Толстой 1900-1910 годов представляет отдельную ступень в процессе самоидентификации личности. Дети повзрослели, не требовали материнской заботы. Здоровье Льва Николаевича пошатнулось и порой доходило до того момента, когда он был между жизнью и смертью. Отча-

сти этот период можно сравнить с первыми месяцами брака, когда у Льва Николаевича и Софьи Андреевны не было детей. Тогда они жили друг для друга. Но, конечно, это сравнение условно. Дневник Софьи Андреевны заканчивается в 1910 году, со смертью мужа. Хотя Софья Андреевна прожила ещё девять лет, вести дневник, вероятно, уже не было потребности. Это открывает и одну из главных интенций записей – вести диалог с мужем, делиться с ним своим мироощущением. В эти годы Софью Андреевну волновали дневники супруга, в которых он делал заметки, порочащие, по её мнению, свою жену. Софья Андреевна понимала, что дневник гения станет после его жизни своеобразным бестселлером, поэтому её очень беспокоило, какой она предстанет перед читателем. Впрочем, этот образ она сама и определила – Ксантиппа, жена Сократа, обладающая невыносимым сварливым характером. Поэтому свой дневник Софья Андреевна рассматривала в этот период, как нам думается, в качестве средства восстановления справедливости, как попытку реабилитировать несправедливый образ, сформированный в своих дневниках её мужем. Приведём несколько записей этого периода. *Я обвиняюсь моим мужем во всём: сочинения его продаются против его воли; Ясная Поляна держится и управляется против его воли; прислуга служит против его воли; доктора призываются против его воли... Всего не пересчитать... А между тем я непосильно работаю на всех и вся моя жизнь не по мне. Зачем ты в дневниках своих всегда, упоминая моё имя, относишься ко мне злобно? Зачем ты хочешь, чтоб все будущие поколения поносили имя моё как легкомысленной, злой, делающей тебя несчастным жены? Если б ты меня просто бранил или бил за то, что находишь дурным во мне, ведь это было бы несравненно добрей (то проходяще), чем делать то, что ты делаешь.* (10.08.1903) [8, с. 544] *Сегодня я прочла данный мне Льв. Ник. его дневник – и опять меня обдало холодом... А в дневниках Льва Ник. везде с умыслом он выставляет меня, как и теперь – мучительницей, с которой надо как-то бороться и самому держаться, а себя – великодушным, великим, любящим, религиозным...* (26.06.1910) [8, с. 570].

К 1900-му году Софья Андреевна отдаёт себе отчёт в том, что завершён большой этап жизни. Она задаётся вопросами. Как она жила? Какие были приоритеты? Есть ли чувство удовлетворённости от прожитой жизни? 14 июля 1901 она пишет: *Да, ещё целый период отжит. Ещё резкая черта проведена между тем периодом, в который жизнь шла вперёд, и когда она вдруг во мне стала, как теперь* (14 июля 1901) [8, с. 472].

Целью данной статьи является выделение смысловых доминант процесса самоидентификации С.А. Толстой в указанный период. Для достижения поставленной цели использовалась следующая методика. Из дневника были отобраны фразы, репрезентирующие самоидентификацию личности, её внутреннее состояние и мироощущение. В указанных фразах выделены ключевые слова, их значения подвергнуты компонентному и концептуальному анализу.

Как и в прошлые этапы жизни, Софья Андреевна характеризует себя как человека энергичного, деятельного. *Живу – точно вихрем меня несёт.* (21 января 1901) [8, с. 457]. *Дряхлость ЛН тянет меня за собой, и я должна стареть вместе с ним, но не могу, не умею, если б и хотела...* (18 мая 1901) [8, с. 466]. *День моего рождения, мне 66 лет, и всё то же энергия, обострённая впечатлительность, страстность и – люди говорят – молоджавость.* (22 августа 1910) [8, с. 633]. *Работа во мне идёт внутренняя со страшной силой, всё молюсь, особенно по ночам, на коленях перед старинным образом, и так хочется, чтобы поднятая рука Спасителя наконец поднялась бы надо мной и благословила мою душу на мирное, спокойное настроение.* (18 марта 1903) [8, с. 540]. *Не по мне вся жизнь. Некуда проложить кипучую жизненную энергию, нет общения с людьми, нет искусства, нет дела – ничего нет, кроме полного одиночества весь день, когда пишет Л.Н. ....* (17 ноября 1903) [8, с. 545]. *...я тоже львица, как жена Льва, и сумею показать свои когти при случае...* (17 января 1904). [8, с. 547]. Для объективации этих представлений Софья Андреевна использует слова с интенсифицирующей семой ‘очень’: *вихрь, энергия, обострённый, впечатлительность, страстность, страшная сила, львица* и др.

Но в эти же годы находит выражение и противоположная идентификационная тактика: «Я устала». *Так вот я отстраняюсь от всего, я измучена вечными упреками и трудом. Пусть Л.Н. хоть остальную свою жизнь живёт по своим убеждениям и по своей воле. А я устала служить ширмами и выйду из этой навязанной мне роли.* (1 июля 1903) [8, с. 541]. *Жизнь меня утомила, измучила, я устала от трудов самых разнообразных; живу одиноко, без помощи, без любви, молю Бога о смерти; вероятно, она не далека.* (26 июня 1910) [8, с. 568]. Любопытно, что Софья Андреевна публикуется под псевдонимом *Усталая*. Неизвестно, кто это придумал. Однако очевидно, что сама Софья

Андреевна приняла эту номинацию. *В Москве я узнала, что в «Журнале для всех» в марте напечатают мою поэзию в прозе «Стоны», с псевдонимом Усталая.* (17 января 1904) [8, с. 548]. Как видим из приведённых фрагментов, в качестве контекстуальных синонимов к слову *устала* приводятся единицы *утомила, измучила*. В качестве субъектов данных действий используются *упрёки, труд, одиночество*.

Эту стратегию дополняет ощущение возраста, приближающейся старости и смерти. *Пришла к той поре старости, когда предстоит два пути: или подняться выше духовно и идти к самосовершенствованию, или находить удовольствие в еде, покое, всякого рода наслаждениях от музыки, книг, общества людей. Боюсь последнего.* (7 сентября 1908) [8, с. 557]. *Вообще же огонёк во мне потух, и я откровенно начинаю стареть.* (11 августа 1902) [8, с. 521].

Ключевыми смысловыми доминантами записей этих лет является одиночество и отчуждённость. Их объективация прослеживается в выборе притяжательного местоимения и его особом выделении. Так, о гостях Льва Николаевича пишет: *Приходили его друзья...* (5 ноября 1900) [8, с. 442]. Данное словоупотребление подчёркивает разобщённость интересов супругов. Чувство одиночества объективируется антитезой: себя Софья Андреевна противопоставляет не понимающим и не поддерживающим её близким: *И работаю я одна на всех и за всех. Веду все дела одна, без мужа, без сыновей, делаю мужское дело и веду хозяйство дома, воспитание детей, отношения с ними и людьми – тоже одна. Глаза слепнут, душа тоскует, а требованья, требованья без конца.* (12 февраля 1901) [8, с. 459]. Пишущая повторяет слово *одна*, *предлог без*, актуализирует внимание на несоответствии: она женщина, но выполняет мужскую работу, ведёт хозяйство, принимает решения. Доминанта «Одиночество» дополняется смыслами ‘уединение’, ‘замкнутость’ и ‘чуждость’. *Иногда так хочется от всех на свете удалиться, уйти в себя хоть на время.* (8 января 1902) [8, с. 484]. *Но никогда уже искавшее тогда утешения и любви сердце моё не обращалось к мужу с той непринуждённой, любовной доверчивостью, которая была раньше. Оно навсегда замкнулось болезненно и бесповоротно.* (10 августа 2023) [8, с. 545]. *Горевала мыслями и сердцем о том, что с мужем живём как чужие!* (8 декабря 1901) [8, с. 477]. Чувство одиночества Софья Андреевна выражает путём противопоставления себя мужу: *...он весел, бодр духом – отчасти оттого, что так тиха и безжизненна я. Он не любит и всегда боится моего оживления.* (27 ноября 1900) [8, с. 448].

Ещё одной смысловой доминантой этого периода является долг, обязательства перед своей семьёй. Софья Андреевна характеризует себя как хорошую мать, полностью отдавшую себя воспитанию детей, и как верную жену, посвятившую себя служению мужу. Материнство и служение мужу – это две главные жизненные ценности, определяемые Софьей Андреевной. *Лучшее, что во мне есть, – это чувство долга и материнства.* (17 сентября 1908) [8, с. 565]. Объективация этих представлений может осуществляться эксплицитно, например, с опорой на слово состояния *надо*: *...надо жить, надо беречь мужа, детей, надо не выдавать, не показывать своего безумия и не видеть того, кого болезненно любишь.* (7 марта 1903) [8, с. 539] или имплицитно: *Он всегда работал по своему выбору, а не по необходимости. Хотел – писал, хотел – пахал. Вздумал шить сапоги – упорно их шил. Задумал детей учить – учил. Надоело – бросил. Попробовала бы я так жить. Что бы было и с детьми и с самим Л.Н.?* (16 сентября 1908) [8, с. 562].

Взросление детей, их постепенное отчуждение Софья Андреевна не переживает так, как возможную смерть Льва Николаевича. Без него она не представляет себе дальнейшей жизни. *Боже мой, какое непосильное горе, какой ужас жизнь без него, без этой привычной опоры любви, нравственной поддержки, ума и возбуждения лучших интересов в жизни...* (3 июля 1901) [8, с. 471]. Как видим из процитированного фрагмента, свою заботу о муже она идентифицирует для себя как опору своей любви, нравственную поддержку и жизненный интерес. *Очень я испугалась, и опять ужас перед пустотой в жизни, если не станет Льва Николаевича раньше меня.* (9 июля 1903) [8, с. 542].

Жизнь семейная Софьей Андреевной отождествляется с биологической. *Мой Лёвочка умирает... И я поняла, что и моя жизнь не может остаться во мне без него. Сороковой год я живу с ним. Для всех он – знаменитость, для меня он – всё моё существование, наши жизни шли одна в другой...!* (26 января 1902) [8, с. 490-491]. Она не представляет своего дальнейшего существования после смерти мужа. *...опять нитьё в сердце, что замирает жизнь человека, с которым так сжилась и без которого я себя представить не могу.* (8 февраля 1902) [8, с. 497-498]. Смысл текущей жизни Софья Андреева видит исключительно в заботе о муже: *Жизни никакой нет; только одно несомненно нужно и хорошо – это уход за Львом Николаевичем.* (10 января 1902) [8, с. 485]. *Так я сжилась с заботой о нём, что если этого не будет, то я не найдусь в жизни, тем более с ослабевшим зрением.* (14 января 1901) [8, с. 456].

Софья Андреевна считает, что полностью отдала свою жизнь мужу. *Какая бы я ни была, больше того, что дала мужу, дать нельзя. Я горячо, самоотверженно, честно и заботливо любила его, окружала всякой заботой, берегла его, помогала; не изменяла ни единым словом или движением хотя бы пальца; что же может женщина дать больше самой сильной любви? Я на 16 лет моложе мужа и на 10 лет всегда казалась моложе своего возраста. И всё-таки всю страстность моей здоровой, энергической любви я отдавала только ему. Я понимала, что святость философии моего мужа останется только в книгах, что ему нужна для его работы привычная, удобная обстановка, и он всю жизнь прожил в этой обстановке – будто бы для меня!... (26 августа 1910) [8, с. 637]. Сорок лет прожили вместе, и чем бы и как бы я ни жила, смело могу сказать, что Лёвочка был всегда, во всём на первом плане и самый любимый... (7 декабря 1902) [8, с. 529].*

Ценой этому стала нереализованная индивидуальность, собственные художественные способности, интересы. *Занята разбором и перепиской моих писем к Л.Н. за всю жизнь, что могла собрать. Какая трогательная история моей любви к Лёвочке и моя материнская жизнь в этих письмах! В одном удивительно характерно моё оплакивание жизни духовной и умственной, для которой я боялась проснуться, чтоб не упустить обязанностей жены, матери и хозяйки. (19 января 1901) [8, с. 457]. А какая-то буря желаний, стремление куда-то выше, духовнее, содержательнее жить ещё всё не угасла в душе. Когда? Видно, на том свете. (12 января 1902) [8, с. 486]. Долг, долг, и вся энергия уходит на исполнение его, на убиение своей личности. (6 декабря 1901) [8, с. 477].*

В дневниковых заметках проявляет себя тактика обиды за невнимание, неоценённые старания, труды, заботу. Софья Андреевна обижается и на мужа, и на детей. *Мне часто кажется, что в жизни моей я была мало виновата перед моими детьми – я слишком их любила, и осуждение их, а иногда и грубость невыносимо больно действуют на мою душу. (18 марта 1903) [8, с. 540].*

Служила и я, сорок лет скоро, гению и знаю, как сотни раз поднималась во мне умственная жизнь, всякие желания, энергия, стремление к развитию, любовь к искусствам, к музыке... И все эти порывы я подавляла и глушила и опять, и опять, и терпеть, и так до конца жизни буду так или иначе служить своему гению. ...Как бы ни любить того человека, которого люди признали гением, но вечно родить, кормить, шить, заказывать обед, ставить компрессы и клистиры, тупо сидеть молча и ждать требований – это мучительно, а за это ровно ничего, даже простой благодарности не будет, а ещё найдётся многое, за что будут упрекать. Несла и несу я этот непосильный труд – и устала. ... Я не замечала всю жизнь своего труда – служения гениальному мужу. И я почувствовала больше этот труд, когда после чтения дневников мужа увидела, что для большей славы он всюду бранил меня; ему нужно было оправдать как-нибудь свою жизнь в роскоши (относительно) со мной. Это было в год смерти моего Ванечки, когда я огорчённой душой более примкнула к мужу – и жестоко разбилась сердцем и разочарованием в нём. (13 января 1902) [8, с. 509].

Причиной обиды становится и нежелание мужа посвящать жену в свои дела, делиться мыслями негативно отзываясь в душе Софьи Андреевны. *С трудом выпытываю и догадываюсь я, чем живёт мой муж. Он не рассказывает мне больше никогда ни своих писаний, ни своих мыслей, он всё меньше и меньше участвует в моей жизни. (23 ноября 1900) [8, с. 447].*

И в то же время она успокаивает себя тем, что от Льва Николаевича не следует ждать той взаимной благодарности, которая есть в обычных семьях, поскольку он гений. *Есть что-то в моём муже, что недоступно моему жалкому, может быть, понимаю. Я должна помнить и понять, что назначение его – учить людей, писать, проповедовать. Жизнь его, наша, всех близких должна служить этой цели, и потому его жизнь должна быть обставлена наилучшим образом. Надо закрыть глаза на всякие компромиссы, несоответствия, противоречия, и видеть только в Льве Николаевиче великого писателя, проповедника и учителя. (5 июля 1903) [8, с. 541].*

Таким образом, в период с 1900 по 1910 годы в тезаурусе С.А. Толстой актуальны две взаимотищающие тенденции самохарактеризации. Одна указывает на энергичность, силу, другая – на усталость. К смысловым доминантам этого периода следует отнести одиночество, отчуждённость, чувство личной нереализованности. Главным смыслом жизни Софья Андреевна определяет для себя заботу о Льве Николаевиче. Среди коммуникативных стратегий дневниковых записей является обида на невнимание со стороны близких и желание исправить собственных несправедливый образ, который сформировал её муж в своих дневниках. Выражение данных концептуальных тактик воплощается на лексическом уровне. В дневниках данного периода Софья Андреевна ведёт скрытый диалог не только с мужем, но и с потенциальными читателями дневников супругов.

Библиографический список

1. Бузинова, Л.М. О дискурсном антропоцентризме и лингвоперсонологии // Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. 2018. Т. 37. № 3. С. 394-405.
2. Зелянская, Н.Л., Галинская, Т.Н. Реконструкция «координат бытия» языковой личности политика как метод лингвоперсонологического описания // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 5 (259). Филология. Искусствоведение. Вып. 63. С. 52–54.
3. Иванцова, Е.В. Лингвоперсонология: основы теории языковой личности. Томск: Изд-во ТГУ, 2010. 158 с.
4. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 261 с.
5. Напреенко, Г.В. Идентификационная лингвистика как аспект лингвоперсонологии // Вестник Кемеровского государственного университета 2015 № 2 (62) Т. 4. С. 157-162.
6. Плесовских, Т.С. Лингвоперсонология в контексте антропологического подхода // Science Time. 2014. № 4. С. 173-179.
7. Серебренникова, Е.Ф. Эго-персонология: когнитивные механизмы семиотизации // Вестник ИГЛУ. 2013. С. 129-133.
8. Толстая, С.А. Дневники 1862-1910. М.: Захаров, 2022. 704 с.

References

1. Buzinova, L.M. On discursive anthropocentrism and linguopersonology // Scientific Vedomosti. The Humanities series. 2018. Vol. 37. No. 3. pp. 394-405.
2. Zelyanskaya, N.L., Galinskaya, T.N. Reconstruction of the "coordinates of being" of the linguistic personality of a politician as a method of linguistic and phonological description // Bulletin of the Chelyabinsk State University. 2012. № 5 (259). Philology. Art history. Issue 63. pp. 52-54.
3. Ivantsova, E.V. Linguopersonology: fundamentals of the theory of linguistic personality. Tomsk: Publishing House of TSU, 2010. 158 p.
4. Karaulov, Yu.N. Russian language and linguistic personality. M.: Nauka, 1987. 261 p.
5. Napreenko, G.V. Identification linguistics as an aspect of linguopersonology // Bulletin of Kemerovo State University 2015 No. 2 (62) Vol. 4. pp. 157-162.
6. Plesovskikh, T.S. Linguopersonology in the context of an anthropological approach // Science Time. 2014. No. 4. pp. 173-179.
7. Serebrennikova, E.F. Ego-personology: cognitive mechanisms of semiotization // Vestnik IGLU. 2013. pp. 129-133.
8. Tolstaya, S.A. Diaries 1862-1910. M.: Zakharov, 2022. 704 p.

К ЮБИЛЕЮ А.С. ПУШКИНА ON A.S. PUSHKIN'S ANNIVERSARY

УДК 821.161.1

DOI 10.36622/2587-9510.2024.53.2.008

*Воронежский государственный университет
преподаватель кафедры истории и типологии русской
и зарубежной литературы филологического факуль-
тета*

Устимов О.В.

Россия, г. Воронеж

Тел.: 89803788514

e-mail: aafaustov@list.ru

Voronezh State University

*Lecturer at the Department of History and Ty-
pology of Russian and Foreign Literature at the
Faculty of Philology*

Ustimov O. V.

Russia, Voronezh

89803788514

e-mail: aafaustov@list.ru

О. В. УСТИМОВ

ВОКРУГ «ПУШКИНСКОЙ РЕЧИ» ДОСТОЕВСКОГО: СПИРИТИЧЕСКИЙ КОД

В статье рассматривается «Пушкинская речь» Достоевского в контексте мышления второй половины XIX века, наиболее ярким проявлением которого выступает спиритизм. Социальные, политические, научные и религиозные изменения, произошедшие после 1848 года, создали своеобразный идеологический сплав, повлиявший на миропонимание эпохи. Спиритическое учение как проявление «духа времени», включившее в себя социальный, религиозный и квазинаучный элементы, привлекается в статье для компаративного анализа содержания, способа подачи и восприятия современниками «Пушкинской речи» Достоевского. Параллельно в России второй половины XIX века происходили процессы институционализации и канонизации А.С. Пушкина в качестве национального поэта, в которых отразились особенности мышления эпохи. Практики сформировавшейся к 50-60-м годам профессиональной литературной критики, склонной к радикальному перечитыванию писателей прошлого и настоящего, сравниваются с практиками спиритических кружков, вызывавших души умерших писателей и получавших сообщения о подлинных смыслах их произведений. Критики оказываются в позиции «медиумов», которые должны войти в контакт с умершим писателем и передать его «подлинные» мысли. В обоих случаях медиум и критик присовокупляют свои воззрения к мыслям писателя. В такой перспективе исследуются особенности интерпретации идей Пушкина Достоевским. Прослеживаются социально-утопический и религиозный аспекты «Пушкинской речи» Достоевского. Рассматривается их место в контексте художественного творчества писателя, в особенности – в романе «Бесы» и рассказе «Сон смешного человека». Проводится их сопоставление с социальной и религиозной доктринами спиритизма. Анализируется реакция современников на речь Достоевского, в особенности – критический анализ речи К.Н. Леонтьевым. «Пушкинская речь» оказывается характерным для эпохи сплавом литературной критики, социальной программы и религиозной проповеди, отличающимся от спиритического сплава, но по структуре схожей с ним. В статье были использованы культурно-исторический и компаративный методы.

Ключевые слова: Достоевский, Пушкин, «Пушкинская речь», спиритизм, «Бесы», «Сон смешного человека»

O. V. Ustimov

AROUND DOSTOEVSKY'S "PUSHKIN SPEECH": THE SPIRITUALIST CODE

The article examines Dostoevsky's "Pushkin Speech" in the context of the mindset of the second half of the XIX century, the most striking manifestation of which is spiritualism. The social, political, scientific and religious changes that took place after 1848 created a kind of ideological fusion that influenced the worldview of the era. The spiritual teaching as a manifestation of the "spirit of the time", which included social, religious and quasi-scientific elements, is used in the article for a comparative analysis of the content, method of presentation and perception by contemporaries of Dostoevsky's "Pushkin Speech". In parallel, in Russia in the second half of the XIX century, the processes of institutionalization and canonization of A.S. Pushkin as a national poet took place, which reflected the peculiarities of the thinking of the era. The practices of professional literary criticism formed by the 50s and 60s, prone to

radical re-reading of writers of the past and present, are compared with the practices of spiritualistic circles that evoked the spirits of deceased writers and received messages about the true meanings of their works. Critics find themselves in the position of "mediums" who must get in touch with the deceased writer and convey his "authentic" thoughts. In both cases, the medium and the critic add their views to the writer's thoughts. In this perspective, the features of Dostoevsky's interpretation of Pushkin's ideas are investigated. The socio-utopian and religious aspects of Dostoevsky's "Pushkin Speech" are traced. Their place is considered in the context of the writer's artistic work, especially in the novel "Demons" and the story "The Dream of a Ridiculous Man". Their comparison with the social and religious doctrines of spiritualism is carried out. The reaction of contemporaries to Dostoevsky's speech is analyzed, especially the critical analysis of speech by K.N. Leontiev. "Pushkin Speech" turns out to be a characteristic fusion of literary criticism, social program and religious preaching, which differs from the spiritualistic alloy, but is similar in structure to it. The article uses cultural-historical and comparative methods.

Keywords: Dostoevsky, Pushkin, "Pushkin speech", spiritualism, "Demons", "The Dream of a Ridiculous Man"

Историки всегда любили разделять исторические эпохи по датам ключевых событий, ставящих смысловую точку или открывающих чистую страницу для новых политических режимов, искусств и мировоззрений. Проблема заключается в том, что точные даты для таких событий редко находятся. Поэтому крупной удачей оказывается существование точной даты возникновения новой эпохи в середине XIX века – 1848 год, – эпохи, названной британским историком Эриком Хобсбаумом «Веком капитала».

Хобсбаум в одноименной работе говорит о том, что «1848 год, знаменитая «весна народов», был первой и последней европейской революцией в (почти) буквальном смысле мгновенная реализация мечтаний левых, кошмары правых, фактически одновременное ниспровержение старых режимов на большей части континентальной Европы к западу от Русской и Турецкой империй, от Копенгагена до Палермо, от Брасова до Барселоны» [1; с. 7-8]. 1848 год был годом опубликования «Манифеста коммунистической партии» и последующего расцвета левых идеологий и движений. 1848 год также был годом мистических стуков в доме сестер Фокс в Гайдсвилле – годом рождения спиритизма, самого характерного для этой эпохи религиозного движения. Исследователь Клара Голдфарб пишет: «Истинно верующие считали спиритизм частью духа времени 1848 года: быстрой индустриализации, культурных и политических изменений, реформ во всех аспектах человеческой жизни. Спиритические чудеса конкурировали с новейшими научными изобретениями, а также с общим стремлением к реформам и прогрессу. «Эмма Хардиндж Бриттен, ведущий американский спирит, настаивала на том, что спиритизм – это новая религия, религия, основанная на фактах, подкрепленная историей и доказанная наукой» [2; с. 229].

Это была эпоха, в которой научный позитивизм, современные религиозные движения и политическое воображение в форме социального утопизма переплетались и отражались друг в друге и в каждом аспекте человеческой деятельности, объединенные общим стремлением к прогрессу, который был одним из ключевых слов эпохи [1; с. 10].

Спиритизм поэтому – как концентрированный дух времени – может выступать метафорой для различных воззрений и практик, характерных для эпохи. В данном исследовании мы бы хотели применить этот спиритический код для анализа «Пушкинской речи» Достоевского не только как текста, впоследствии опубликованного на страницах «Дневника писателя», но как целостной ситуации (по словам современников писателя – «события»), включающей как место её произнесения, так и всех слушающих её.

Как известно, литература с начала XIX столетия занимала в русском обществе привилегированное положение, а фигура автора-творца, поэта в широком смысле, в эпоху романтизма получила статус «пророка», который не утратила и во второй половине века, в эпоху реализма. В пантеоне писателей-пророков первое место занимал, разумеется, Пушкин, окончательно ставший символом и мифом после своей смерти.

Спириты регулярно занимались практикой коммуникации с духами умерших писателей, получали загробные произведения или ответы на вопросы о жизни писателей и их посмертном существовании. Этот феномен был достаточно известен в массовом обществе, и Достоевский в своей статье о спиритизме с известной долей иронии писал: «Гоголь пишет в Москву с того света утвердительно, что это черти. Я читал письмо, слог его» [3; с. 32] Конечно, не обошла эта практика и умершего Пушкина, сестра которого, Ольга Павлищева, на спиритическом сеансе в начале 1850-х годов получила от брата стихотворение «с того света»: «Входя в небесные селенья, / Печалилась душа моя, / Что средь земного треволненья / Вас оставлял надолго я...» [4; с. 66].

Основываясь на полученных загробных текстах, письмах и сообщениях авторов, спириты утверждали, что могут выступать авторитетными толкователями смысла произведений этих авторов, их воззрений и взглядов. Илья Веницкий в книге «Ghostly Paradoxes», посвященной связи спиритизма и литературы во второй половине XIX века, пишет: «Спиритические тексты были, как уже отмечено, слабыми, скучными и предсказуемыми; но они также были идеологическими и остро социальными. Они были проявлением амбиции – такой характерной для самонадеянности девятнадцатого века – прийти к конечному и решительному подтверждению провозглашаемой идеологии, и они пытались сделать это с позиции абсолютного авторитета, который можно было найти только в эпистемологическом раю, где все загадки разрешены и все земные устремления реализованы» [4; с. 62].

Следует отметить, что умершие авторы на спиритических сеансах, озвучивая мнения о своих текстах, загробной жизни или социальном устройстве земного общества, выдавали те же мнения, которых придерживался сам медиум (и весь спиритический кружок). Таким образом, медиумы-спириты, выступая с позиции авторитета, в их представлении научно подтвержденного, использовали умерших авторов в качестве рупора для своих религиозных и социальных представлений (для остальных, разумеется, эта ситуация выглядела наоборот – медиум в качестве рупора для автора).

Но эта позиция не сильно отличалась от появившегося во второй половине XIX века подхода профессионального литературного критика или исследователя: «Романтический автор как Бог, или как медиум, чьими губами двигает Бог, умер и был заменен на духа, целиком зависящего от нового медиума – будь то читатель, литературный критик или исследователь – который спросит умершего о предметах, связанных с современными общественными проблемами и ожиданиями, перед тем, как проинформировать общество о его «подлинных» ответах» [4; с. 62]. Интерпретаторы, критики и исследователи соревновались в своих трактовках, пытаясь поймать «подлинные» мысли писателя и сообщить о них читающей публике.

Вместе с этим в русской культуре происходил процесс увековечивания памяти Пушкина и, соответственно, материализации пушкинского мифа. Посмертная маска Пушкина, сделанная под наблюдением скульптора С. И. Гальберга, стала основой для создания памятников и бюстов по всей стране [4; с. 79], так что у пушкинского мифа с самого момента его зарождения присутствовал загробный флер. Для спиритов же «материализацией» было частичное материальное воплощение духа, появлявшееся на сеансе и выступающее земным его аватаром. С материализованных духов делались «гипсовые отливки» путем помещения частей тел призраков в растопленный парафин и холодную воду – так спириты хранили доказательства возможности материализации духов [5; с. 162]. Можно провести параллель между «материализацией умершего в виде статуи» и «материализацией умершего в виде гипсовой фигуры» как двумя разными версиями полусекулярного культа.

Апогеем этих тенденций стал пушкинский праздник 1880 года, когда Общество любителей русской словесности собрало на открытие памятника Пушкину в Москве большое количество писателей, поэтов, критиков и публицистов, чтобы каждый из них сказал для аудитории слушателей речь о Пушкине и его роли в современной жизни. Этот диспозитив может быть прочитан и спиритически: группа медиумов (интерпретаторы) должна передать мысли и мнения умершего поэта на сеансе (для аудитории) у его материализации (памятник Пушкину). При таком взгляде и сами речи и реакция аудитории воспринимаются иначе.

Г.И. Успенский, присутствовавший на празднике, очень точно уловил и особенности содержания речи и формы её подачи, сказав, что Достоевский «нашел возможным, так сказать, привести Пушкина в этот зал и устами его объяснить обществу, собравшемуся здесь, кое-что в теперешнем его положении, в теперешней заботе, в теперешней тоске» [6; с. 422]. И это проглядывает даже в форме графической организации текста, впоследствии опубликованного: весь монолог «Смирись, гордый человек...» подан в виде заковыченной цитаты, прямой речи, но цитатой не является [7; с. 139]. Это мнение самого Достоевского, поданное как бы от лица Пушкина.

Речь Достоевского завершается проповедью «великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону» [7; с. 148]. Достичь этой гармонии на земле возможно лишь при соединении социальных преобразовательских тенденций русского народа с обращением к почве «русских скитальцев». И в таком идеале нельзя не увидеть отражение духа 1848 года, духа прогресса. Конечно, этот вид прогрессизма отличается от чисто социалистического, заявляющего о том, что мировая гармония может быть достигнута после материального преобразования экономических и политических отношений, своей «идеалистической направленностью»: у До-

стоевского духовное преображение предшествует общественному, братская любовь – социальным преобразованиям.

Сам Достоевский считал, что преобразование материи без предварительного преобразования духа заставит людей взбунтоваться против рациональной организации нового общества. Критику социалистических идей писатель изложил в «Записках из подполья». Спиритическую же утопию Достоевский считал аналогичной социалистической и описал её неизбежный финал в своей статье о спиритизме: «Но вряд ли и на одно поколение людей хватило бы этих восторгов! Люди вдруг увидели бы, что жизни уже более нет у них, нет свободы духа, нет воли и личности, что кто-то у них всё украл разом; что исчез человеческий лик и настал скотский образ раба, образ скотины, с тою разницею, что скотина не знает, что она скотина, а человек узнал бы, что он стал скотиной <...> что счастье не в счастье, а лишь в его достижении» [3; с. 34].

Но спириты бы скорее согласились с Достоевским в его критике материализма. Эндрю Джексон Дэвис, один из самых известных проповедников спиритизма своего времени, считал связку преобразования духовного и преображения общественного неразрывной, сравнивая социалистическое учение Фурье и учение Христа [8; с. 585]. Стоит отметить, что целью своего учения (как и учения Фурье и Христа) Дэвис называет «гармонию вселенной» [8; с. 585] – почти полный аналог «мировой гармонии» Достоевского.

Эта идея Достоевского о возможности достижения мировой гармонии с помощью Христа, Пушкина, народа, почвы и братской любви вызвала закономерную критику со стороны консервативных христиан, самым ярким из которых был К.Н. Леонтьев.

Леонтьев в статье «О всемирной любви» говорит о том, что идеи «всеобщего мира» и «гармонии» – это идеи, которые проповедовали социальные реформаторы вроде Кабе, Фурье и Прудона, а с точки зрения ортодоксального христианства «мировая гармония» в земном мире невозможна: «пророчество всеобщего примирения людей о Христе не есть православное пророчество, а какое-то общегуманитарное. Церковь этого мира не обещает» [9; с. 409]. Если отвлечься от эпатажно-пессимистических формулировок, свойственных стилю и мышлению Леонтьева («Христос пророчествовал не гармонию всеобщую (мир всеобщий), а всеобщее разрушение» и т.п.), то его возражения вполне справедливы. Христианство всегда отрицало возможность построения «Рая на земле», перенаправляя все надежды и стремления верующих на царство небесное. Сплав социального реформизма с христианским учением – это порождение модерна, XIX века, возникшее в начале столетия в текстах социальных утопистов и ставшие основой для движений, объединений и кружков во второй половине века. После 1848 года подобный сплав уже не воспринимался как что-то исключительное, а стал частью идеологического мейнстрима.

Как уже было сказано выше, спиритизм может считаться наглядным способом выражения формы мышления второй половины века, в которой черты такого мышления доведены до крайности (иногда фантастически гротескной), поэтому сопоставление различных идеологий с идеологией спиритизма позволяет различить эти особенности мышления эпохи. И спиритизм использовал (псевдо)научные доказательства существования загробного мира (а часто и многих загробных миров) и якобы переданные оттуда сообщения для преобразования общества на земле.

Несмотря на то, что Достоевский не пользуется аргументацией спиритов и не основывает свои рассуждения на научных доказательствах (как, впрочем, и на чуде – что Леонтьева задело: «от тела скончавшегося старца Зосимы для чего-то исходит тлетворный дух»), в какой-то момент их способы мышления сближаются.

Достоевский в «Дневнике писателя» говорил, что отвергает спиритическое учение, потому что «был возмущен лишь мистическим смыслом его учения» [3; с. 127], а «явлений же спиритских <...> не в состоянии был вполне отрицать никогда» [3; с. 127]. Мистический смысл спиритизма был действительно чужд Достоевскому, поскольку идея сохранения земного сознания в ином мире полностью противоречила антропологическим взглядам писателя. Спиритические явления Достоевский не отрицал, но и не интересовался ими. Однако социальное учение спиритизма вполне напоминает соответствующие идеи Достоевского из «Сна смешного человека» и «Пушкинской речи» и расходится с предполагаемой утопией чертей в спиритической статье «Дневника писателя». Вряд ли, впрочем, из этого можно делать далекоидущие выводы о том, что спиритические утопии повлияли на мировоззрение Достоевского (хотя с социальными идеями Дэвиса Достоевский мог познакомиться через общение с убежденным спиритом и проповедником взглядов Дэвиса А.Н. Аксаковым). Скорее, под влиянием общих для Достоевского и спиритизма источников и духа эпохи сложились характерные

для второй половины века модели мышления, нашедшие свои проявления в разных доктринальных и индивидуальных формах.

В. Н. Топоров предлагает говорить о «тексте Золотого века» в творчестве Достоевского, лексически и семантически объединяющем «Пушкинскую речь», монолог Версилова из «Подростка» и «Сон смешного человека» [10; с. 465-466]. В данном случае нас больше интересует «Сон...», поскольку в жанровом аспекте исповедь смешного человека ближе к проповеди «Пушкинской речи». Смешной человек посещает отдаленную планету/загробный мир, где наблюдает за «мировой гармонией», а по возвращении начинает проповедовать её возможность. В «Пушкинской речи» сам Достоевский не посещает других планет, но о «мировой гармонии» узнает иным способом – из текстов Пушкина, в которых она воплотилась. Пушкин, как уже говорилось выше, часто выступал в качестве загробного собеседника на спиритических сеансах. В «Новых заметках Петербургского Туриста» А.В. Дружинина пародируется спиритический сеанс с вызовом духа Пушкина, на котором последний передает загробное стихотворение с фразой «За гробом все поэты суть друзья» поэту Букашкину, а в качестве места пребывания Пушкина указывается «Планета Сатурн» [11; с. 632]. Выбор Сатурна для таких целей может быть объяснен как влиянием повести Вольтера «Микромегас» (которая, таким образом, становится общим источником для очерка Дружинина и «Сна смешного человека»), так и спиритическим учением Дэвиса, описывавшего жителей Сатурна – существ «небесных форм» [8; с. 212]. Оба они – смешной человек и Достоевский – оказываются медиумами, передающими людям социальное учение из других миров.

Рай иного мира из «Сна смешного человека» в творчестве Достоевского ближе всего к изображенной Версильевым утопии в романе «Подросток». Утопия Версильева (в черновиках «Подростка» Достоевский напишет о ней: «прорывается спиритизм» [12; с. 366]) перешла в «Подростка» из «Бесов», где изначально принадлежала Ставрогину и была описана им в его исповеди в главе «У Тихона», от которой Достоевскому по цензурным соображениям пришлось отказаться. Ставрогин, как уже не раз отмечалось исследователями, вступает в роман как живой мертвец. Если «Америка» для Достоевского – это загробный мир, куда отправляется Свидригайлов [13], то можно вспомнить, что Верховенский сравнивает себя с Колумбом, а Ставрогина – с Америкой [14; с. 326]. Ставрогин не просто мертвец – он целая страна духов. Когда Шатов описывает Ставрогину свою жизнь в Америке, он перечисляет её аспекты: «Мы всё хвалили: спиритизм, закон Линча, револьверы, бродяг» [14; с. 112]. Показательно, что все эти почти элементы превращаются в ключевые события и образы романа: бродяги с помощью револьвера казнят Шатова судом Линча. Менее очевидным в этом ряду оказывается спиритизм. Можно было бы посчитать спиритической частью идею одержимости бесами. И действительно, Достоевский в статье о спиритизме пишет о том, что за спиритическими феноменами стоят черты (те же бесы). Но одержимость – состояние недобровольное, в отличие от медиумизма. Так что либо Достоевский считал, что Россия добровольно одержима бесами (что вполне возможно), либо спиритизм романа находится где-то еще.

Немецкий философ Макс Штирнер (связь идей которого с идеями Достоевского не раз отмечалась [15; с. 281-297]) называл идеи «привидениями». В привидения можно верить, их можно бояться, их можно вызывать и прогонять – как и идеи. Каждый герой «Бесов», имеющий какую-то идею, заявляет, что взял её от Ставрогина. Ставрогин-Америка, страна духов, – это тот мир, связь с которым пытаются установить герои-медиумы, вызвать своего, нужного им духа-идею. И «мировую гармонию», «Золотой век» сам Ставрогин видит тоже в стране мертвых – в самом себе.

В заключение скажем и еще об одном. Когда люди читали о спиритических сеансах в газетах, то воспринимали медиумические феномены с куда большим скепсисом, чем когда лично присутствовали на сеансах. Это заставляло популяризаторов спиритизма требовать от критиков личного присутствия на сеансах, а критиков – посещать их. Сама ситуация сеанса – его настроение, антураж, аудитория – ослабляли критичность восприятия и заставляли людей сразу после сеанса признавать реальность явлений, что в более спокойной обстановке вызывало недоверие.

«Пушкинская речь» была прочитана Достоевским для аудитории, одновременно уставшей и возбужденной от длительных пушкинских торжеств. Такое сочетание смысла речи, её формы и ситуации произнесения вызвало бурную реакцию публики на выступление Достоевского. И.Ф. Василевский написал, что Достоевский «электризовал всех», а А.Г. Достоевская назвала этот эффект «гипнозом». Подобное состояние было скорее состоянием религиозного энтузиазма, характерного для радеций, но принявшего особую форму, характерную для секулярной эпохи XIX века. И уже на следую-

щий день участники устыдились своей экзальтации, что особенно заметно по реакции Тургенева. Достоевский в письме к С.А. Толстой от 13 июня 1880 года писал: «Все плакали, даже немножко Тургенев. Тургенев и Анненков (последний положительно враг мне) кричали мне вслух, в восторге, что речь моя гениальная и пророческая» [16; с. 188]. Эту реакцию Тургенева отмечают и современники [17]. Однако вскоре Тургенев напишет, что «речь всецело покоится на фальши, но фальши крайне приятной для русского самолюбия» [18; с. 272], и т.д. Такое же изменение отношения к речи произошло у Г.И. Успенского [7; с. 461]. Удивительным образом здесь сработала подробно исследованная самим Достоевским «динамика стыда», заставляющая мстить за свой стыд его причине. Магия Достоевского непроизвольно продолжилась и в этом.

Библиографический список

1. Хобсбаум Э. Век капитала, 1848 – 1875 : пер. с англ. Ростов-на-Дону : Феникс, 1999. 476 с.
2. Goldfarb, Clare R. (1989). From Hydesville to Yasnaya Polyana: Leo Tolstoy and Modern Spiritualism. *The Centennial Review*, vol. 33, no. 3, pp. 228–242.
3. Достоевский, Ф. М. Дневник писателя за 1876 год. Январь-апрель // Полн. собр. соч. В 30 тт. Л.: Наука. Ленинградское отделение. Т. 22. 1981.
4. Vinitsky, I. (2009). *Ghostly Paradoxes: Modern Spiritualism and Russian Culture in the Age of Realism*. Toronto: University of Toronto Press.
5. Аксаков А.Н. Анимизм и спиритизм: Критическое исследование / Вступ. статья и комментарии С.В. Сучкова. М.: Аграф, 2001. 704 с.
6. Успенский Г.И. Полное собрание сочинений / [ред. Н.Ф. Бельчиков и др.]. Т. 6. Очерки, рассказы, статьи. 1875-1880 / [подгот. текста и коммент. И.Я. Айзеншток]. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 660 с.
7. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. / редкол.: В. Г. Базанов (отв. ред.) и др.; ИРЛИ. Т. 26. Дневник писателя, 1877, сентябрь-декабрь - 1880, август / ред. Н.Ф. Буданова и др.; текст подгот. и примеч. сост. А. В. Архипова и др. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984. 518 с.
8. Davis A.J. *The Principles of Nature, her Divine Revelations and a Voice to Mankind*. New-York: S.S. Lyon and Wm. Fishbough, 1847. p. 585.
9. Леонтьев К.Н. О всемирной любви / Записки отшельника / Сост., вступ. Ст., примеч. В. Кочеткова. М.: Русская книга, 1992. 544 с.
10. Топоров В.Н. Петербургский текст. М.: Наука, 2009.
11. Дружинин А.В. Собрание сочинений. Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии Наук, 1865. Том 8. 773 с.
12. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. / редкол.: В. Г. Базанов (отв. ред.) и др.; ИРЛИ. Т. 16. Подросток Рукописные ред. / текст подгот. А. В. Архипова, Г. Я. Галаган, И. Д. Якубович. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1976. 440 с.
13. Кибальник С.А. Метафора свободы или аллегория самоубийства? «Америка» в художественном мире Достоевского // *Литература двух Америк*. 2021. № 11. С. 8–33.
14. Достоевский Ф.М. Бесы: Роман в 3 ч. // Полн. собр. соч. В 30 тт. Л.: Наука. Ленинградское отделение. Т. 10. 1974.
15. Кибальник С.А. Федор Достоевский и Макс Штирнер (История изучения вопроса) / *Философский интертекст творчества Достоевского*. Санкт-Петербург: ИД «Петрополис», 2021. С. 281-297
16. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. / редкол.: В. Г. Базанов (отв. ред.) и др.; ИРЛИ. Т. 30, кн. 1. Письма, 1878-1881 / текст подгот. и примеч. сост. А. В. Архипова и др.; ред. Н. Ф. Буданова и др. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1988. 455 с.
17. Викторovich В.А. «Пушкинская речь» Достоевского в свидетельствах современников // *Неизвестный Достоевский*. 2020. №4.
18. Тургенев, И.С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. М. : Наука, 1978. Т. 12 : Письма. 1872-1873. 503 с.

References

1. Hobsbawm E. *The Century of Capital, 1848-1875: translated from English*. Rostov-on-Don : Phoenix, 1999. 476 p.
2. Goldfarb, Clare R. (1989). From Hydesville to Yasnaya Polyana: Leo Tolstoy and Modern Spiritualism. *The Centennial Review*, vol. 33, No. 3, pp. 228-242.
3. Dostoevsky, F. M. *The Writer's Diary for 1876. January-April // Complete collection of works*. In 30 t. 1.: Science. Leningrad Branch. vol. 22. 1981.
4. Vinitsky, I. (2009). *Ghostly Paradoxes: Modern Spiritualism and Russian Culture in the Age of Realism*. Toronto: University of Toronto Press.

5. Aksakov A.N. Animism and Spiritualism: A critical study / Introduction. article and comments by S.V. Suchkov. M.: Agraf, 2001. 704 p.
6. Uspensky G.I. Complete works / [ed. N.F. Belchikov et al.]. Vol. 6. Essays, short stories, articles. 1875-1880 / [Prep. text and commentary. I.Ya. Eisenstock]. M.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1953. 660 p.
7. Dostoevsky F.M. The complete works: In 30 volumes / editorial board: V. G. Bazanov (ed.), etc.; IRLI. T. 26. Diary of a writer, 1877, September-December - 1880, August / ed. N.F. Budanov, etc.; the text is prepared. and note. comp. A.V. Arkhipova et al. L.: Science. Leningr. publishing house, 1984. 518 p.
8. Davis A.J. The Principles of Nature, her Divine Revelations and a Voice to Mankind. New York: S.S. Lyon and W.M. Fishbough, 1847. p. 585.
9. Leontiev K.N. On universal love / Notes of a hermit / Comp., intro., note by V. Kochetkov. M.: Russian Book, 1992. 544 p.
10. Toporov V.N. Petersburg text. M.: Nauka, 2009.
11. Druzhinin A.V. Collected works. St. Petersburg : Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1865. Volume 8. 773 p.
12. Dostoevsky F.M. Complete works: In 30 volumes / editorial board: V. G. Bazanov (ed.) and others; IRL. Vol. 16. Teen Handwritten ed. / text prepared by A. V. Arkhipova, G. Ya. Galagan, I. D. Yakubovich. L.: Science. Leningr. publishing house, 1976. 440 p.
13. Kibalnik S.A. Metaphor of freedom or allegory of suicide? "America" in the artistic world of Dostoevsky // Literature of the two Americas. 2021. No. 11. pp. 8-33.
14. Dostoevsky F.M. Demons: A novel in 3 parts // Complete collection of works. In 30 t. 1.: Science. Leningrad Branch. Vol. 10. 1974.
15. Kibalnik S.A. Fyodor Dostoevsky and Max Stirner (History of the study of the question) / Philosophical intertext of Dostoevsky's work. St. Petersburg: Publishing house "Petropolis", 2021. Pp. 281-297
16. Dostoevsky F. M. Complete works: In 30 volumes / editorial board: V. G. Bazanov (ed.) and others; IRL. Vol. 30, book 1. Letters, 1878-1881 / text preparation. and note. comp. A.V. Arkhipova et al.; ed. N. F. Budanova et al. L.: Nauka. Leningr. publishing house, 1988. 455 p.
17. Viktorovich V.A. Dostoevsky's "Pushkin's speech" in the testimonies of contemporaries // Unknown Dostoevsky. 2020. No.4.
18. Turgenev, I.S. The complete collection of works and letters : in 30 volumes. M. : Science, 1978. Vol. 12 : Letters. 1872-1873. 503 p.

УДК 81'282.8

DOI 10.36622/2587-9510.2024.53.2.009

*Воронежский государственный
технический университет
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации
Кузьминых Е.О.
Россия, г. Воронеж,
e-mail: eleshka-82@yandex.ru,
тел. +7(900) 928-52-23*

*Voronezh State Technical University
the chair of Russian language and
cross-cultural communication,
PhD, associate professor
Kuzminykh E.O.
Russia, Voronezh,
e-mail: eleshka-82@yandex.ru,
тел. +7(900) 928-52-23*

*студент направления «Журналистика»
Андреева А.А.
Россия, г. Воронеж
e-mail: andreewaanna56@gmail.com*

*The faculty of journalism, student
Andreeva A.A.
Russia, Voronezh
e-mail: andreewaanna56@gmail.com*

*студент направления «Журналистика»
Паршикова А.Д.
Россия, г. Воронеж
e-mail: aparshikova03@yandex.ru*

*The faculty of journalism, student
Parshikova A.D.
Russia, Voronezh
e-mail: aparshikova03@yandex.ru*

Е.О. Кузьминых, А.А. Андреева, А.Д. Паршикова

ОТРАЖЕНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЦЕННОСТИ ЭКРАНИЗАЦИИ РОМАНА А.С. ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН» В ИНТЕРНЕТ-КОММЕНТАРИЯХ

Настоящая статья посвящена изучению интернет-комментариев к фильму «Онегин» Д.Андреасяна в качестве способа оценки его художественной ценности. Материалом исследования стали интернет-комментарии кинолюбителей на сайте «Киноафиша» к фильму «Онегин». В ходе анализа были обозначены основные критерии оценки художественного фильма, снятого по мотивам классического произведения. Указаны гендерные различия в оценке рассматриваемого фильма. Проанализированы языковые и художественные средства выражения оценки в отзывах к фильму «Онегин». Определены особенности косвенной оценки фильма. Выявлены положительные, отрицательные и нейтральные отзывы, определен удельный вес эстетических, этических и рациональных оценок в каждой из выделенных групп. Отмечено, что среди представленных на сайте комментариев преобладали эмоциональные и эмотивно-интеллектуальные. Там, где преобладал эмоциональный компонент оценки (в основном женские отзывы), художественная ценность фильма была определена как высокая. В таких комментариях были отмечены эстетика фильма: красота картинки, глубина проработки любовной линии, качественный звук, атмосфера, соответствующая эпохе. Большинство тех, кто написал положительные отзывы, отметили бережное отношение к тексту и достоверную игру актеров. Существенное влияние на положительную оценку фильма оказала любовь к творчеству А.С. Пушкина. В комментариях с преобладающей рациональной оценкой уровень художественной ценности фильма может быть определен как невысокий. В таких комментариях была отмечена плохая проработанность деталей, подбор актеров, недостоверность, фальшь, несоответствие возраста и амплу актеров тексту писателя и т.д. Поскольку положительных, эмоциональных отзывов было значительно больше, в целом художественную ценность фильма «Онегин», с точки зрения кинолюбителей, можно оценить как «выше среднего».

Ключевые слова: интернет-отзыв, оценка, художественная ценность, художественный фильм, «Онегин», А.С. Пушкин.

E.O. Kuzminykh, A.A. Andreeva, A.D. Parshikova

EVALUATION OF THE ARTISTIC VALUE OF THE FILM ADAPTATION OF THE NOVEL BY A.S. PUSHKIN "EUGENE ONEGIN" IN ONLINE REVIEWS

This article is devoted to the study of online reviews of the film "Onegin" by D.Andreasyan as a way to assess its artistic value.

© Кузьминых Е.О., Андреева А.А., Паршикова А.Д., 2024

tic value. The material of the study was the online reviews of film enthusiasts on the Kinoafisha website for the film *Onegin*. During the analysis, the main criteria for evaluating a feature film based on a classic work were identified. Gender differences in the evaluation of the film in question are indicated. The linguistic and artistic means of expressing appreciation in online reviews of the film "Onegin" are analyzed. The features of the indirect evaluation of the film are determined. Positive, negative and neutral reviews were identified, and the proportion of aesthetic, ethical and rational assessments in each of the selected groups was determined. It was noted that emotional and emotive-intellectual reviews prevailed among the reviews presented on the site. Where the emotional component of the assessment prevailed (mainly female reviews), the artistic value of the film was determined to be high. In such cases.

Keywords: Internet review, evaluation, artistic value, feature film, "Onegin", A.S. Pushkin.

Сегодня интернет-пространство предоставляет разнообразные возможности для развития коммуникации, целью которой является не только установление связей, но и оценка явлений действительности. По мнению авторов статьи «Язык наших медиа», «Сегодня, в эпоху «разросшихся» медиакоммуникаций, стремительно развивающиеся цифровые, сетевые и мобильные технологии, коммуникационные платформы всех видов, такие, как Вконтакте, Facebook, Twitter, Youtube, не только обеспечивают всем субъектам социальных отношений широкие возможности мгновенно устанавливать требуемый уровень и формат социально-информационного взаимодействия и самопрезентации, но и мотивируют их публично высказаться, выставлять на публику свой опыт и даже принуждают их к этому» [1; с.126].

Можно говорить о том, что интернет в настоящее время является основным источником личного опыта миллионов пользователей, который передается через отзывы и комментарии, выделяемые как отдельный вид текста в интернет-дискурсе. «Распространенность и значимость этого жанра во многом обусловлена тем, что характер комментариев (содержание, тональность, количество и пр.) существенно отражается на общем восприятии основного (первичного) текста другими читателям» [2; с.116].

Для участников современного интернет-пространства «комментарий – это в первую очередь свободно выраженное мнение на определенную тему либо на любой интернет-контент (фото, видео, пост, статья и др.)» [3; с.176]. Довольно часто комментарии ассоциируются с отзывами, представляющими собой мнение интернет-пользователя о том или ином web-контенте. Отзыв обычно представляет собой детальное и объективное мнение о чем-то, часто с описанием положительных и отрицательных аспектов оцениваемого. В отличие от отзыва, комментарий может быть более кратким, эмоциональным и спонтанным, он не требует такого же уровня объективности и аргументации.

Несмотря на то, что существуют теоретические отличия в наполнении указанных терминов, в условиях реальной коммуникации в сети данные понятия смешиваются. В ряде случаев, особенно когда необходимо выразить отношение к нематериальному продукту, такому как фильм, книга, произведение искусства, отзыв может приобретать черты комментария и даже рецензии. Происходит это потому, что основная функция указанных жанров – оценка, осуществляемая с целью «эстетического и ценностного познания мира» [4; с.130]., а также воздействия на сознание и поведение потребителей.

Особой популярностью пользуются комментарии и отзывы о кинопродукции, они, как правило, содержат яркую и экспрессивную оценку, благодаря отсылкам к личному опыту формируют пользовательский спрос и способствуют доверительному отношению к представленной информации.

По мнению Е.М. Вольф, «любая оценка кинопродукта включает четыре компонента: субъект оценки – лицо или социум, с точки зрения которого дается оценка; объект оценки – лицо, предмет, событие или положение вещей, к которым относится оценка; оценочный предикат – оценочное отношение, выраженное как словами, так и семантикой высказывания в целом; основание оценки – шкала оценок и стереотипы, на которые ориентирована оценка в представлениях говорящих» [5; с.12]. В научной литературе выделяют несколько видов оценок: рациональные, эмоциональные и промежуточные эмотивно-интеллектуальные, которые в свою очередь подразделяются на этические, эстетические и функциональные.

Поскольку целью нашего исследования является анализ оценки с целью выявления художественной ценности фильма, необходимо дать определение данному понятию. Согласно информации, содержащейся в малом словаре по эстетике «художественная ценность образуется единством объективных значений и смыслов, возникающих при освоении произведения. В зависимости от жанра произведения, его предназначения и органичных для него содержательных аспектов в этом единстве могут преобладать некоторые из

возможных ценностных значений (например, познавательное, воспитательное, социально-мобилизирующее, гедонистическое и т. д.)» [6]. Чтобы определить ценность фильма, необходимо учитывать ряд художественных критериев, характеристика которых способствует формированию положительного или отрицательного впечатления о кинопродукте, такие как образность, зрелищность, актерское мастерство, сюжет и т.д.

Предметом нашего исследования являются интернет-комментарии к фильму режиссера Сарика Андраеяна «Онегин», который вышел в прокат в феврале 2024 года.

Для анализа комментариев кинолюбителей нами был выбран сайт «Киноафиша». По данным на 14.04.2024 года фильм получил на этом сайте 112 комментариев, из них 73 положительных, 26 отрицательных и 13 нейтральных. Подавляющее большинство отзывов написано женщинами, однако присутствуют и мужские оценки (24 из 112 отзывов). Стоит отметить, что 111 отзывов написаны людьми, посмотревшими фильм, 1 – женщиной, оценка которой была сформирована до начала просмотра на основе впечатления от книги и игры Добронравова, исполнявшего роль Онегина на театральных подмостках.

Основные оценки, которые фигурировали в проанализированных отзывах – эмоциональные и эмоционально-интеллектуальные, в которых акцент делался на этическом и эстетическом компонентах фильма. Немногочисленные, наиболее объективные отзывы, можно отнести к рациональным и функциональным.

Большинство нейтральных отзывов принадлежат мужчинам. Их отличительной особенностью является то, что они тяготеют к объективной подаче информации о фильме. Помимо эмоциональности в них присутствует рациональная и функциональная оценки. Примером такого отзыва может служить следующий текст («Фильм неоднозначный. Но актёрский состав ужасен. У нас в кинематографе не осталось аристократических лиц, манер, поведения и проч. Все тужатся изобразить что-то похожее на дворянство, но бесполезно.

Конечно, очень затянато, неинтересно, но за бережное отношение к Пушкину авторам спасибо») [7].

В основном авторы подобных отзывов отмечают общее приятное впечатление от картины: «красивый фильм», «впечатление фильм оставил хорошее, «неоднозначный», «отличный» [7].

При этом ими выявляются существенные недостатки, как на эмоциональном уровне: «актерский состав ужасен», «очень затянато, неинтересно», «очень скромно» (здесь лексема «скромно» имеет негативную коннотацию, поскольку экранная картинка противопоставляется «блестящему Пушкинскому веку»), «накрывает печальная печаль», «еле досмотрел», «тухленько получилось», «смотреть было забавно» [7] и т.д., так и на рациональном, где фиксируется несовпадение между замыслом писателя и режиссерским воплощением.

Так, например, отмечается несоответствие возраста актеров возрасту персонажей романа А.С. Пушкина, наличие лишних героев (рассказчик), отсутствие умения выстроить кадр, подобрать актеров, продумать детали изображения, неспособность современных актеров вжиться в роль и сыграть человека 19 века с присущим ему аристократизмом манер («Все тужатся изобразить что-то похожее на дворянство, но бесполезно») [7].

К безусловным плюсам постановки были отнесены звук, операторская работа, музыка, бережное отношение к тексту А.С. Пушкина, интересная подача материала (проза, в которую были органично вплетены узнаваемые поэтические цитаты).

В данных отзывах используется значительная доля книжной («чужеродный», «негодую») профессиональной лексики («постановка», «съемка», «картинка», «звук», «кадр», «режиссерская задумка», «крупный план»); отсылки к прецедентным текстам: «Вий», «сны Тиля Уленшпигеля», «Рейф Файнс», «Турецкий гамбит» [7], что призвано придать высказываниям убедительности.

Что касается эмоциональной стороны данной группы отзывов, то здесь происходит конкретизация и усиление позиции автора за счет использования просторечных и сленговых слов: «тухленько», «тужатся», «топорно», «Питер»; фигуры умолчания: «Стоит сказать об актерах, и тут... Не очень, честно»; тавтологии «печаль печальная» и т.д. [7].

Перейдем к характеристике положительных и отрицательных отзывов. Проанализировав их, мы выяснили, что абсолютное большинство полярных отзывов являются эмоциональными, в них преобладают эстетическая и этическая оценки. Одна из наиболее частотных лексем, используемых в отрицательных отзывах – это «трэш». Например, «Кастинг - трэш! Татьяна Ларина - Лиза Морьяк, вы серьёзно?! После роли сутенерши и прочей лабуды? да и в годах она уже для этой роли. Как, впрочем, и Добронравов никак не тянет на аристократа, как его ни ряди в широкий боливар. Нет, нет и нет». Здесь сленговое выражение «трэш» передает сильные эмоции, вызванные созерцанием чего-то неприемлемого, вульгарного, а зачастую и аморального.

«Trash» в переводе с английского означает «мусор». Помимо лексемы трэш в приведенном комментарии используется жаргонизм «лабуда», означающий ерунду, глупость, плохую вещь. Кроме того, для уси-

ления эмоциональной окраски высказывания автор использует риторические вопросы: «вы серьёзно?! После роли сутенерши и прочей лабуды?» [7].

Приведем еще один пример эмоционально-отрицательного отзыва: «Никто из молодых и уважающих себя актеров не захотел сниматься в "этом", кто захочет в начале карьеры запыряться в таком. И жена там не по благу, а от безысходности похоже» [7].

Местоимение «этом» само по себе нейтрально, но здесь автор вкладывает в него иной смысл, поэтому слово получает негативную окраску. Глагол «запыряться» обычно используется в прямом значении слова, то есть закрываться на замок, на засов и т. п. Здесь же автор отзыва придает глаголу переносно-разговорное значение «отрекаться, упорно утверждать, упираться на своем». Получается, что актеры буквально отказываются от других ролей, ограничивая свой карьерный рост участием в этом низкопробном фильме.

Основная претензия тех, кто написал отрицательные отзывы, относится к кастингу. Отмечают, что актеры, сыгравшие главных героев, слишком возрастные, непривлекательные и их амплуа не соответствует образам Татьяны и Онегина из текста А.С. Пушкина. Здесь преобладают такие оценки, как «чем смотрели, когда выбирали актеров», «Онегина играет уже зрелый актер, да и внешность деревенского Ивана», «актриса выглядит уже женщиной, которую жизнь знатно помотала», «в годах она уже для этой роли», «Добро нравов никак не тянет на аристократа, как его ни ряди в широкий боливар», «подбор актеров безобразия, невозможно забыть, что они играли раньше», «унылый фильм с пожилыми, скучными актёрами, которые пытаются изобразить молодёжь», «Состав, возраст и внешний вид актеров не поддается никакому внятному пониманию сути происходящего» [7].

Несомненным минусом фильма видится режиссерское переосмысление исходного текста, его несоответствие высокому уровню романа: «Это же трешь, очень расстроена, что испортили такую прекрасную картину (в значении «книгу»), «НЕ ТРОГАЙТЕ КЛАССИКУ», «какое отношение оно имеет к данному произведению ???», «ни сесть ни встать... свое видение», «Новый взгляд, на шедевр Пушкина, сожалею, но опять не то прочтение», «В угоду форме суть поправ, ваяет классику стремглав», «отвратительная режиссерская работа», «армянское непонятное русскому человеку видение шикарной книги», «Режиссер явно не догоняет, кто такой Пушкин для русских!» [7]. Также многие невысоко оценили работу костюмеров: «Костюмы наводят на мысль о секонд-хенде», «Интерьерчик... и как одели девочек - отдельная тема. Костюмеры отличились - эпохи почти нет. Про прически - тоже лучше молчать» [7]; отметили ощущение низкопробности и фальшивости при просмотре фильма, из-за того, что в фильме много нестыковок: «Во всем фальшь и фарс, ощущение нищего бюджета фильма», «в саду Лариных цветут гортензии метельчатые - их как раз вывели в 2000 годах», «Если тебе по чьей-то недалковидности доверили такой шедевр, ты должен был изучить от и до все аспекты произведения и хотя бы понять для себя почему они юны, а не престарелы как в данной "фальшивке", но даже это не дошло до данного пассажира поезда: "Онегин из князи в грязь", «хом видео» [7]; общее ощущение скуки, затаенность, отсутствие эмоций у актеров.

Наиболее часто негативная характеристика фильма принадлежала мужчинам, большинству из которых экранизация показалась затянутой и скучной: «Унылый фильм с пожилыми, скучными актёрами, которые пытаются изобразить молодёжь», «отвратительно затянут», «Низкопробная, малобюджетная, скучная и нудная картина», «Супер нудный фильм», «я конечно фильм высмотрел и даже не уснул, но какой же он все-таки душный», «И в целом фильму не хватало эмоциональности. Все актеры как-то бездушны и скупы на эмоции» [7].

Интересной особенностью отрицательных отзывов является то, что в них присутствует косвенная оценка фильма: через оценку умственных способностей зрителя («Если молодежь у нас "тупая" (есть умные и начитанные) это не значит, что от режиссера типа Я ТАК ВИЖУ может понравиться», «Про тех кому это понравилось, можно перефразировать слова Пушкина: "вы все учились понемногу, чемунибудь и какнибудь») [3]; оценку телевизионных каналов, на которых можно было бы транслировать данный фильм («Через пару месяцев 100% покажут по телеку где-нибудь на ТНТ. Низкопробная, малобюджетная, скучная и нудная картина», «Порубить этот продукт серии на четыре и запустить на телеканале Домашний, тогда пойдёт», «Походу комеди клуб назначал режиссера») [7]; положительную оценку актера, который играл эту роль в другой экранизации («Для меня Онегин - Рейв Файнз») [7].

Не меньший интерес вызывают оценки, данные в положительных комментариях. Для них свойственно большее количество разнообразных эпитетов, характеризующих фильм: «красивое и завораживающее кино», «Фильм на самом деле интересный», «Нормальный, простой, тихий хороший фильм, на Пушкинский шедевр», «крепкое жанровое кино», «Превосходный фильм», «офигенный фильм», «фильм просто вау.

не ожидала такого хорошего качества и крутой актерской игры аж слезу проронила в конце», «Фильм замечательный», «Потрясающий фильм горжусь за наше кино», «Фильм по любому достойный внимания», «достойно просмотра на большом экране», «Шикарный фильм», «Великолепный фильм!», «Потрясающий, атмосферный фильм», «Отличный фильм, просто бомба пушка, это лучший фильм в моей жизни, просто вау, «имба фильм» [7] и т.д.

Приведем пример положительного отзыва: ««имба фильм но на самом интересном оборвался ([7]». В этом комментарии пользователь использует молодежный сленг. Слово Имба образовалось от английского imbalanced, то есть буквально «несбалансированный». В русском сокращение превратилось из прилагательного в существительное, а прилагательным стало слово «имбовый». Как и большинство слов из игрового сленга, существительное «имба» вошло в разговорную подростковую речь, но обрело несколько упрощенное значение. В обиходе это просто нечто (или некто) очень «крутое/крутой». Имбовой может быть и шпаргалка на уроке, и джинсы. Главное, чтобы вещь была лучше, чем у остальных. С помощью сленга автор выражает своё удовлетворение фильмом, а скобки показывают грусть от быстрого завершения кинокартины.

Положительные отзывы написаны зрителями, которые получили сильное эмоциональное впечатление после просмотра фильма, ощутили восторг: «Восхищение и только», «На одном дыхании», «Для меня "Онегин" - время проведенное с удовольствием», «Отдохнула душой», «Получила прекрасные эмоции», «Фильм произвёл очень сильное впечатление!», «фильм восстанавливает дыхание культурного кода русского человека и образа Пушкина» [7]. Чаще всего в данных отзывах оценивали эстетику фильма, наиболее частотные лексемы – «красиво», «восторг», «великолепно»: «Замечательный фильм, красивейшие роли», «Очень трогательно, завораживающе и красиво», «Легко, красиво, романтично», «Фильм красивый - каждый кадр взвешен и идеален», Эстетика 10 из 10\ Глубина мысли 10 из 10\ Чувственность 10 из 10 мы в полном восторге», «Красивая съемка, красивые виды» и т.д. [7].

На положительную оценку данного фильма серьезное влияние оказал выбор материал для экранизации. Многие зрители, являющиеся любителями творчества А.С. Пушкина, изначально имели заниженные ожидания, но их представления о героях фильма и атмосфере совпали с тем, как они представляли их при прочтении романа. Мы полагаем, что довольно часто фильм оценивается не критично, так как высок художественный уровень первоисточника: «Экранизация великого поэта Александра Сергеевича Пушкина получилась фантастически идеально», «шедевр испортить трудно», «Произведение Пушкина и фильм "Онегин" еще раз напоминают нам о том как не упустить свое счастье», «Почувствуй дыхание Пушкина, посмотри», «праздник души, уважительное прикосновение к творчеству Пушкина», «меня "Онегин" - время проведенное с удовольствием, повод прочитать ещё раз строки, созданные великим Пушкиным!!!», «Нормальный, простой, тихий хороший фильм, на Пушкинский шедевр», «На «Онегина» в кино стоит сходить по любому. Во-первых, давно уже не было у нас ничего интересного по Пушкина», «Хорош не фильм, а роман Пушкина – шедевр. Надо посмотреть, т.к. хороший сюжет у произведения, знаем со школы.» [3]. Именно эта группа читателей дала функциональную оценку фильма, однако оценивали они не то, как интерпретировал сюжет режиссер, а отражение пушкинского сюжета в экранизации.

Помимо всего перечисленного, зрители высказали положительное мнение об игре актеров, при этом многие сделали оговорку, что актеры «староваты» и подчеркнули, что их впечатление может не совпадать с мнением остальных: «крутой актерский состав», «актёрский состав хорошо показывает типажи произведения», «Татьяна производит впечатление утонченной девушки, так как я ее и представляла. Евгений Онегин прекрасен в мимике, надменности» [7].

Стоит отметить, что характерной особенностью данного типа отзывов является выражение благодарности создателям фильма и настойчивые призывы посмотреть фильм, а то время как те, кто испытал негативные эмоции при просмотре фильма, не призывают на фильм не ходить.

Если говорить о художественных средствах, при помощи которых выражена оценка в положительных и отрицательных комментариях, то это использование: эпитетов «красивый», «великолепный», «гениальный», «скучный», «отвратительный»; сравнений («актриса выглядит женщиной, которую жизнь знатно потрепала»), сленга, как англоязычного, так и русскоязычного: «треш», «имбовый», «лабуда» и т.д.; устойчивых выражений: «ни сесть, ни встать», «Онегин из грязи в князи» и др.; разнообразных графические форм для усиления эмоций восторга и возмущения, передачи замешательства («Я уже начинаю сильно жалеть что нет ЦЕНЗУРЫ!!! Что в Мастере и ....Что тут подбор актеров безобразия. Ведь невозможно забыть что они играли раньше. НЕ ТРОГАЙТЕ КЛАССИКУ. Если молодежь у нас "тупая" (есть умные и начитанные) это не значит, что от режиссера типа Я ТАК ВИЖУ», «Ну сесть ни встать... своё видение»); смайликов, скобок, дублирование пунктуационных знаков для указания на эмоциональную составляющую комментария: «Очень интересный фильм !!! Рекомендую к просмотру !!!», «Поскольку обычно, когда снимают фильмы по произведениям, то выходит плохо, но тут... Слов нет, очень понравился фильм и актёры, особенно Оне-

гин!!!»); риторических вопросов («Что за двоечники сняли кино?», «Неужели у нас нет молодых талантливых актёров подходящих?») и т.д.

Проведя исследование, мы пришли к следующим выводам: анализ отзывов и комментариев, являющихся непосредственной реакцией кинолюбителей, – удачный способ определения художественной ценности фильма. В ходе анализа мы выделили эмоциональный и рациональный уровни оценки и получили представление о степени художественной ценности данного произведения.

Там, где преобладал эмоциональный компонент оценки (в основном женские отзывы), художественная ценность фильма может быть охарактеризована, как высокая. В таких комментариях были отмечены эстетика фильма: красота картинки, глубина проработки любовной линии, качественный звук, атмосфера, соответствующая эпохе; немаловажной оказалась этическая оценка. Большинство тех, кто написал положительные отзывы, отметили бережное отношение к тексту и достоверную игру актёров. Существенное влияние на положительную оценку фильма оказала любовь к творчеству А.С. Пушкина.

С точки зрения рациональной оценки уровень художественной ценности фильма можно определить как довольно низкий. Была отмечена плохая проработанность деталей, подбор актёров, недостоверность, фальшь, несоответствие возраста и амплуа актёров тексту писателя и т.д. Поскольку положительных, эмоциональных отзывов было значительно больше, в целом художественную ценность фильма, с точки зрения кинолюбителей, можно оценить как «выше среднего».

Библиографический список

1. Полонский А.В., Глушкова В.Г., Ряполова М.А. Язык наших медиа // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. № 2(41). 2021. С. 123-131
2. Анисимова Т.В. Похвала и одобрение как жанры выражения положительной оценки на интернетканале // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики № 1(52). 2024. С. 115-125
3. Пасечная Л.А., Щербина В.Е. Средства выражения оценки в немецкоязычных комментариях в трейлерах к фильмам // [Известия Волгоградского государственного педагогического университета](#). № 4 (157). 2021. С. 176-181.
4. Степанова А.В., Шарьпов С.Ю. Аксиологический аспект интернет-комментариев к фильмам // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. № 4-3(43). 2020. С.130-134.
5. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. 228 с
6. Краткий словарь по эстетике Ценность художественная URL: <https://estetiks.ru/cennost-hudozhestvennaya.html#:~:text=> (дата обращения - 15.04.2024).
7. Киноафиша: официальный сайт URL: <https://www.kinoafisha.info/movies/8372047/comments/> (дата обращения - 15.04.2024).

References

1. Polonsky A.V., Glushkova V.G., Ryapolova M.A. The language of our media // Actual issues of modernity philology and Journalism. No. 2(41). 2021. PP. 123-131.
  2. Anisimova T.V. Praise and approval as genres of expressing a positive assessment on the Internet channel // Actual issues of modern philology and journalism No. 1(52). 2024. PP. 115-125
  3. Pasechnaya L.A., Shcherbina V.E. Means of expressing appreciation in German-language comments in movie trailers // [Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta](#). No. 4 (157). 2021. PP. 176-181.
  4. Stepanova A.V., Sharypov S.Y. The axiological aspect of Internet comments on films // International Journal of Humanities and Natural Sciences. No. 4-3(43). 2020. PP.130-134.
  5. Wolf E.M. Functional semantics of evaluation. M.: Nauka, 1985. 228 p.
  6. A short dictionary on aesthetics, artistic value URL: <https://estetiks.ru/cennost-hudozhestvennaya.html #:~:text=> (accessed 04/15/2024).
- Movie poster: official website URL: <https://www.kinoafisha.info/movies/8372047/comments/> (date of reference - 04/15/2024).

УДК 82

DOI 10.36622/2587-9510.2024.53.2.010

Алтайский государственный педагогический университет

*Кандидат филологических наук,
доцент кафедры литературы*

Абузова Н.Ю.

Россия, г. Барнаул,

тел. +7 961-237-89-59,

e-mail: nataliya_abuzova@mail.ru

Altai State Pedagogical University

The chair of Literature,

PhD in Philology,

associate professor

Abuzova N. Yu.

Russia, Barnaul, +7 961-237-89-59,

e-mail: nataliya_abuzova@mail.ru

Н.Ю. Абузова

СТАНОВЛЕНИЕ «УСАДЕБНОГО ТЕКСТА» В ЛИРИКЕ А.С. ПУШКИНА (1815-1820-е гг.)

Статья затрагивает фактуру художественного текста ранних стихотворений Пушкина, в которых складывается начальная модель пушкинского «усадебного текста» с учетом традиции в поэзии XVIII века. Моментом зарождения «усадебного текста» в лирике Пушкина принимается пребывание будущего поэта в Царском Селе – культурном прообразе дач – минималистичных «резиденций» для отдыха обычного человека и поддерживавших усадебный тип бытия. В статье отмечено, что традиционно пространство усадьбы формируется на основе оппозиции, предложенной поэзией XVIII века, – «город - деревня», но со смещением положительного акцента в сторону «деревни» – воплощению «идиллического» хронотопа. Усадебная жизнь представляется как вариант бытия, основанный на частной жизни человека. В ранних стихотворениях Пушкин изображает усадебное бытие условным, нарочито искусственным, литературным, отдавая дань ранним романтикам. В статье определены основные мотивы («заземленности» усадебной жизни, «соседства», «творчества», «пустынничества»). Выявлены главные усадебные образы ранних пушкинских стихотворений, исследована их семантика: дом, актуализирующий поведенческую модель «хозяин - гость», «соседи - друзья»; кабинет с его метафорикой «соседи – книги» («книжки-друзья») и «книжным сюжетом»; сад как продолжение пространства дома и кабинета, идеальное пространство, отражающее гармонию мира. В статье затронут аспект усадебной антропологии, реализуемой через поиск поведенческого стиля, ставшего организующим моментом для ранней пушкинской лирики. Поэт позиционирует себя не только как хлебосольный хозяин усадьбы, распорядитель усадебного бытия, садовник «с смиренным заступом в руках», но и как «философ ленивый», наследник Эпикура и Горация, состоявшийся только в мечтах военный, монах-отшельник, мечтатель, «бахический» поэт. Все ипостаси лирического субъекта объединены проявлением духовности (чтение, литературное творчество, созерцание) и «заземленности» (дружеские симпозиумы, шалости в духе Анакреонта). Стихотворения «Домовому» и «Деревня» показывают трансформацию, вызванную переосмыслением пушкинских социокультурных позиций, и фиксируют новый подход к усадебной теме – Пушкин создает не миф об усадебном бытии, но «антимиф».

Ключевые слова: усадьба, «усадебный текст», усадебное бытие, оппозиция «город - деревня», идиллический хронотоп, топос, А.С. Пушкин.

N.Yu. Abuzova

THE FORMATION OF THE "MANOR TEXT" IN THE LYRICS OF A.S. PUSHKIN (1815-1820)

Scientific interest in the "manor text" does not provide a complete comprehensive answer, which determines the relevance of this study. The article touches on the texture of the artistic text of Pushkin's early poems, which form the initial model of Pushkin's "manor text", taking into account the tradition in poetry of the XVIII century. The moment of the origin of the "manor text" in Pushkin's lyrics is the stay of the future poet in Tsarskoye Selo, the cultural prototype of dachas – minimalistic "residences" for the rest of an ordinary person and supporting the manor type of existence. The article notes that traditionally the estate space is formed on the basis of the opposition proposed by the poetry of the XVIII century - "city - village", but with a shift of positive emphasis towards the "village" - the embodiment of the "idyllic" chronotope. Manor life is presented as a variant of being based on a person's private life. In his early poems,

Pushkin portrays the manor life as conditional, deliberately artificial, literary, paying tribute to the early romantics. The article identifies the main motives ("grounding" of manor life, "neighborhood", "creativity", "desert-dwelling"). The main manor images of early Pushkin's poems are revealed, their semantics are investigated: a house actualizing the behavioral model "host - guest", "neighbors - friends"; an office with its metaphor "neighbors – books" ("books-friends") and a "book plot"; a garden as an extension of the space of the house and office, ideal a space reflecting the harmony of the world. The article touches upon the aspect of homestead anthropology, implemented through the search for a behavioral style, which became an organizing moment for early Pushkin's lyrics. The poet positions himself not only as the hospitable owner of the manor, the steward of the manor life, the gardener "with a humble spade in his hands", but also as a "lazy philosopher", the heir of Epicurus and Horace, a military man who took place only in dreams, a hermit monk, a dreamer, a "heroic" poet. All the hypostases of the lyrical subject are united by the manifestation of spirituality (reading, literary creativity, contemplation) and "grounding" (friendly symposiums, pranks in the spirit of Anacreon). The poems "To the Brownie" and "The Village" show the transformation caused by the reinterpretation of Pushkin's socio-cultural positions, and fix a new approach to the manor theme - Pushkin creates not a myth about the manor existence, but an "anti-myth".

Key terms: manor, "manor text", manor existence, opposition "city - village", idyllic chronotope, topos, A.S.

Pushkin.

В современном литературоведении тема «усадебного текста» выходит на новый виток исследования с учетом работ известных исследователей: М.М. Бахтина, В.Г. Щукина, А.Г. Цейтлин, Е.М. Таборисской, В.А. Недзвецкого, Е.А. Краснощековой, М.В. Отрадина, Ю. Лошица, др. Примечательны современные работы Т.М. Жапловой (Усадебная поэзия в русской литературе XIX – начала XX вв., 2004), М.В. Глазковой (Усадебный текст» в русской литературе второй половине XIX века: И.А. Гончаров, И.С. Тургенев, А.А. Фет, 2008), Е.Е. Дмитриевой, О.Н. Купцовой (Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай, 2008), Н. А. Корзиной (Трансформация усадебного текста в русской поэзии XVIII-XIX веков, 2010), Е.В. Жеребковой (Усадьба в русской литературе: II половина XVIII – I половина XIX вв., 2012), А.В. Маркова (Предыстория понятия «усадебный текст» в отечественной науке 1920 – 1930-х г., 2018), О.А. Гриневиц (Усадебный текст как семиосфера: структура, модели формирования и трансформации, 2019; Поэтика усадебного текста: миф, реальность, литература, 2022), О.А. Метелёвой (Становление феномена «усадебного текста» русской литературы в поэзии В.И. Майкова и его современников, 2019), Г.А. Велигорского «Усадебный текст» и национальный культурный код. Русско-британские литературные связи XIX - начала XXI века, 2022), О.А. Богдановой (Невидимые звенья «усадебного сверткста», 2023), др., поднимающие вопросы «усадебного текста», «усадебного сверткста» [1], «усадебной топики», «усадебного мифа».

По мысли О.А. Гриневиц, «усадебный текст представлен как семиосфера со структурно оформленным центром и размытой, дискретной периферией» [2].

Становление усадебного текста в русской поэзии приходится на первую половину XVIII века [3; с. 23]. В поэтическом творчестве В. Тредиаковского, А. Кантемира, М.В. Ломоносова., позднее – в стихотворениях В.В. Капниста, Н.А. Львова, И.И. Хемницера, М.Н. Муравьева, Г.Р. Державина формируются инвариантные модели (варианты одного и того же мотива), которые «будут играть большую роль в воспроизведении усадебного текста» [4]. При этом модели скреплены единым эстетическим идеалом «частной жизни, дающий личную независимость и свободу от государственных обязательств», который «находил себе выражение в образах, заимствованных из Горация» [5; с. 129]. Горацианство развивает специфический усадебный топос и оснащает усадебный текст главными мотивами: любви, дружбы, дома, природы, бегства от городской суеты на лоно природы, делаая их традиционными В начале XIX в. горацианский комплекс мотивов обогащается мотивом творчества (например, стихотворения Н. М. Языкова, в которых с усадьбой связана поэтическая лень, а сама усадьба - «приют свободного поэта» («П. А. Осиповой», 1826; «Тригорское», 1826; «П. А. Осиповой», 1827).

Становление личности Пушкина-поэта приходится на период расцвета русской дворянской усадебной культуры. В это время усадьба - сложившийся феномен культурной жизни: окончательно определяются мировоззренческие основы усадебного бытия, формы организации быта.

Первые десятилетия XIX в. вносят коррективы в устоявшуюся модель усадьбы. Время утверждения ценности усадебной жизни уходит в прошлое. В начале XIX в. усадьба выступает как вполне самостоятельное образование отечественного ландшафта, наделённое историко-культурными и литературными ассоциациями. «Усадебный текст» достигает такого уровня развития, что начинает определять бытие своего текстообразующего центра - усадьбы. Комплекс поэтических образов, мотивов, культурных знаков, кото-

рые сложились в усадебной поэзии XVIII в., воспринимается как реальный факт усадебной жизни и в то же время как условный, традиционный «набор» элементов «идеального» деревенского бытия.

Влияние предромантической, а затем и романтической эстетики по-новому расставило акценты в изображении усадебной жизни: усиливается её «метафизическая» сторона. Появление «метафизики усадеб» можно считать проявлением интереса к сверхчувственным началам бытия, к неведомому до этого времени внутреннему миру личности, сопричастной бытию усадьбы. XVIII век интересовался бытием самой усадьбы, в которой человек играл второстепенную роль: сам был частью усадьбы, подчинялся ритму усадебной жизни и её философским основам. XIX век делает усадьбу экзистенциальной категорией: обращается непосредственно к изображению переживания человеком своего усадебного существования. Усадьба становится «портретом» своего владельца, начинает выражать его интересы, вкусы, пристрастия, его внутренний мир, в то время как в XVIII в. «индивидуальность» усадьбы проявлялась весьма скупой, так как усадебный комплекс должен был быть выдержан в определённом стиле - согласно с требованиями архитектуры классицизма. Поэты первых десятилетий XIX в. начинают индивидуализировать усадебное бытие, которое становится выражением миропонимания конкретной личности, глубоко ощущающей свою связь с мировой культурой.

Изначально усадьба, гармонично соединяющая в себе городской и деревенский топосы, в XVIII веке олицетворяет собой Рай, мифическую Аркадию, заключенную в садово-парковом пространстве и ориентированную на далекое счастливое прошлое – миф о Золотом веке. В России роль Эдема исторически принадлежала летним царским резиденциям – Петергофу, Павловску, но в особенности – Царскому Селу. Здесь публичная и частная, городская и деревенская сферы взаимоориентированы и слиты воедино.

«Усадебный текст» в творчестве Пушкина складывается именно во время пребывания в Царском Селе (1811 по 1817 гг.). Это связано не только с тем, что царское село было по преимуществу усадебным, а само Царское Село, грандиозный дворцово-усадебный комплекс, создавалось как летняя резиденция императрицы Екатерины II. Органичную связь в сознании Пушкина между царское селом и усадебным типом бытия отмечает Д. С. Лихачёв: «... между его ощущением, с одной стороны, царское селских садов, а с другой – природы Михайловского не было принципиальных различий» [6; с. 241].

Под влиянием культурно-стилевого пространства Царского Села уже в раннем творчестве Пушкина зарождается «усадебная» тематика (изображение пейзажей и «садового локуса»). На формирование усадебного текста повлияли также детские воспоминания, впечатления, связанные с родовыми именами Пушкиных: Михайловским, Захарово и др., впоследствии запечатленные в стихотворениях.

Первым поэтическим обращением Пушкина непосредственно к усадебной тематике можно считать стихотворное «Послание к Юдину» (1815), в котором поэт воспроизводит бытие усадьбы в Захарово. В стихотворении содержатся многие из тех образов и мотивов, которые получают развитие в последующих стихотворениях, составляющих «усадебный текст» поэта.

Освоение поэтом усадебного топоса разворачивается под влиянием предшествующей традиции. В XVIII веке усадебный текст формируется с осознанием оппозиции «город - деревня» (усадебная) или её частного проявления «большой мир - малый мир». Оппозиция выполняет структурообразующую функцию в «усадебном тексте». Пушкин приходит к осмыслению этого центрального для усадебной лирики противопоставления в лицейский период своего творчества. И уже в «Послании к Юдину» четко обозначена оппозиция «город – деревня», «Москва – мое Захарово» («Не лучше ли в деревне дальней / Или в смиренном городке, / Вдали столиц, забот и грома, / Укрыться в мирном уголке», [7; с. 112]), которые несут свои эстетические характеристики: город – «столица», «заботы и гром», деревня – «деревня дальняя», «пустыня сень», «смирный городок», «мирный уголок». Деревенское бытие – мечта поэта, его идеал, и логично, что поэт значительно расширяет семантическое поле «Деревня» по сравнению с «Городом». Пушкин в стихотворении ориентируется на идиллический хронотоп. В первой части послания время приобретает циклический характер, описание одного дня в Захарово – это воспроизведение усадебной жизни в её устоявшихся формах, непрерывно возобновляющихся день ото дня. Во второй части послания реализуется мотив возвращения в усадьбу после бранной жизни, итог которой – «одни болезни, костыли» [7; с. 115]. Круг странствий лирического субъекта – это поиск своего жизненного пути, завершающийся выбором усадебного бытия как наиболее приемлемого, позволяющего сохранить «покой души».

В этом же году Пушкин пишет послание «Городок (К***» и два послания к Галичу («Послание к Галичу» («Где ты, ленивец мой?») 1815; «К Галичу», 1815), объединённых не только адресатом, но и общностью мотивов, которыми они примыкают к «усадебной» лирике.

«Городок» - отклик на стихотворения А. Кантемира («Из Горация. Письмо XX. К своей книге», «Из Буало. Сатира вторая. К Мольеру», «Письма. Письмо II. К Стихам своим», «Из Горация Писем книга I. Письмо XX. К своей книге», др.), К. Н. Батюшкова «Мои пенаты» (1811 – 1812, опубл. 1814). Пушкинское

стихотворение продолжает начатую «усадебную» тему «Послания к Юдину». В стихотворении поэт также противопоставляет большому свету жизнь «...в городке, / Безвестностью счастливом» [7; с. 63]. При этом оппозиция «город – городок/деревня» получает здесь своеобразное оформление.

Оппозиция «город - деревня» соответствует противопоставлению Петербурга и деревни (усадыбы), заданному ещё в XVIII в. Образ Петербурга – города-столицы в «Городке» выдержан в рамках предшествующей традиции. Симптоматично в этой связи и топографическое определение Петербурга в духе XVIII в. – «град», «Петрополь». «Великий град Петра» наделяется негативными характеристиками: жизнь в столице – бессмысленное кружение, как аналог вечного кружения душ в аду («... Два года всё кружился / Без дела в хлопотах...»), [7; с. 63]), отсутствие покоя, внутренней цельности, правдивости, таланта (в театре – «бессмысленные стихи», при дворе – «мудрец» «... С улыбкою притворной / Пред лентою цветной», в доме вельмож – «заказные» куплеты [7; с. 91]. Так в стихотворении Пушкина исподволь реализуется известный в литературе мотив *venitas vanitatum* – «суета сует», мотив «живое - мертвое».

Иным представлено пространство «счастливого городка». Отсутствие здесь светских условностей - знак подлинного бытия и духовности, которых нет в безжизненном Петербурге («Оставь же город скучный...»), «Беги, беги столицы, / О Галич мой, сюда!»). Уклад жизни пушкинского «города» контрастирует с укладом «городка»: именно здесь слиянность покоя и воли выступает в качестве отражения ценностного строя традиционной русской духовности. Поэтическое творчество, жизнь души находит свое воплощение в мире усадьбы, который поэт в других стихотворениях этого периода наделяет специфической атрибутикой: частная жизнь, простота, уединение, удаленность и закрытость («укромный уголок», «дальняя» деревня), «тишина прелестная».

На первый взгляд, в «Городке» традиционная усадебная оппозиция не имеет отношения к противопоставлению города и деревни, которое лежит в основе «усадебного текста». Но само название послания имплицитно содержит в себе противопоставление города большого (светского, «великий град Петра», где «хлопоты» и нет покоя) и города маленького (нестоличного, уездного), причём бытие «уездного» городка осмысливается Пушкиным как деревенское, но приоритетное, более значимое, чем столичное. В стихотворении в духе Горация, Державина и отчасти буколик Феокрита разворачивается «каталог» примет сельской идиллии: уединённый домик, сад, рощи и леса, «папушья волынка», «тихая речка»:

... светлый дом
С диваном, с камельком;
Три комнатки простые —
В них злата, бронзы нет,
И ткани выписные
Не кроют их паркет.
Окошки в сад веселый,
Где липы престарелы
С черемухой цветут;
Где мне в часы полдненьны
Березок своды темны
Прохладну сень дают;
Где ландыш белоснежный
Сплелся с фиалкой нежной
И быстрый ручеек,
В струях неся цветок,
Невидимый для взора,
Лепечет у забора [7, с. 63].

Усадебная жизнь представляется как вариант бытия, основанный на частной жизни человека.

Бытие в «городке» предстает сельской идиллией и описано через образы и мотивы, характерные для «усадебного текста» XVIII века. Одной из его составляющих у Пушкина выступает мифологема дома («милый, тесный дом»). В «Городке» воспроизводится ситуация найма дома как способа обретения центра мироздания, «укоренения» в пространстве. При этом сам дом, с одной стороны, определяется как реальный (местоположение, количество комнат и т. п.), с другой стороны, дом выступает и центром усадебного мира, и идеальной моделью вселенной, существующей по законам дружбы и творчества. Традиционно расположенный на холме, он является высшей точкой ландшафта.

С пространством дома связаны составляющие усадебного бытия: органичность, «заземлённость» (картина здоровой и сытной трапезы как знак простоты, естественности, изобилия) и «соседство». Изображение яств явно ориентировано на предшествующую традицию (Тредиаковский, Державин): «Хлеб-соль на чистом покрывале./ Дымятся щи, вино в бокале./ И шука в скатерти лежит...» [7; с. 114].

Первый аспект отношений «соседства» реализуется через важный момент усадебной антропологии - отношения «хозяин - гость». Категория «соседство» [8] осмысливается в двух своих разновидностях: через отношения «хозяин - гость» и отношения «соседи - книги», которые в «Послании к Юдину» предстают в качестве разновидности «соседи – муза». Лирический субъект здесь выступает в качестве хозяина, принимающего гостей в своем доме («Соседи шумною толпою / Взошли, прервали тишину...» [7; с. 114]). Совместная трапеза с соседями – знак приобщения к ценностям усадебного мира, поскольку мирное сосуществование с соседями – это естественное положение вещей, один из законов усадебного бытия, основанный на патриархальном укладе.

Реальное пространство усадебного дома в «Городке» также маркируется «соседями-гостями» - «добренькая старушка» и некий «майор», «уволненный от службы». Главная особенность этих соседей – обладание неким «знанием», которое осмысливается поэтом иронически («Газеты собирает / Со всех она сторон, / Всё сведает, узнает...» [7; с. 71]; «Старик, развеселяясь, / За дедовскою кружкой / В прошедшем углубясь... Воспомнит ту баталью, / Где роты впереди / Летел навстречу славы...» [7; с. 72]). Соседи у Пушкина входят в сферу личного, «своего», пространства. Более того, они начинают осмысляться как «своя семья», в которой царит дух непринуждённости, доверия, безыскусности («Не подхожу я к ручке, / Не шаркаю пред ней; / Она не приседает...» [7; с. 71]).

В свою очередь, лирический субъект стихотворения выступает в качестве гостя для старушки, у которой «душистый» пьёт «чай», а также для майора, который «зовёт... из дружбы / Хлеб-соль откусать с ним». Таким образом, гостеприимство осмысливается автором в рамках комплекса повседневных усадебных ритуалов и в соотношении с ценностной системой «усадебной личности». Поэтому лирический субъект, ожидая к себе в гости друга, обещает устроить пир: «Но, друг мой, если вскоре / увижусь я с тобой, / То мы уходим горе / За чашей круговой; / Тогда, клянусь богами, / (И слово уж сдержу) / Я с сельскими попами / Молебн отслужу» [7; с. 73].

Отношения «соседи - книги» проявляют себя прежде всего через литературность пушкинских посланий: поэт ориентируется на те традиции в изображении усадебного бытия, которые заложены его предшественниками. Литературность напрямую связана у поэта с «книжной топикой» (совокупность мотивов, связанных с книгой, по определению О.Л. Довгий [9]).

Первая картина усадебной жизни в «Послании к Юдину», которую условно можно назвать «Один день помещика», создана под влиянием стихотворения Г.Р. Державина «Евгению. Жизнь Званская», последующие картины поля брани и возвращения в усадьбу навеяны мотивами лирики К. Н. Батюшкова, а финальная сцена свидания с возлюбленной в ночной тиши и конная прогулка при луне – прямая отсылка к балладам В. А. Жуковского. По всему тексту стихотворения разбросаны «цитаты» из буколик Вергилия, древних мифов. Книжные метафоры и мотивы обретают у Пушкина философский характер, становясь повествованием о жизни.

В рамках традиционной оппозиции «город-деревня» поэт сосредотачивается на одной из ее вариаций: противопоставление малого, замкнутого, но родного, обжитого мира («домик», «дом») и открытого, бесконечно огромного пространства бытия. Изображая основы усадебной жизни в «Послании к Юдину», Пушкин ощущает условность изображаемого им бытия, его нарочитую искусственность, литературность, поэтому жизнь в Захарово – всего лишь мечтание поэта, идеальная картина, созданная его воображением. В этом отношении значим мотив отражения в воде: «Мне видится моё селенье, / Моё Захарово; оно... Зеркалом вод отражено...» [7; с. 113]. Отражение создаёт обманчивую, нереальную картину (СМ: мотив зеркала, иллюзорного, «перевернутого» пространства). Мотив отражения значим и в воображаемой картине свидания с возлюбленной, «призраком милым», который является лирическому субъекту ночной порой в роще «Над тихо спящею волной, / Осеребрённую луной. / Одна ты в рощице со мной...» [7; с. 117]. Возникает мотив подмены: луна выступает коррелятом возлюбленной поэта и в то же время создает иллюзию микрокосма.

Сердце усадебного дома – «кабинет», где актуализируется метафорика «соседи – книги» («книги-друзья»), которая придает пространству кабинета статус идеального мира. «Любимые творцы» выполняют роль «соседей-друзей». В кабинете волею поэта собраны произведения литературы, принадлежащие к разным эпохам. При этом для него авторы и их произведения являются фактом вечности, но оживают рядом с поэтом: «... Со мной они живут...» [7; с. 65]. И при этом диалог с «парнасскими жрецами» - диалог с мёртвыми («Друзья мне – мертвецы...» [7; с. 64]) как утверждение вечности культуры. Так, у К. Н. Батюшкова в

стихотворении «Мои пенаты» (1811 - 1812) воспроизводится обряд вызова душ умерших сочинителей, которых он приглашает на пир по случаю новоселья.

Хронотоп кабинета представлен амбивалентно - как «живое» и «мертвое» пространство, существующие в гетерохронной временной сфере («большое бессмертие» как притяжение вечности, «малое бессмертие» - отторжение вечностью). «Живое» – локус собственного творчества, мировой литературы и культуры, где «...укрывшись в кабинет, / Один я не скучаю» [7; с. 64], так как книги воспринимаются лирическим субъектом персонифицированно, метонимически: это круг избранных друзей.

«Мертвое» пространство - «кладбище» «известных» «одним мышам» творений, и время в нем скоротечно и всеразрушающе. Недаром вечный «свиток» в иронической подаче Пушкина – «руина», «книга-могила» [9].

Таким образом, в стихотворение привнесён «книжный сюжет», через который от частного к общему развивается метафора: «кабинет - библиотека» - «мир - библиотека».

Примерно в одно и то же время в стихотворениях Пушкина 1815 года («Мечтатель», «Послание к Юдину», «Городок», «К Галичу», «Послание к Галичу») появляется мотив пустынножительства, связанный с уединением. Дом – «мирной неги уголок» - предстаёт то как «келья», то как «каморка», «шалаш», «хижина» или просто как «тесный домик» и «кабинет уединенный». Известны стихотворения с подобной маркировкой значимого для автора пространства: И.М. Долгорукого («Мой кабинет», 1806), П.И. Шаликова («К моей хижине», 1810); позже: у А. Дельвига (Моя хижина, 1818, и Домик, 1821), П.А. Вяземского («Послание к Жуковскому в деревню», 1808; «Приветствую тебя, в минувшем молодая...», 1857). Теснота – знак домашности, уюта, дружества, благородной простоты и естественности нравов и условие поэтического мечтания, «сладких дум». «Тесный домик» противопоставлен придворным залам Петербурга, где «... алмазы, яхонты, топазы, / Порфирные пустые вазы, / Драгие куклы по углам» и т.п. вызывают у поэта «улыбку сожаленья», желание «отрад уединенья» (прогулки, мечты, созерцание природы, «накрытый стол», чтение, творчество, дружба, любовь) [7; с. 113]. Себя же поэт видит в роли «философа скромного», подвергнутого эскапизму, потому что «*В мечтах* все радости земные!» [7; с. 117].

В «Городке» дом, уже – кабинет предстают коррелятами пустыни/пустыни. Сам же лирический субъект вначале логично предстает в образе отшельника, а затем – «бессмертного ввек пиита», одного из насельников этой пустыни, выполняющего жреческую роль.

Образ «пустыни» - маркировка «живого» пространства, обретающего черты сакрального. В «пустыне»-кабинете лирический субъект не одинок – он с «любимыми творцами»:

Утром:

В час утренний досуга

Я часто друг от друга

Люблю их отрывать.

Днем:

...весь день я с ними,

То в думу углублен,

То мыслями своими

В Элизий пренесен.

Ночью:

Мой гений невидимкой

Летает надо мной [7; с. 65, 68],

как будто вызванный к жизни «книгами-друзьями».

Образ пушкинской пустыни двойствен: это обособленность лирического героя в пространстве «городка», своего дома, кабинета и в то же время прочувствованность принадлежности к вечности культуры. Отсюда и пространственная символика кабинета связана с мотивом «соседства».

Традиционно в перечислении писателей видят лишь выражение литературных пристрастий Пушкина-лицеиста. Однако возможно и наличие арзамасского подтекста. Расположение книг на полке подчинено делению на «верх» и «низ»: «верх» занимают те, кто обрел бессмертие в веках, «низ» - эпигоны классицизма, члены «Беседы любителей русского слова» С. И. Висковатов и С. С. Бобров, выведенные под прозвищами Визгова и Глупона:

Кладбище обрели

На самой нижней полке

Все школьнически толки,

Лежащие в пыли,
Визгова сочиненья,
Глугона псалмопенья... [7; с. 66].

С одной стороны, это «похороны» «беседчиков» (они «кладбище обрели»), с другой – насмешка над бесполезностью и ненужностью их сочинений. «Городок (К***)» был посланием к К.Н. Батюшкову, являвшемуся членом «Арзамаса», поэтому подтекст пушкинского стихотворения должен был быть ему понятен без дополнительных разъяснений.

Второй аспект темы соседства связан с категорией духовности, которая воплощается в поведенческом стиле лирического субъекта: приобщение к природе, чтение, творчество. Категория духовности связана с пространством кабинета и сада, который является естественным продолжением дома, важнейшим элементом «усадебного» хронотопа («Послание к Юдину»: «...с балкона / Могу сойти в весёлый сад...» [7; с. 113]).

Сад в эмоционально-суггестивной функции - «книга особая: она отражает мир в его доброй и идеальной сущности» [6; с. 17]. Цветы, деревья, ручьи в саду составляет его стилистическую систему, осуществляющую через звук журчания ручья, запах цветущих растений связь человека с природой, шире – с мирозданием. Другими словами, сад может быть «прочитан», как книга. Поэзия (книги из кабинета) призвана помочь саду быть прочитанным и объясненным: между садом и литературой осуществляется связь через «эстетическое восполнение». В некотором смысле, усадебный сад в «Городке» воспринимается как «сад Лицея», с которым Пушкин, по словам Д.С. Лихачева, «был нравственно воспитан» [6; с. 241].

Прежде всего сад воспринимается как пространственное воплощение «усадебного духа». Панорама пространства сада создается «взглядом из окна» («Окошки в сад веселый», «Городок»), раскрытого «из интереса ко всему внешнему миру», - популярным живописным приемом, который часто используют художники-романтики в нач. XIX века. Прием развивался, начиная с XV века: в глубине окна «развивался «большой мир», к которому тяготели художники, но не имели традиции его отображений» [10]. Таким образом, реальный, тесный, малый мир дома у Пушкина сопрягается с миром большим (у романтиков - противопоставляется).

В «Городке», кроме регулярного сада, непосредственно примыкающего к дому, упоминается и пейзажный сад, выдержанный в духе романтической эстетики, призывающий к уединённым прогулкам, размышлениям («Люблю я в летний день / Бродить один с тоскою, / Встречать вечерню тень над тихой рекою / И с сладостной слезою / Вдаль сумрачну смотреть...» [7; с.70]).

Пространство сада – модель мира природы - вызывает ассоциации с идеальным ландшафтом. Ассоциации усилены состоянием цветения, выступающим и как маркер реальной живой природы, и как выражение живых сил бытия, полноты жизни: «...Флора и Помона / Цветы с плодами мне дарят» («Послание к Юдину») [7; с. 113]. Дань сентиментализму – дендромир, представленный «ландышем белоснежным», который «сплелся с фиалкой нежной»: «он» и «она» символизируют в усадебном рае счастье, весну (при всем множестве семантики ландыша и фиалки), и в то же время это характерные для усадебного парка цветы (ландыш и фиалка – душистые и неприхотливые цветы, которые характерны для усадебных парков XVIII века [11]). В «Послании к Юдину» упоминаются другие парковые душистые цветы – тюльпан и роза (вновь «он» и «она»). Выбор деревьев характерен для сада пушкинской поры: аллеи из березы, липы, черемухи – одна из главных тем парковой культуры. После прогулки в «часы полдневны» «...берёзок своды темны / Прохладну сень дают». В «Городке» также упоминаются цветущие «липы престарелы» и черёмуха. Деревья, дающие широкую тень, были наиболее распространены в романтических садах, отличающихся обилием затемнённых мест, располагающих к уединённым меланхолическим размышлениям и созерцанию своего внутреннего мира.

Пространство сада в «Послании к Юдину» воссоздаётся в соответствии с романтической садово-парковой традицией. Выбор деревьев здесь также значим: «клёнов тёмный ряд», который «возносится до небосклона», и романтические «тополы», устремленные ввысь и реализующие мотив связи с небом, с одной стороны, демонстрируют романтическое пристрастие к тенистым деревьям, с другой, мифопоэтической, – связаны с небесной сферой и выражают устремление лирического субъекта к высокому духовному бытию.

Простой труд в саду «с смиренным заступом в руках» - это тоже знак духовности, желание приобщиться к жизни природы и быть причастным к акту созидания Вселенной («Где старых кленов темный ряд / Возносится до небосклона, / И глухо тополы шумят, – / Туда зарею поспешаю / С смиренным заступом в руках, / В лугах тропинку извиваю, / Тюльпан и розу поливаю – / И счастлив в утренних трудах» [7; с. 113]).

Значимо и положение лирического субъекта в пространстве: «Вот здесь под дубом наклоненным / С Горацием и Лафонтеном / В приятных погружён мечтах. / Вблизи ручей шумит и скачет ...» [7; с. 114]. Как отмечает Д. С. Лихачёв, дуб был особенно популярен в романтических садах, поскольку, являясь деревом-

долгожителем, он наглядно демонстрировал связь с прошлым [6; с. 34]. Впоследствии возникает культ старого дерева в усадьбе («вековой дуб», «липа вековая»). Связь с прошлым демонстративна: старое дерево напоминает руину (аллегорию времени), наводя на меланхолические размышления о ходе времени. Но дуб – символ индивидуальности, которая особо ценилась в эпоху романтизма. Вместе с тем в пушкинской картине мира дуб – это и аналог мирового древа. Положение лирического субъекта под ним вблизи водного источника – знак приобщения к истокам, первоначалам бытия, к «райской» жизни, когда человек не был отделён от природы. В то же время в формировании картины мира, позиционируемого в стихотворении, знаковы имена Горация и Лафонтена: первый вслед за Феокритом сформировал идиллический комплекс сельского пейзажа, второй придал ему «sensibility of gardens» – «чувствительность в пейзаже садов».

Обязательная составляющая сада – водоем. В пушкинской литературной игре воды – маркеры идеального пространства: это феокритов «быстрый ручеек», несущий «в струях <...> цветок», «волны туманной Леть», в которой сгинули «известные творенья», «тихая река», озеро, «...где лебедь белоснежный, <...>... закинув гордо шею, / Плывет во злате волн...», напоминающие о «Вечере» В.А. Жуковского [12].

Организующим моментом для ранней пушкинской лирики стал поиск поведенческого стиля. Для поэтов-современников Пушкина в целом характерно сознательное сотворение своей биографии как мифа, как литературного произведения. В лицейской лирике поэт примеряет на себя множество ролей. Он предстаёт монахом-отшельником, «философом ленивым», «мечтателем», «бахическим» поэтом. В любом случае Пушкин утверждает преимущество царскосельского бытия как идеала жизни и противопоставляет его уже существующим моделям поведения, например, светского волокиты, придворного вельможи, военного и т. п., сопряженным с пространством «столичного города» и неуместным в усадебном мире. Заметим, что в ранней лирике Пушкина отношение к военной службе противоречиво: в «Городке» и «Мечтателе» бранной славе поэт противопоставляет тихую жизнь в смиренном шалаше и занятие литературным творчеством. В послании «К Галичу» Пушкин допускает возможность для себя военного поприща: «Надены узкие рейтузы, / Завью в колечки гордый ус, / Заблещет пара эполетов, / И я – питомец важных Муз - / В числе воюющих корнетов» [7; с. 83].

В целом же для ранней усадебной лирики Пушкина характерен двойственный характер бытия и связанных с ним моделей поведения: лирический субъект ощущает себя «философом ленивым», наследником Эпикура и Горация, и в то же время он философ в колпаке («...гуляет в колпаке...»). Колпак выступает символом домашности, свободы от условностей, но вместе с тем колпак – это и атрибут арзамасца, вольного поэта, по аналогии с революционным фригийским колпаком с символикой свободы. С другой стороны, лирический субъект играет роль хлебосольного и радушного хозяина усадьбы.

Многообразие поведенческих стилей не исключает главного: соединение проявлений духовности (чтение, литературное творчество, созерцание) и «заземлённости» (дружеские симпозиумы, шалости в духе Анакреонта и т.п.). Такой двойственный характер бытия присущ духу усадебной культуры, близкой по своим основным установкам к царскосельской культуре.

Следует отметить, что в развитии «усадебного текста» в лицейский период творчества наблюдаются противоречивые тенденции. С одной стороны, Пушкин явно тяготеет к изображению усадебной жизни, с другой – условно-литературная маска «усадебного человека», не имеющего при этом собственной усадьбы, перестаёт удовлетворять семнадцатилетнего поэта. В 1816 г. в письме к П. А. Вяземскому Пушкин признаётся: «Никогда лицей <...> не казался мне так несносным, как в нынешнее время. Уверяю вас, что уединенье в самом деле вещь очень глупая, назло всем философам и поэтам, которые притворяются будто бы жили в деревнях и влюблены в безмолвие и тишину...» [13; с. 8 - 9]. К письму прилагалось стихотворение «Из письма к кн. П.А. Вяземскому» («Блажен, кто в шуме городском...») (1816). Сельскому уединению на условно-идиллическом фоне («...садик, сельский дом, / Холмы с безмолвными лесами...») поэт противопоставляет «шум городской» как проявление настоящей жизни («Блажен, кто шумную Москву / Для хижинки не покидает...»). Сельская идиллия – созерцательная условность, существующая лишь в мечтах. Такому бытию поэт предпочитает жизнь в «шумной Москве» в кругу друзей-арзамасцев («Блажен, кто с добрыми друзьями / Сидит до ночи за столом, / И над славенскими глупцами / Смеется русскими стихами...») и с реальной, а не вымышленной возлюбленной («И не во сне, а на яву / Свою любовницу ласкает!..») [7, с. 120 - 121]).

Вместе с тем это стихотворение не может быть рассмотрено как отказ Пушкина от идеалов усадебного бытия. Критика относится не к усадебной жизни как таковой, а к царскосельскому заточению («Безбожно молодого человека держать взаперти...») [13; с. 8 - 9]. Тем более ранний «усадебный текст» Пушкина теснее связан с литературной традицией, чем с непосредственным пребыванием в родовых имениях. «Усадебная»

лирика поэта, по сути, явилась данью поэтической моде того времени. Дальнейшее развитие пушкинского «усадебного текста» предполагает поиск духовных связей с усадьбой, «вживание» в её быт, осознание родовой преемственности усадебного бытия.

Одной из первых попыток отхода от традиционности явилось стихотворение «Простите, верные дубравы!..» (1817), которое строится как лирический монолог-прощание с Тригорским, где Пушкин гостил в 1817 году. Поэт отходит от описательной традиции в изображении усадебного бытия. На первый план выступает эмоция самого лирического субъекта, переживающего расставание с усадьбой. Компоненты усадебного пейзажа существуют не сами по себе, а как сопричастные настроению, эмоциям человека. Важен мотив воспоминания, поскольку оно обеспечивает духовную связь лирического субъекта с усадьбой: «От вас беру воспоминанье, / А сердце оставляю вам...» [7; с. 179]. Таким образом, для Пушкина возникновение усадебной идиллии связано не столько с определённым географическим феноменом, конкретным топосом («верные дубравы» и «липовые своды» Тригорского), сколько с той идиллией, которая уже сформировалась в пространстве памяти лирического субъекта. Трепетное отношение к дубравам Тригорского обусловлено во многом силой ассоциаций. Известно, что Пушкин называл себя певцом «дубравной сени» Царского Села, и любовь к дубравам как поэтическому локусу идёт именно из лицейской лирики поэта. Однако дубравы (что в Царском Селе, что в Тригорском) – элемент романтического парка, призванный выполнять определённую функцию, соответствующую общей эстетической установке садов романтизма. Главное в них – пробуждение воспоминания через появление разной силы ассоциаций от созерцания тех или иных предметов. Поэтому дубравы Тригорского вызывают в памяти дубравы Царского Села и оживляют в подтексте царскосельскую идиллию, через ассоциацию восстанавливают «связь времен».

Наиболее наглядно изменения, произошедшие в усадебной лирике Пушкина в первые послелицейские годы, демонстрируют стихотворения «Деревня» (1819) и «Домовому» (1819).

«Деревня» традиционно рассматривается в контексте гражданской лирики Пушкина, но стихотворение значимо и для «усадебного текста». Традиционная оппозиция «город – деревня», упорно заявляемая Пушкиным в лицейский период, здесь редуцирована. Вместо этого – декларативное признание в любви к сельскому быту («Я твой: я променял...», «Я твой: люблю сей темный сад...», «Сей луг», «светлые ручьи...», [7; с. 201 - 202]). Первая часть стихотворения представляет собой развёрнутую панораму деревенской жизни («... везде передо мной подвижные картины: / Здесь вижу двух озёр лазурные равнины... За ними ряд холмов и нивы полосаты, / Вдали рассыпанные хаты...», [7; с. 202]). Панорамная смена видов диктуется движением взгляда лирического субъекта. Отсутствие препятствий для обзора создаёт ощущение простора и воли (свободы), ощущение которой («праздность вольная») поэт фиксирует: «Я здесь, от суетных оков освобождённый, / Учуся в истине блаженство находить, / Свободною душой закон боготворить...» [7; с. 202]. Воссозданная картина представлена в духе сельской идиллии («Везде следы довольства и труда...»). Поведенческий стиль, обретаемый в уединении, – мудрое созерцание, познание жизни, труд и вдохновение. Эмоциональный ореол, создаваемый идиллическим пространством, где даже время не обнаруживает свой ход («... льётся дней моих невидимый поток...»), настраивает на тон ранних усадебных стихотворений поэта.

Вторая часть стихотворения, контрастируя по тону и стилю с первой, вносит в стихотворение гражданский пафос обличения крепостничества. Мы соглашаемся с этой точкой зрения, однако рассматриваем гражданский пафос Пушкина не как выражение революционных устремлений, а в тесной связи с «усадебным текстом». Освоение усадьбы в поэтических произведениях шло в нескольких направлениях: предметно-пространственном, социокультурном и др. В XVIII в. преимущество отдавалось в основном предметно-пространственным составляющим усадебного текста – дому и саду. Воспроизведением социокультурных связей, существовавших в усадьбе, занимались немногие поэты, ограничивавшиеся описанием связей владельца усадьбы с его предками. Взаимоотношения господ и дворовых осмысливались однозначно: это добровольный союз, в котором крестьяне счастливы. Отсюда – тяга к изображению народных праздников в усадьбе или тружеников, возвращающихся домой после сельских работ и возносящих хвалы за прекрасную жизнь Богу и господам. Эта линия в изображении проблемы «хозяин – слуга» поддерживалась общей идиллической моделью усадебной жизни, опиравшейся на мифологему золотого века. Вторая линия в осмыслении этой проблемы представлена творчеством Н. А. Радищева, который в деревне выделял преимущественно рабство и жестокость.

Новаторство молодого Пушкина не только в том, что он сталкивает условность идиллического бытия, вернее, видение этого бытия просвещённым дворянином, с реальностью российской провинциальной деревни, то есть объединяет первую и вторую линии осмысления проблемы связи помещика и крепостных. Пушкин в рамках одного стихотворения демонстрирует создание идиллии и её разрушение от столкновения с реальностью, своеобразным усадебным «антимифом». Культ ухода от каких бы то ни было проблем в

идиллию усадебной жизни, который диктовался в XVIII – начале XIX вв., сменяется осознанием своей ответственности перед теми, кто обеспечивает это бытие. Теряя связь с народом, «усадебный человек» перестаёт быть выразителем сущности усадебной жизни, которая основывается на открытости и сопричастности всему живому, не исключая и человека.

Важной особенностью «усадебного текста» является осмысление Пушкиным связи «усадебного» типа личности с историей рода, восприятие усадьбы как «родового гнезда». Другими словами, усадьба «выступает в роли аккумулятора родовой памяти» [14; с.80]. В этом отношении значимо стихотворение «Домовому» (1819), строящееся на «идиллически-элегическом мифе “дворянского гнезда”» [15; с. 317]. Идиллический топос усадьбы (Михайловское) строится следующим образом: вначале определяется общим «поместье мирное»; затем намечается панорамная картина усадьбы: «селенье, лес и дикий садик...»; далее усадьба определяется с точки зрения ее духовного содержания – «скромная семья моей обитель», «наследственная сень». В итоге, поэт обращается к средоточию, центру усадебной жизни - «счастливому домику». И вновь взгляд лирического субъекта переносится вдаль: «...мой малый сад, / и берег сонных вод, / И сей укромный огород / С калиткой ветхою, с обрушенным забором! / <...> зеленый скат холмов, / Луга <...>, Прохладу лип и кленов шумный кров...» [7; с. 203]. Самое дорогое – дух усадьбы: вдохновенье.

Обращение к домовому – аналог молитвы римским пенатам, к которым обычно взывал старший в доме, как правило, глава рода/семьи. Смысл этого обряда заключался в поддержании постоянной связи с духами предков, а значит, в обеспечении духовной связи поколений. В русской традиции хранитель дома, домашний дух – домовый, «тайный страж». Лирический субъект обращается к нему с мольбой: «храни», «останься <...> в наследственной сени», «ходи <...> заботливым дозором», «люби» природный мир усадьбы. Мольба о защите «скромной семьи... обители» - знак того, что лирический субъект начинает ощущать своё усадебное бытие как продолжение семейных традиций и причастность к истории рода, и как локус творчества. При этом усадьба становится не просто местом пребывания, «наследственной сенью», родовым гнездом, близкой и родной поэту. Близость проявляется в заботе и ответственности за всё, чему причастен лирический субъект: за покой дома (ответственность перед семьёй), за сохранность тех усадебных уголков, которые «знакомы вдохновенью». Противопоставление города и деревни в стихотворении исчезает как излишнее, т.к. лирический субъект полностью погружён в усадебное бытие.

«Усадебный текст» в творчестве Пушкина первоначально организуется в формах поэтической условности, созданных предшествующей традицией, и поддерживается живыми впечатлениями царскосельского бытия. В этот период усадебная жизнь предстаёт как одна из возможных поведенческих форм, активный поиск которых идёт в лицейской лирике. В конце 1820-х гг. «усадебный текст» переживает трансформацию, вызванную переосмыслением его с социокультурных позиций. Этот вариант усадебного текста в дальнейшем претерпевает изменения в лирике 1820-1830-х гг.

Библиографический список

1. Богданова О.А. Невидимые звенья «усадебного сверхтекста» (электронный ресурс) URL: <https://litusadba.imli.ru/system/files/publication/16-bogdanova.pdf> (дата обращения - 14.03.2024).
2. Гриневич О.А. Усадебный текст в современной русской поэзии (электронный ресурс). URL: <https://elsu.ru/filologos/issues/159/articles/2107/> (дата обращения 30.04. 2024).
3. Лебедева О.Б. История русской литературы XVIII века. М.: Высш. шк., 2000. 415 с.
4. Гриневич О.А. Усадебная поэзия в русской литературе: инвариантные модели и механизмы развития (электронный ресурс). URL: - <https://rik.mgpu.ru/2019/10/24/usadebnaya-poeziya-v-russkoj-literature-invariantnye-modeli-i-mehanizmy-razvitiya> (дата обращения – 30.04.2024).
5. Лотман Ю.М. Литература в контексте русской культуры XVIII века / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. О русской литературе. СПб.: Искусство – СПб, 1997, 845 с.
6. Лихачёв Д. С. Поэзия садов: К семантике садово-парковых стилей: Сад как текст. Л.: Наука, 1982, 343 с.
7. Пушкин А.С. Сочинения: в 3-х т. М.: Художественная литература, 1985. Т.1. 735 с.
8. Колягина Т.Ю. Функция мотива «соседство» в «усадебном тексте» А.С. Пушкина (электронный ресурс). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsii-motiva-sosedstvo-v-usadebnom-tekste-a-s-pushkina/viewer> (дата обращения - 01.04.2024)
9. Довгий О.Л. Книжная топка у Кантемира и Пушкина (электронный ресурс). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/knizhnaya-topika-u-kantemira-i-pushkina/viewer> (дата обращения - 12.03. 2024).
10. Начев Д.А. «Взгляд из окна» в творчестве ленинградских художников живописцев Я.И. Крестовского, Е.Е. Моисеенко и А.А. Яковлева (электронный ресурс). URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1712655319&tld=ru&lang=ru&name=nachev28_4.pdf&text=%D0%B6%D0%B8%D0%

[B2%D0%BE%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%B5%D0%BC%20%22%D0%B2%D0%B7%D0%B3%D0%BB%D1%8F%D0%B4%20%D0%B8%D0%B7%20%D0%BE%D0%BA%D0%BD%D0%B0%22](https://vestnik.ggu.ru/) Сетевой электронный научный журнал «Вестник ГГУ» http://lp009.flfm.ru/vestnik_ggu № 2, 2017. (дата обращения - 10.03.2024).

11. Колосова Е.В., Воронина О.Н. Растения русской усадьбы (электронный ресурс). URL: <https://scienceforum.ru/2018/article/2018000818> (дата обращения – 21.02. 2024).

12. Абузова Н.Ю. Вечер и ночь в русской поэзии (Жуковский, Тютчев) // Филология и человек. 2007. №3 (электронный ресурс). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vecher-i-noch-v-russkoy-poezii-zhukovskiy-tyutchev> (дата обращения – 27.03. 2024).

13. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977-1979. Т. 10. Письма. 1979. С. 8 – 9.

14. Абузова Н.Ю. Семиотика «дачного текста» в повести А.П. Гайдара «Тимур и его команда» (1940) // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики № 4(43) 2021. С. 79 – 88.

15. Шуклин В.Г. Русский гений Просвещения. Исследования в области мифопоэтики и истории идей. М.: РОССПЭН, 2007. 607 с.

References

1. Bogdanova O.A. Invisible links of the "manor overtext" (electronic resource) URL: <https://litusadba.imli.ru/system/files/publication/16-bogdanova.pdf> (date of application - 03/14/2024).

2. Grinevich O.A. The manor text in modern Russian poetry (electronic resource). URL: <https://elsu.ru/filologos/issues/159/articles/2107/> - (date of issue 30.04.2024).

3. Lebedeva O.B. History of Russian literature of the XVIII century. M.: Higher School, 2000. 415 p.

4. Grinevich O.A. Manor poetry in Russian literature: invariant models and mechanisms of development (electronic resource). URL: - <https://rik.mgpu.ru/2019/10/24/usadebnaya-poeziya-v-russkoj-literature-invariantnye-modeli-i-mehanizmy-razvitiya> (date of reference – 30.04.2024).

5. Lotman Yu.M. Literature in the context of Russian culture of the XVIII century / Y. M. Lotman // Lotman Y. M. About Russian literature. St. Petersburg: Iskusstvo – SPb, 1997, 845 p.

6. Likhachev D. S. Poetry of gardens: Towards the semantics of garden and park styles: Garden as a text. L.: Nauka, 1982, 343 p.

7. Pushkin A.S. Works: in 3 volumes. M.: Fiction, 1985. Vol.1. 735 p.

8. Kolyagina T.Y. The function of the motif "neighborhood" in the "manor text" by A.S. Pushkin - (electronic resource). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsii-motiva-sosedstvo-v-usadebnom-tekste-a-s-pushkina/viewer> (date of application - 04/01/2024).

9. Dovgiy O.L. Kantemir and Pushkin's book topic (electronic resource). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/knizhnaya-topika-u-kantemira-i-pushkina/viewer> (date of application - 12.03.2024).

10. Natchev D.A. "A view from the window" in the works of Leningrad painters Ya.I. Krestovsky, E.E. Moiseenko and A.A. Yakovlev (electronic resource). URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1712655319&tld=ru&lang=ru&name=nachev28_4.pdf&text=%D0%B6%D0%B8%D0%B2%D0%BE%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%B5%D0%BC%20%22%D0%B2%D0%B7%D0%B3%D0%BB%D1%8F%D0%B4%20%D0%B8%D0%B7%20%D0%BE%D0%BA%D0%BD%D0%B0%22 Online electronic scientific journal "Bulletin of the State State University" http://lp009.flfm.ru/vestnik_ggu No. 2, 2017. (accessed 03/10/2024).

11. Kolosova E.V., Voronina O.N. Plants of the Russian estate (electronic resource). URL: <https://scienceforum.ru/2018/article/2018000818> (date of reference – 02/21/2024).

12. Abuzova N.Yu. Evening and night in Russian poetry (Zhukovsky, Tyutchev) // Philology and man. 2007. №3. - (electronic resource). URL: - <https://cyberleninka.ru/article/n/vecher-i-noch-v-russkoy-poezii-zhukovskiy-tyutchev> (date of circulation – 03/27/2024).

13. Pushkin A. S. Complete works: In 10 vols. L.: Nauka. Leningr. edition, 1977-1979. Vol. 10. Letters. 1979. P. 8 – 9.

14. Abuzova N.Yu. Semiotics of the "country text" in A.P. Gaidar's novella "Timur and his team" (1940) // Actual issues of modern philology and journalism No. 4(43) 2021. Pp. 79-88.

15. Shchukin V.G. The Russian genius of Enlightenment. Research in the field of mythopoetics and the history of ideas. M.: ROSSPAN, 2007. 607 p.

УДК: 82

DOI 10.36622/2587-9510.2024.53.2.011

*Воронежский государственный
технический университет
канд. филол. наук, доцент кафедры
русского языка и межкультурной коммуникации
Сулемина О.В.
Россия, г. Воронеж, тел. +79202146219;
e-mail: may2005@yandex.ru*

*Voronezh State Technical University
The chair of Russian language and
cross-cultural communication
PhD, associate professor
Sulemina O.V.
Russia, Voronezh, +79202146219
e-mail: may2005@yandex.ru*

О.В. Сулемина

АМБИВАЛЕНТНОСТЬ ОБРАЗА ГЕРОЯ В ТВОРЧЕСТВЕ А.С. ПУШКИНА

В русской классической литературе, особенно в поэзии, образ Героя занимает значимое место. Это обусловлено историческими реалиями (многочисленные войны), но также связано с интересом авторов к выдающимся личностям, меняющим ход истории и бросающим вызов самой Судьбе. Уделял внимание этому образу и А.С. Пушкин. В данной статье мы рассмотрим несколько героических фигур в лирике и поэмах (Наполеон, Карагеоргий, Петр I). Интерес поэта к личности Наполеона не вызывает сомнения. Анализ показывает, что образ Наполеона в «лицейской» лирике трактуется в соответствии с литературной и культурной традицией, мифологизируется и несет ужас. Однако в дальнейшем творчестве Наполеон воспринимается не так однозначно. Ему становятся присущи черты обыкновенного человека, такие как любовь к сыну. Так, мы наблюдаем углубление восприятия героического поэтом. Похож на Наполеона и Карагеоргий, воин, наделенный ужасными качествами, но любящий свою дочь. Отдельное место в пушкинском творчестве занимает образ Петра I, которому тоже свойственна героизация. Если говорить о поэме «Медный всадник», Петр I предстает как победитель природы и покоритель стихии, творец. Его же воплощение в памятнике отражает государственность и хранит историю, оказываясь для обыкновенного человека фигурой пугающей. Таким образом, в работе показана неоднозначность и противоречивость восприятия Героя в пушкинской художественной реальности.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, Герой, страх, поэт, творчество.

O.V. Sulemina

AMBIVALENCE OF THE HERO'S IMAGE IN A.S. PUSHKIN'S WORKS

In Russian classical literature, especially in poetry, the image of the Hero occupies a significant place. This is due to historical realities (numerous wars), but also due to the interest of the authors in outstanding personalities who change the course of history and challenge Fate itself. A.S. Pushkin also paid attention to this image. In this article we will look at several heroic figures in lyrics and poems (Napoleon, Karageorgy, Peter I). The poet's interest in Napoleon's personality is beyond doubt. The analysis shows that the image of Napoleon in the "lyceum" lyrics is interpreted in accordance with literary and cultural tradition, mythologized and carries horror. However, in his further work, Napoleon is not perceived so unambiguously. He becomes characterized by the traits of an ordinary person, such as love for his son. Thus, we observe a deepening of the poet's perception of the heroic. Karageorgy also looks like Napoleon, a warrior endowed with terrible qualities, but loving his daughter. A separate place in Pushkin's work is occupied by the image of Peter I, which is also characterized by heroization. If we talk about the poem "The Bronze Horseman", Peter the Great appears as the conqueror of nature and the conqueror of the elements, the creator. His embodiment in the monument reflects statehood and preserves history, turning out to be a frightening figure for an ordinary person. Thus, the work shows the ambiguity and inconsistency of the perception of the Hero in Pushkin's artistic reality.

Keywords: A.S. Pushkin, Hero, fear, poet, creativity.

Значимое место в творчестве А.С. Пушкина занимают фигуры выдающихся людей – Героев

своей эпохи. Обратимся к более подробному рассмотрению Героев [1] пушкинской художественной реальности, образы которых амбивалентны, и одной из составляющих этих образов является страх, внушаемый окружающим. Первым в ряду исключительных личностей, привлечших внимание Пушкина, по праву должен быть Наполеон.

В лицейских стихотворениях фигура Наполеона несет с собой мистический ужас, становясь его персонифицированным выражением. Дерзостью и масштабом своих действий он соотносим с вселенским злом, это царь-мертвец, либо подобие Люцифера. При этом используются традиционные для «наполеоновской» тематики формулы («восстал вселенной бич» [2; т.1; с.61]; «ужас мира») [2; т.1; с.142]; отсылка к образу Люцифера («зарделась грозная заря» – не только предвестие битвы, но и явление «сына зари» (Обозначение Люцифера в книге пророка Исаии: Исаия 14:12.); «лицо пылающей зари» [2; т. 1; с.89]; «пламенный венец померкнул на челе» [2; т.1; с.110]).

Подобная фразеология созвучна культурно-литературному контексту пушкинской эпохи. Как пример можно привести строки Жуковского: «...С его дымящихся развалин великан, / Питомец ужасов, безвластия и брани, / Воздвигся, положил на скипетр тяжки длани, / И взорами на мир ужасно засверкал — / И пред страшилищем весь мир затрепетал. / Сказав: нет промысла! гигантскою стопою / Шагнул с престола он и следом за звездой / Помчался по земле во блеске и громах...» («Императору Александру. Послание», 1814) [3]. В стихотворении Жуковского Наполеон борется против божьего промысла, что подразумевает воздаяние. Это созвучно пушкинским «Воспоминаниям в Царском селе»: «Отяготела днесь <...> / Десница мстящая Творца. / <...> / Где ты, любимый сын и счастья и Беллоны, / Презревший правды глас и веру, и закон, / В гордыне возмечтав мечем низвергнуть троны? / Исчез, как утром страшный сон!» [2; т. 1.; с.60-63].

Однако уже в «южной» лирике пушкинское понимание образа Наполеона усложняется: теперь Герой предстает (хоть это и не отменяет его бунтарства) как исполнитель воли высших сил: «То был сей чудный муж, посланник провиденья, / Свершитель роковой безвестного веленья» («Недвижный страж дремал на царственном пороге», 1824) [2; т. 2; с.278-279].

Особый путь Наполеона, по мысли Пушкина, осознается им как предначертанный свыше. У Жуковского же *промысл* исподволь противодействует стремлениям Наполеона-страшилища: «И промысл, утаясь, послал к нему свой Страх; / Он тенью грозною везде летел с ним рядом; / И, раздробляющий полки и грады взглядом, / Огромною рукой ту бездну покрывал, / К которой гордого путем успеха мчал» [3]. Страх здесь оказывается не только спутником, своеобразным alter ego Наполеона, но и проводником высшего воздаяния за грехи, служа тайным агентом провидения, ибо страх действует в согласии с Верой: «Лишь Вера в тишине звезды своей ждала, / С святым терпением тяжелый крест лобзала / И взоры на восток с надеждой обращала... / И грозно возблистал спасенья страшный год!» [3].

Таким образом, в послании Жуковского мы наблюдаем развернутую картину наказания гордеца, бросившего вызов судьбе и *Свободе*, за его грехи. Пушкинский же Наполеон, следуя своей судьбе, утверждает значимость свободы: «Хвала!.. Он русскому народу / Высокий жребий указал / И миру вечную свободу / Из мрака ссылки завещал» («Наполеон», 1821) [2; т.2; с.192-194].

В одноименном «южном» стихотворении Наполеон характеризуется уже как «великий человек». Рассмотрим, в чем же состоит его величие. Прежде всего, его жизнь протекала в соответствии с «чудесным жребием». Это говорит об особой «избранности» Героя, ставящей его выше остальных. Он «человечество презрел», его действия – бунт против ничтожества *толпы*. Но в стремлении к самореализации герой нарушает вечные законы вселенной, что ведет к разрушению его самолюбивых планов и влечет наказание. Пушкин рисует Наполеона как раскаявшегося грешника: «Забыв войну, потомство, трон / Один, один о милом сыне / В унынье горьком думал он». [2; т.2; с.192-194] Неоднозначность понимания Пушкиным этого образа прямо усматривается в строках: «Зачем ты послан был и кто тебя послал? / Чего, добра иль зла, ты верный был свершитель?» («Зачем ты послан был и кто тебя послал?», 1824) [2; т.2; с.281].

Кажется, Наполеон для Пушкина прежде всего – исключительный человек, осознавший свою судьбу и осмелившийся следовать ей до конца. В позднем пушкинском творчестве образ Наполеона окончательно очищается от inferнального и апокалиптического колорита, наполняясь человеческим и героическим содержанием. Процесс этой трансформации при помощи «возвышающего обмана» «прорисован» в стихотворении «Герой» (1830): «Нет, не у Счастья на лоне / Его я вижу, не в бою, / <...> / Одров я вижу длинный строй, / Лежит на каждом труп живой, /

<...> / ...он, / Не бранной смертью окружен, / Нахмурясь, ходит меж одрами / И хладно руку жмет чуме, / И в погибающем уме / Рождает бодрость» [2; т.3; с.251-253].

В представлении образа Наполеона воображение поэта следовало за формулой, указанной в том же стихотворении: «Оставь герою сердце! Что же / Он будет без него? Тиран...» Герой и тиран (с точки зрения силы, уникальности положения, возможностей) сходны по своей сути, единственное отличие – наделенность первого сердцем, отвечающим за человечность и любовь. Как было показано выше, впервые *человеческая* составляющая образа Наполеона начинает проявлять себя, когда речь идет о любви к сыну.

Любовь к ребенку роднит фигуры Наполеона и Карагеоргия, одного из «демонических героев свободы» [4] «южной» лирики, который изображен в послании «Дочери Карагеоргия» (1820). Поэт избирает адресатом дочь Героя, поскольку именно она противопоставляет демоническому началу отца «чистую любви молитву», искупая его грехи перед Небом.

Карагеоргию не чужды человеческие качества, например, любовь к дочери: «И лепет твой внимал, и не был чужд веселью». Но он даже «над ... невинной колыбелью убийства нового обдумывал удар». [2; т.2; с.186] Это доказывает, что для героя «войне принадлежит ценностное превосходство над миром, силе над правом, личности над обществом» [4], что сближает его с тираном.

Галерея пушкинских героических персонажей не может быть полной без упоминания Петра I. Интерес Пушкина к фигуре царя-преобразователя особенно активизировался во второй половине 1820-х годов, когда поэт начал «историзировать» собственную биографию, и сохранялся до конца его жизни. Наиболее полно художественное осмысление образа Петра, несомненно, происходит в поэме «Медный всадник» (1833), [ср.: 5; 6; 7; 8] где, помимо этого, перед нами сюжетно разворачивается картина покорения человека (Евгения) роком и его «агентом», страхом.

Не забывая о сложности фигуры Петра (его восприятия не только как исторического лица, но и обожествления или уподобления антихристу, что не раз подробно описывалось [5]), мы сконцентрируем свой взгляд на творческих способностях *чудотворного строителя*.

Размышления Петра о будущем строительстве города очень похожи на поэтические [6]: «На берегу пустынных волн / Стоял он, дум великих полн, / И вдаль глядел. Пред ним широко / Река неслася; ... / И лес, неведомый лучам / В тумане спрятанного солнца, / Кругом шумел. ...» [2; т.5; с.131-150].

Сравним: «Бежит он, дикой и суровый, / И звуков и смятенья полн, / На берега пустынных волн, / В широкошумные дубровы» («Поэт», 1827) [2; т. 3; с.65].

Думы Петра сродни поэтическому воображению: они основаны на глубоком понимании природы (напомним, что для Пушкина воображение – «гениальное знание природы»): «Природой здесь нам суждено / В Европу прорубить окно, / Ногою твердой стать при море». Петербург будто «вырастает» из «натурального субстрата», а не строится, что также указывает на его сопричастность к природному миру: «Прошло сто лет, и юный град, / Полночных стран краса и диво, / Из тьмы лесов, из топи блат / Вознесся пышно, горделиво» [2; т.5; с.131-150]. Однако «тьма» и «топь» наделены inferнальными «страшными» коннотациями, что позволяет говорить о неоднозначной природе Города: он представляет собой гармоничное творческое создание, но основа его гибельна.

Одинокие, «мшистые и топкие» берега, как и воды Невы, оказываются сопричастны к созданию Петербурга: «По оживленным берегам / Громады стройные теснятся / Дворцов и башен; <...> / В гранит оделась Нева; / Мосты повисли над водами; / Темнозелеными садами / Ее покрылись острова» [2; т. 5; с. 131-150]. Употребление возвратных глаголов указывает на то, что невяская природа не объект действия-творения города, а его полноправный соучастник. Возникающий в ряду противопоставлений прошлого и настоящего («низкие берега» – «богатые пристани», «бедный челн – корабли») рядом с фигурой Петра образ «финского рыбака, печального пасынка природы», указывает на восприятие самого Петра как сына природы, действующего с ней в согласии. Таково восприятие Петра с точки зрения Автора поэмы, который любит Петербург за его *строгость, стройность, свет и поэтичность*: «Люблю тебя, Петра творенье, / Люблю твой строгой, стройный вид, / <...> / Твоих задумчивых ночей / Прозрачный сумрак, блеск безлунный, / Когда я в комнате моей / Пишу, читаю без лампы, / И ясны спящие громады / Пустынных улиц, и светла / Адмиралтейская игла» [2; т. 5; с.131-150].

Представляется, что для Петра созданный им *город* оказывается чем-то, похожим на *нерукотворный памятник* лирического субъекта-поэта («рукотворность» города снимается его «вырастанием» из природы по воле Петра). Один Творец (Автор поэмы) приветствует другого (Петра), благословляя его детище: «Красуйся, град Петров, и стой / Неколебимо как Россия, / Да умирится же с тобой / И побежденная стихия; / Вражду и плен старинный свой / Пусть волны финские забудут / И тщетной злобою не будут / Тревожить вечный сон Петра!» [2; т.5; с.131-150].

В этих строках «град Петров» и « вечный сон Петра» сопоставляются, что дает возможность говорить о Городе как воплощении творческого начала его создателя, в котором он себя сохраняет. Таким образом, мы можем наблюдать сосуществование двух памятников Петру: Города и Всадника. Город как «динамический» (по выражению Б. М. Гаспарова) [6] памятник отражает творческую суть его создателя. «Медный всадник» – отражение восприятия Петра жителями Города, для которых Всадник – часть официальной государственной истории и воспринимается как пугающий кумир-истукан. Видимо, поэтому образ и наделяется апокалиптическими, пугающими коннотациями.

Итак, можно сказать, что образы Героев в творчестве А.С. Пушкина всегда неоднозначны, исключительны и зачастую связаны не только с созидательным, но и с разрушительным началом, действуют как посланцы Судьбы и этой Судьбе противостоят, соединяя противоположные черты. Это придает фигуре Героя в пушкинском творчестве глубину и динамизм, предоставляет возможность множественных и неоднозначных ее интерпретаций.

Библиографический список

1. Савинков С.В., Фаустов А.А. Три измерения героического // Аспекты русской литературной характеристики. М.: Изд-во Кулагиной Intrada, 2010. С. 6-83.
2. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 19 т. М.: Воскресенье, 1994 – 1997.
3. Жуковский В. А. // Собрание сочинений: В 4 т. Т.1. М.; Л., 1959. С. 199-210.
4. Паперный В. Свобода и страх в поэтическом мире Пушкина // Семиотика страха / под ред. Норы Брукс и Франсиса Конта. Париж – Москва, 2005. С. 114.
5. Песков А. Памятник Петру Первому работы Фальконе // Семиотика страха / под ред. Норы Брукс и Франсиса Конта. Париж – Москва, 2005. С. 44-64.
6. Гаспаров Б.М. Эпиграф: «Медный всадник» // Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка. СПб.: «Академический проект», 1999. С. 292-326.
7. Фаустов А. А. Авторское поведение Пушкина: Очерки. Воронеж: ВГУ, 2000. С. 213-242
8. Евдокимова С. Медный всадник: история как миф // Russian Literature. 1990. V.XXVIII-IV. P.441-460.

References

1. Savinkov S.V., Faustov A.A. Three dimensions of the geological // Research of the Russian energy industry. Moscow: Publishing house "Cultural Intrada", 2010. pp. 6-83.
2. Pushkin A.S. Complete works: in 19 volumes. M.: Sunday, 1994 – 1997.
3. Zhukovsky V. A. // Collected works: In 4 volumes. Vol.1. M.; L., 1959. pp. 199-210.
4. Paperny V. Freedom and fear in the poetic world of Pushkin // Semiotics of fear / ed. Nora Books and Francis Comte. Paris – Moscow, 2005. p. 114.
5. Peskov A. Monument to Peter the Great by Falcone // Semiotics of fear / ed. Nora Books and Francis Comte. Paris – Moscow, 2005. pp. 44-64.
6. Gasparov B.M. Epilogue: "The Bronze Horseman" // Pushkin's poetic language as a fact of the history of the Russian literary language. St. Petersburg: "Academic Project", 1999. pp. 292-326.
7. Faustov A. A. Pushkin's author's behavior: Essays. Voronezh: VSU, 2000. pp. 213-242
8. Evdokimova S. Modern world: history as a world // Russian literature. 1990. Vol.XXVIII-IV. pp.441-460.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ LANGUAGE AND CULTURE STUDIES

УДК 811.161.1

DOI 10.36622/2587-9510.2024.53.2.012

*Высшая школа социально-гуманитарных наук и международной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова аспирант кафедры русского языка и речевой культуры
Кутлимурадова Н. И.
Россия, г. Архангельск,
тел. +79642938855
e-mail: kutlimuradova1993@gmail.com*

*Higher School of Social Sciences, Humanities and International Communication of Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov
Postgraduate student of the Department of Russian Language and Speech Culture
Kutlimuradova N. I.
Russia, Arkhangelsk,
tel. +79642938855
e-mail: kutlimuradova1993@gmail.com*

Н. И. Кутлимурадова

ПОЭЗИЯ МАХТУМКУЛИ В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

Как очаровательны для меня и не выходящие из памяти сцены, когда в праздничные дни или во время вечерних увеселений какой-нибудь бахши читал стихи Махтумкули!
[Vambery A. Travels in Central Asia. L., 1864, p. 322].

В 2024 году состоится 300-летний юбилей со дня рождения классика туркменской литературы – Махтумкули. В честь этого знаменательного события, стихотворения Махтумкули переводятся и публикуются на различных языках, изучаются и анализируются исследователями. Предметом данного исследования являются переводы стихотворений Махтумкули. Цель работы – рассмотреть жизнь и творчество Махтумкули в работах исследователей, поэтов, переводчиков. Самая ранняя публикация его стихотворений в Европе была сделана в 1842 г. А. Ходзько, который был консулом Российской империи в Персии и востоковедом. Далее творчеством поэта интересовались российские и зарубежные исследователи В. И. Березин, Ф.А. Бакулин, А. Вамбери и другие исследователи. В годы советской власти увеличивается интерес к восточным переводам, в том числе к трудам Махтумкули, и переводы стихотворений на русском языке стали доступны для широкого круга русскоязычных читателей. В юбилейные даты переиздавались переводы, сделанные А. Тарковским, Г. Шенгели, М. Гордиенко, А. Ревичем и другими переводчиками. Исследователи и переводчики высоко оценивали творчество туркменского поэта Махтумкули, хотя и некоторые из них отмечали сложность восточного перевода. В переводных текстах сборников стихотворений поэта отражается культурно-национальная специфика народа. Методами исследования являются описательный метод, свободная интерпретация фактического материала.

Результаты данной работы могут быть применены в рамках изучения дисциплин «Русский язык и культура речи», «Русский язык как иностранный», «Русский язык и литература», «Стилистика», «Текстология», «Переводоведение» и др.

Ключевые слова: Махтумкули, поэзия, туркменская литература, переводы стихотворений, переводчики.

N. I. Kutlimuradova

MAKHTUMKULI'S POETRY IN THE CONTEXT OF RUSSIAN LINGUOCULTURE

In 2024, the 300th anniversary of the birth of Makhtumkuli, a classic of Turkmen literature, will take place. In honour of this significant event, Makhtumkuli's poems are translated and published in various languages, studied and analysed by researchers. The subject of this study is translations of Makhtumkuli's poems. The aim of the work is to examine the life and work of Makhtumkuli in the works of researchers, poets and translators. The earliest publication of his poems in Europe was made in 1842 by A. Khodzko, who was the consul of the Russian Empire in Persia and an orientalist. Further Russian and foreign researchers V.I. Berezin, F.A. Bakulin, A. Vambery and other researchers were interested in the poet's work. During the years of Soviet power, interest in Oriental translations, including the works of Makhtumkuli, increased, and translations of poems in Russian became available to a wide range of Russian-speaking readers. On the anniversary dates, translations by A. Tarkovsky, G. Shengeli, M. Gordienko, A. Revich and other translators were republished. Researchers and translators highly appreciated the work of the Turkmen poet Makhtumkuli, although some of them also noted the complexity of oriental translation. The translated texts of the poet's collections of poems reflect the cultural and national specificity of the people. The methods of research are descriptive method, free interpretation of factual material.

The results of this work can be applied in the framework of studying the disciplines "Russian language and Culture of Speech", "Russian as a Foreign Language", "Russian Language and Literature", "Stylistics", "Textology", "Translation Studies", etc.

Key words: Makhtumkuli, poetry, Turkmen literature, translations of poems, translators.

В 2024 г. в тюркских странах широко отпразднуют 300-летний юбилей Махтумкули. По мнению Карыева С. А., переводы поэзии Махтумкули на русский язык представляют художественный мир туркменской литературы для русского читателя. Творчество поэта считается вершиной туркменской лирической поэзии [2, с. 485-487]. Наследие Махтумкули быстро получило распространение благодаря творчеству бахши, так как он освещал в произведениях актуальные вопросы жизни народа. Бахши (народный певец, музыкант, поэт, исполнитель фольклора) [3]. А. Вамбери, венгерский востоковед, путешественник, полиглот, в книге «Путешествие в Среднюю Азию» [1] писал о том, что «...более высоким и возвышенным наслаждением считается, когда на сцену выходит бахши и под аккомпанемент своего дутара (двухструнного инструмента) исполняет несколько песен Кёроглу, Аман-Моллы или национального поэта Махтумкули, которого они полубожественно почитают» [1, с. 321]. Феномен Махтумкули заключается в том, что авторство поэтических текстов сохранились, однозначно определялось и определяется, несмотря на устную форму передачи части произведений. Народ передавал его стихотворения из уст в уста. Часть произведений дошла до современников в оригинальной письменной форме, другая часть в скопирована близким окружением поэта, учёными по подлинникам. Они хранятся в России в рукописном собрании СПбФ ИВ РАН, в Казани в фонде Отдела рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского КФУ, Туркменистане в институте Национальных рукописей, в Узбекистане в фонде Института рукописей Академии наук РУз им. Х. С. Сулейманова, в Будапеште в Информационном центре академии наук Венгрии, в Азербайджане, Иране и в некоторых других странах. Тексты устного бытования были зафиксированы исследователями восточной поэзии и культуры. Так, они были записаны А. Ходзко – польский поэт, востоковед, профессор, дипломат и размещены в первом европейском сборнике [4], опубликованном в Лондоне в 1842 г. в разделе туркменские песни.

Сборник А. Ходзко способствовал популяризации туркменской поэзии и натолкнул исследователей на новый объект изучения – ориенталистику [5]. Махтумкули получает статус классика туркменской литературы. В честь юбилея в 2024 г. организуются научные конференции, конкурсы творческих работ, концерты в разных странах мира. По предложению Туркменистана, 300-летний юбилей поэта был включен в список памятных дат ЮНЕСКО на 2024-2025 гг., а также коллекция произведений Махтумкули Фраги вошла в реестр ЮНЕСКО «Память мира» [6, с. 43]. Она включает более 80 диванов (собрание малых стихотворений), распространенных в XVIII-XIX вв.

Махтумкули родился в селении Хаджи-Говшан (Туркменистан) в 1724 г. [7, с.58]. Ряд стихотворений поэт подписывал своим псевдонимом Фраги, означающим в переводе с персидского «разлученный». Отец Махтумкули – Довлетмаммет Азади тоже был известным туркменским поэтом и первым его учителем. Махтумкули продолжил обучение в медресе Бухарского ханства и Хивинского ханства [7, с. 58].

Портрет Махтумкули в исполнении А. Хаджиева. 1947 г.

Вторая половина XVIII в. была в истории туркмен периодом захватнических набегов соседних стран и периодом, когда туркмены жили племенами, а не было государственности, вследствие чего проливалась кровь. Об этом Махтумкули писал стихи и призывал к объединению туркмен:

Враг властвует, – а день за днем идет,

В страданиях за родом гибнет род...

И мы – туркмены – терпим этот гнет!

Вставайте, братья, нам нельзя смириться! [8, с. 9].

Он верил в будущее туркмен, в их силу и мечтал, что будет жить как единая семья:

Единой семьей живут племена.

Для тоя расстелена скатерть одна.

Высокая доля отчизне дана,

И таит гранит пред войсками Туркмении. [8, с. 9].

Кроме темы исторической судьбы народа, поэзия Махтумкули затрагивает различные проблемы – угнетение бедняков, пороки людей, лень, скудость, трусость. Так, тема любви занимает большое место в творчестве, и связана с природными, социальными и религиозными мотивами.

Поэтическое наследие Махтумкули – объект культурологического и филологического исследования. Рассмотрим основные. В лондонском сборнике А. Ходзко опубликовал три текста Махтумкули в переводе на английский язык в разделе «Туркменские песни» («Махтумкули – своей матери», «Мудрые мнения» и «Зимние воспоминания»), записанные в 1833 г. во время путешествия по Северному Хорасану. Перед текстами стихотворений дается краткая биографическая справка о Махтумкули и его творчестве. Приведем высказывание А. Ходзко о Махтумкули из сборника: «Несколько последующих его стихотворений, которые мы должны представить нашим читателям, дадут подтверждение гениальности этого замечательного человека». Он отмечал среди черт поэзии Махтумкули философские размышления о пустоте мирских вещей, о бренности земных дел и любовь к природе. Отметим, что последняя особенность является редкостью для азиатских поэтов [4, с. 391].

И. Ф. Бларамбергом в 1841 г. была подготовлена работа «Статистическое обозрение Персии», в которой сделан русский прозаический перевод стихотворений Махтумкули, опубликованная в 1853 г. [9].

Считается, что первый русский знаменитый перевод двух стихотворений поэта, вышедший в 1872 г., принадлежит Ф. Бакулину [10]. В конце XIX – начале XX в. русская аудитория познакомилась с трудами Махтумкули благодаря И. Н. Березину, В. В. Радлову, В. В. Бартольду, А. Е. Крымскому, А. Н. Самоловичу, В. Э. Бертельсу, И. А. Беляеву, Б. А. Каррыеву и другим.

К началу XX в. стихи Махтумкули стали достоянием общественности после публикаций востоковеда Н. П. Остроумова в 1907 г., затем в 1911 г. вышел сборник стихотворений поэта под руководством А. Ниязи, позднее, в 1914 г. под руководством К. Гургени.

Академик А. Н. Самойлович занимался изучением туркменской литературы и, в частности, творчества Махтумкули. Он составил «Указатель к песням Махтумкули», который включал 197 стихотворений. В 1945 г. в Москве Г. Шенгели выпустил сборник переводов избранных стихотворений Махтумкули. В послевоенные годы вырос интерес известных переводчиков к стихотворениям туркменского поэта, в частности, А. Тарковского, М. Тарловского, Г. Шенгели и других, которые проделали огромную работу по переводу стихов Махтумкули на русский язык и издали их отдельными книгами. В 1949 г. был издан сборник избранных стихов в Ленинграде. Так русскоязычная аудитория получила возможность ознакомиться со стихами Махтумкули на родном языке. В 1960 г. в Ашхабаде и в Москве были изданы сборники Махтумкули на русском языке [11]. В них вошли переводы А. Тарковского, М. Тарловского, Г. Шенгели,

Ю. Гордиенко, Т. Спендиаровой, Н. Лебедева, Ю. Нейман, А. Кронгауза, Д. Старостина, Ю. Валича. В 1974 г. в Ашхабаде издали в русском переводе сборник избранных стихотворений Махтумкули в честь 250-летия со дня рождения поэта [12], в 1977 г. в Ташкенте [13], 1983 г. в Москве [8], 1984 г. в Ленинграде [14], в 1989 г. в Ашхабаде [15], в 2014 г в Ашхабаде [16].

А. Тарковский о своей переводческой деятельности говорил, что европейская поэзия открылась через чтение, а восточная – гораздо позже – через переводы, что ему было интереснее переводить стихи, далекие от него. Он находил точки соприкосновения в восточной поэзии: «Так было с Махтумкули, великим туркменским поэтом XVIII века» [17]. О сложности восточного перевода А. Тарковский писал в стихотворении «Переводчик»:

*Ах, восточные переводы,
Как болит от вас голова* [18].

Данное стихотворение было написано в «годы молчания», когда вышло постановление против журналов «Звезда» и «Ленинград» и приостановили публикацию книг А. Тарковского. Автору приходилось зарабатывать восточными переводами. В воспоминаниях поэта и переводчика М. Синельникова, опубликованных в 1997 г. в журнале «Дружба народов» А. Тарковский говорил о своем представлении о счастье так: «... в раскаленной ашхабадской гостинице сидеть в ледяной ванне, и чтобы весь пол был покрыт дынями, и время от времени подкатывать к себе еще одну, резать и есть... И так я жил в Ашхабаде и переводил Махтумкули» [19]. При этом он не получал удовольствия от данной работы «... я всегда переводил с омерзением ко всему переводимому. Делал сто строк в день. И если выходило сразу, отправлялся есть дыни и бросал стихотворение, пусть даже оно кончалось на сто первой. А если не получалось, сидел всю ночь...» [19]. Звание «переводчик» для него было неким клеймом, но тем не менее, он знал цену своим переводам. В 1971 г. А. Тарковский получил государственную премию Туркменской ССР им. Махтумкули.

М. Синельников в своем интервью отмечал: «Но Кемине – поэт крупный, а Махтумкули – непомерно большой, грандиозный. И вот он выглядит по-русски как один из величайших когда-либо рождавшихся песнопевцев. Редко бывает, когда гениальный автор и в переводе ощущается гением. Махтумкули переводили многие, иные – мастерски. Однако совершить невозможное удалось только Тарковскому» [19]. М. Синельников считал работу над стихотворениями Махтумкули главным творением А. Тарковского, превосходящим все его остальные, сравнивал стихи Махтумкули в сборнике избранных стихов «особняком», «золотым слитком» и «пылающим углем» [19]. В одном из интервью А. Тарковский говорил: «Переводы для поэта – черный хлеб, а свои стихи – праздник!», бывали и более резкие высказывания: «Переводы сосут лимфу!» [19]. В лирическом образе Махтумкули А. Тарковский передает свои ощущения поэтического слова

*Соловьё – цветок любимый,
Мне, Фраги, – народ родимый;
Стих мой скромный, стих гонимый
Правнук мой произнесет* [20, с. 460].

Другой переводчик туркменского гения Г. Шенгели был знаком с А. Тарковским. А. Тарковский о нём положительно отзывался в своих автобиографических записках: «Шенгели был, если мне позволено сказать так, – стихотворней любой поэмы, какую можно было бы о нем написать <...> Мне хотелось бы, чтобы у всех молодых людей, ищущих ключа к искусству или науке, был свой Шенгели – без него так трудно!» [21]. В сборнике стихотворений Махтумкули, изданном в честь юбилейной даты, переводы Г. Шенгели занимают второе место по количеству после А. Тарковского [8]. В отрывке, приведённом ниже, текст Махтумкули в интерпретации Г. Шенгели:

*Возиться ни к чему с душой неблагородной:
Не станет золотом начищенная медь;
Вовек не справиться со склонностью природной:
Вороне, ворону, как соловью, не петь* [8, с. 243].
Отрывок из перевода М. Гордиенко:
*Здоровье свое цени, не заболел пока.
Всех болезней страшной минут предсмертных тоска* [8, с. 257].

В 1982 г. издан сборник избранных стихотворений, поэм и переводов А. Тарковского, куда вошли и 65 стихотворений Махтумкули [20]. В 1955 г. опубликована книга «Классики туркменской поэзии» [22], в 1971 г. «Поэты Туркмении» [23], 1991 г. «Свиток столетий. Тюркская классическая поэзия XIII – XX веков» [24], содержащие и стихи Махтумкули.

Жизнь и творчество Махтумкули – яркий пример того, как поэт становится духовным лидером народа и национальным авторитетом. Он был проповедником нравственных норм, призывал жить в мире и со-

гласии, и туркменский народ вне зависимости от племени чтит и уважал его мнение. И исследователи отмечали то, что туркменам стихотворения Махтумкули оказывают философские и нравственные идеи. Несмотря на то, что многие рукописи поэта были уничтожены при захватнических набегах, его творчество продолжало существовать и передаваться из уст в уста. Произведения Махтумкули в исполнении бахши привлекали внимание исследователей с XIX в., и таким образом начали записывать и публиковать тексты. Российские востоковеды, тюркологи внесли значительный вклад в изучение и доведение произведений до русскоязычных читателей. Переводы стихотворений Махтумкули, сделанные А. Тарковским, Г. Шенгели, М. Гребневым и другими переводчиками, позволяют русскоязычным читателям прикоснуться к культуре и истории туркмен. С 1842 г. по сей день публикуются произведения Махтумкули на различных языках мира, в том числе и на русском языке.

Библиографический список

1. Vambery A. Travels in Central Asia. L., 1864. <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.228469/page/n353/mode/2up?view=theater>
2. Каррыев С. А. Махтумкули // История всемирной литературы: В 8 томах / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1983-1994. На титл. л. изд.: История всемирной литературы: в 9 т. Т. 5. 1988. С. 485-487.
3. Успенский В., Беляев В. Туркменская музыка. М., 1928; Антология туркменской поэзии. М., 1958. 377 с. URL: <http://feb-web.ru/feb/kle/kle-abc/ke1/ke1-4774.htm>
4. Chodzko A. Specimens of the Popular Poetry of Persia. L., 1842. <https://ia800906.us.archive.org/15/items/specimensofpopul00chod/specimensofpopul00chod.pdf>
5. Грицкевич В. П. Александр Ходзько (1804-1891) и его вклад в развитие иранистики и тюркологии // Страны и народы Востока. Вып. XXV. География. Этнография. История. М., 1987. С. 41-52.
6. Решения, принятые Исполнительным советом на его 216-й сессии. С. 43. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000385627_rus
7. Соегов, М. Некоторые вопросы туркменской литературы и истории в научном наследии А.-3. Валидова-Тогана (к 290-летию Махтумкули Фраги) / М. Соегов // Проблемы востоковедения. 2014. № 3. С. 57-64.
8. Махтумкули. Избранное. Пер. с туркм. М.: Худож. лит., 1983. 414 с.
9. Бларамберг И. Ф. Статистическое обозрение Персии, составленное подполковником И. Ф. Бларамбергом в 1841 году. Санкт-Петербург: тип. Имп. Акад. наук, 1853. 358 с. URL: <https://elib.rgo.ru/safe-view/123456789/232416/1/MjEwNjVfQmxhcmFtYmVyZyBJLkYuFN0YXRpc3RpY2hlc2tvZSBvYm96cmVuaWUgUGVyc2lpLnBkZg>
10. Бакулин Ф. Песни у туркмен и поэт их Махтум-Кули. Известия Кавказского отдела Имп. Русского географического общества. Тифлис, 1872, т. 1, № 3. URL: <https://elib.rgo.ru/handle/123456789/213727>
11. Махтум-Кули. Избранное. М.: ГИХЛ. 1960. 560 с.
12. Махтумкули. Избранное. А.: Туркменистан. 1974. 342 с.
13. Махтумкули. Избранная лирика. Ташкент: Издательство ЦК КП Узбекистана. 1977. 80 с.
14. Махтумкули. Стихотворения. Ленинград: Советский писатель. Ленинградское отделение. 1984. 384 с.
15. Махтумкули. Стихотворения. Ашхабад: Туркменистан. 1989. 192 с.
16. Махтумкули. Избранные стихотворения. А.: Ылым, 2014. 544 с.
17. Большое интервью Арсения Тарковского Кириллу Ковальджи. Часть 3. URL: <https://ru-tarkovsky.livejournal.com/152986.html>
18. Тарковский А. Переводчик. URL: <https://www.ruthenia.ru/60s/tarkovskij/perevodchik.htm>
19. Бек Т. Венок Арсению Тарковскому // Дружба Народов. № 6. 1997. URL: <https://magazines.gorky.media/druzhba/1997/6/venok-arseniyu-tarkovskomu.html>
20. Тарковский А. А. Избранное: Стихотворения; Поэмы; Переводы. 1929-1979. М.: Худож. лит., 1982. 736 с.
21. Георгий Шенгели // 45-я параллель: классическая и современная русская поэзия. Выпуск № 30 (345) от 21 октября 2015 года. URL: https://45parallel.net/georgiy_shengeli/
22. Классики туркменской поэзии. М.: Гослитиздат. 1955. 327 с.
23. Поэты Туркмении. Л.: Советский писатель. Ленинградское отделение. 1971. 808 с.
24. Свиток столетий. Тюркская классическая поэзия XIII-XX веков. Л.: Изд. Ленинградского университета. 1991. 712 с.

References

1. Vambery A. Travels in Central Asia. L., 1864. <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.228469/page/n353/mode/2up?view=theater>

2. Karryev S. A. Makhtumkuli // History of World Literature: In 8 volumes / USSR Academy of Sciences; A. M. Gorky Institute of World Literature. Moscow: Nauka, 1983-1994. On the title page of the edition: History of World Literature: in 9 vols. T. 5. 1988. C. 485-487.
3. Uspensky V., Belyaev V. Turkmen music. M., 1928; Anthology of Turkmen poetry. M., 1958. 377 p. URL: <http://feb-web.ru/feb/kle/kle-abc/ke1/ke1-4774.htm>
4. Chodzko A. Specimens of the Popular Poetry of Persia. L., 1842. <https://ia800906.us.archive.org/15/items/specimensofpopul00chod/specimensofpopul00chod.pdf>
5. Gritskevich V. P. Alexander Khodzko (1804-1891) and his contribution to the development of Iranistics and Turkology // Countries and Peoples of the East. Vol. XXV. Geography. Ethnography. History. M., 1987. Pp. 41-52.
6. Decisions adopted by the Executive Board at its 216th session. Pp. 43. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000385627_rus.
7. Soegov, M. Some issues of Turkmen literature and history in the scientific heritage of A.-3. Validov-Togan (to the 290th anniversary of Makhtumkuli Fraghi) / M. Soegov // Problems of Oriental Studies. 2014. № 3. Pp. 57-64.
8. Makhtumkuli. Selected Works. Per. from Turkm. Moscow: Khudozhestvennyi lit., 1983. 414 p.
9. Blaramberg I. F. Statistical Review of Persia, compiled by Lieutenant Colonel I. F. Blaramberg in 1841. St. Petersburg: type. Imp. Acad. of Sciences, 1853. 358 p. URL: <https://elib.rgo.ru/safe-view/123456789/232416/1/MjEwNjVfQmxhcmFtYmVyZyBJ>
10. Bakulin F. Pesni u turkmen i poet ikh Makhdum-Kuli. Izvestiia Kavkazskogo otdela Imp. Russkogo geograficheskogo obshchestva. Tiflis, 1872, t. 1, № 3. URL: <https://elib.rgo.ru/handle/123456789/213727>
11. Makhtum-Kuli. Selected. MOSCOW: GIHL. 1960. 560 p.
12. Makhtumkuli. Selected. A.: Turkmenistan. 1974. 342 p.
13. Makhtumkuli. Selected lyrics. Tashkent: Publishing House of the Central Committee of the Communist Party of Uzbekistan. 1977. 80 p.
14. Makhtumkuli. Poems. Leningrad: Soviet Writer. Leningrad Branch. 1984. 384 p.
15. Makhtumkuli. Poems. Ashgabat: Turkmenistan. 1989. 192 p.
16. Makhtumkuli. Selected poems. A.: Ylym, 2014. 544 p.
17. Big interview of Arseny Tarkovsky with Kirill Kovaldzhii. Part 3. URL: <https://ru-tarkovsky.livejournal.com/152986.html>
18. Tarkovsky A. Translator. URL: <https://www.ruthenia.ru/60s/tarkovskij/perevodchik.htm>
19. Beck T. Wreath to Arseny Tarkovsky // Druzhba Narodov. № 6. 1997. URL: <https://magazines.gorky.media/druzhba/1997/6/venok-arseniyu-tarkovskomu.html>
20. Tarkovsky A. A. Selected: Poems; Poems; Translations. 1929-1979. Moscow: Khudozhestvennyi lit., 1982. 736 p.
21. Georgi Shengeli // 45th Parallel: Classical and Modern Russian Poetry. Issue No. 30 (345) dated 21 October 2015. URL: https://45parallel.net/georgiy_shengeli/
22. Classics of Turkmen poetry. Moscow: Goslitizdat. 1955. 327 p.
23. Poets of Turkmenistan. L.: Soviet Writer. Leningrad branch. 1971. 808 p.
24. Scroll of Centuries. Turkic classical poetry of the XIII-XX centuries. L.: Izd. of Leningrad University. 1991. 712 p.

УДК 81'282.2

DOI 10.36622/2587-9510.2024.53.2.013

*Воронежский государственный
технический университет
канд. филол. наук, доцент кафедры русского
языка и межкультурной коммуникации
Недоступова Л.В.
Россия, Воронеж, 89204697860
e-mail: nedostupowa2009@yandex.ru*

*Voronezh State Technical University
The chair of Russian language and Intercultural
communication
PhD, associate professor
Nedostupova L.V.
Russia, Voronezh, 89204697860
e-mail: nedostupowa2009@yandex.ru*

Л.В. Недоступова

ОБРАЗ СОВРЕМЕННОГО МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА В НЕОФИЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОНИМИИ

Работа посвящена рассмотрению прозвищ, используемых в негласной обстановке, не получивших научного рассмотрения. Целью статьи оказывается выявление имён студентов, функционирующих в роли неофициальных, образованных от фамилий, и их отличительных особенностей, репрезентирующих образ молодого человека в сфере кулуарного общения. Объектом изыскания выступают фамильные прозвища и их специфические черты. Предметом исследования стали номинации, зарегистрированные в неформальной обстановке в 2023 году. При написании статьи использовались методы опроса, наблюдения, статистического подсчёта, описания и анализа. В процессе работы обнаружено 147 неофициальных антропонимов, среди которых 129 мужских и 18 женских. В представленном именнике отображены вариативные прозвища: 7 обладателей 2-х и 2 обладателя 3-х названий. Отмечены 2 номинации, совпадающие по написанию и звучанию, принадлежащие 4-м студентам; 2 составных именованья и 1 сложное; 14 прозваний (11 мужских и 3 женских), совпадающих с именами людей и их формами, но не являющихся таковыми; 2 антропонима, совпадающих с фамильными формами отчества. Установлены способы образования неофициальных именованья: усечения фамилии, усечения фамилии и добавления суффиксов, увеличение основы путём добавления суффикса (-ов), изменение слова, приём языковой игры. Замечено, что вторичные номинации приобретают форму мужского, среднего и женского рода, хотя носителями выступают представители женского и мужского пола. Рассмотрены ассоциативные характеристики, рисующие образ человека работой воображения и ума, меткостью и юмором, изощрённостью и остротой имянаречения. Репрезентированное пространство оригинальных именованья помогает обрести новое представление о языковой ситуации в студенческом социуме.

Ключевые слова: неофициальное имя, антропоним, номинации, отличительные особенности, ассоциативные характеристики, образ человека, кулуарное общение.

L.V. Nedostupova

THE IMAGE OF A MODERN YOUNG MAN IN UNOFFICIAL ANTHROPONYMY

The work is devoted to the consideration of nicknames used in secret situations that have not received scientific consideration. The purpose of the article is to identify the names of students functioning in the role of unofficial ones, formed from surnames, and their distinctive features that represent the image of a young man in the sphere of behind-the-scenes communication. The object of the research is family nicknames and their specific features. The subject of the study was nominations registered informally in 2023. When writing the article, the following methods were used: survey, observation, statistical calculation, description and analysis. During the work, 147 unofficial anthroponyms were discovered, including 129 male and 18 female. The presented name list displays variable nicknames: 7 owners of 2 and 2 owners of 3 names. 2 nominations were noted, matching in spelling and sound, belonging to 4 students; 2 compound names and 1 complex; 14 nicknames (11 male and 3 female), coinciding with the names of people and their forms, but not being such; 2 anthroponyms coinciding with familiar forms of patronymics. Methods for forming unofficial names have been established: truncation of the surname, truncation of the surname and adding suffixes, increasing the base by adding suffix(s), changing the word, using a language game. It has been noticed that secondary nominations take the form of masculine, neuter and feminine, although the carriers are representatives of the female and male genders. The

associative characteristics that paint the image of a person through the work of imagination and mind, accuracy and humor, sophistication and sharpness of naming are considered. The represented space of original names helps to gain a new understanding of the language situation in student society.

Key words: unofficial name, anthroponym, nominations, distinctive features, associative characteristics, human image, behind-the-scenes communication.

Известно, что для современной науки высокую актуальность имеет антропоцентрический подход в проведении исследований. Главная цель – «поставить человека во главу угла во всех теоретических предпосылках научного исследования и обуславливает его специфический ракурс» [1; с. 212] определяет перед сообществом учёных новые задачи.

Важно отметить, что имена людей (антропонимы), функционирующие в разных сферах коммуникации, становились объектом изысканий не одно десятилетие, однако по-прежнему привлекают внимание лингвистов.

Прежде всего, укажем, что «антропонимы – любые собственные имена, которые может иметь человек или группа людей. Совокупность антропонимов называется антропонимией» [2; URL]. Вместе с тем «антропонимия образует в языке особую подсистему <. В науке о личных именах общие законы языка преломляются специфически, кроме того, возникают свои собственные закономерности, которых нет в языке вне её» [3; с. 6].

Уточним, что «к изучению прозвищных именовании молодёжи в своих исследованиях в разные годы обращались: А.С. Щербак, А.А. Бурькин [14]; Е.С. Шостка [15]; Н.А. Родина [10–12]; Л.В. Недоступова [7–8]; М.Ю. Морозова [6]; Т.А. Бочкарёва, Ю.В. Комкова [1]; Т.В. Федотова [13]; В.А. Макаренко [3]; А.А. Бурченкова [2] и многие другие» [4; с. 8].

Между тем практика показывает, что многие аспекты языка ещё не получили достаточного рассмотрения и в XXI веке ждут своих исследователей.

Целью статьи оказывается выявление имён студентов, функционирующих в роли неофициальных, образованных от фамилий, и их отличительных особенностей, репрезентирующих образ молодого человека в сфере кулуарного общения.

Предметом исследования стали номинации, зарегистрированные в неформальной обстановке в студенческом коллективе в 2023 году. Объектом изыскания выступают фамильные прозвища, отображающие молодого человека, их специфические особенности. В процессе написания статьи использовались методы опроса, наблюдения, статистического подсчёта, описания и анализа.

Известно, что «неофициальное имя – это форма личного имени, обладающая определенным семантическим приращением (коннотацией), употребляющийся в неофициальной ситуации общения или любом дискурсе, моделирующем подобную ситуацию» [5; с. 75].

Заметим, «именования – яркий показатель отношений между коммуникантами, социальный маркер индивидуума в определенной ситуации, особенно в неформальной» [6; с. 13]. Тем не менее, они у «представителей различных возрастных категорий и общественных групп имеют отличительные особенности. Речь молодого поколения не исключение, поскольку отражает современный язык в его проявлениях» [4; с. 8].

По мнению Т.Т. Денисовой, «возрастной пик бытования прозвищ – школьная и студенческая среда. Чем старше человек, тем менее он стремится выделить себя прозвищем» [7; с. 19].

Следует также учитывать, что «в наречении субъекта прозвищем участвует весь или почти весь социально однородный коллектив, хотя прозвище может быть придумано кем-то одним, но поддерживается всем коллективом и поддерживается вне каких-то определенных правил» [8; с. 214].

В процессе длительного сбора языкового материала в молодёжной среде мы получили своеобразный именник. Посредством используемых в коммуникативных ситуациях кулуарного общения антропонимов можно рассмотреть образ носителя.

Необходимо указать, что в настоящей статье под образом мы понимаем представление о человеке, отражённое глазами его окружения с помощью отфамильных именовании.

Продемонстрируем выявленные неофициальные антропонимические единицы:

Ландыш – Ланин,	Поверхностный, Нижний – Без-	Тамбол – Тамболов,
Лапоть – Лаптев,	верхний,	Тарас – Тарасов,
Лёшик – Лёликов,	Пожик – Пожидаев,	Татар, Татарин – Татаринков,
Ливан – Ливанов,	Полезный – Подлесных,	Тёплый – Типлеченко,
Лис – Лисов,	Порошенко – Дорошенко,	Тимофей, Котофей – Тимофеев,
Логач – Логачёв,	Потёла – Потельников,	Титькин – Титов,
Лопата – Лопатина,	Пётрик – Петренко,	

Лужок – Луговенко,	Псков – Псковский,	Тогуш – Тогушев,
Лунтик – Лучаенко,	Пчёлкин – Мёдов,	Топор – Топорова,
Мазадаева – Казадаева ,	Пичужка – Пичугина	Токарь – Токарев,
Маёк – Майков,	Победа – Побединский, Пу́тя –	Топчик – Топчиёв,
Макар – Макаренко,	Путинцев,	Тру́нча– Трунаева,
Макарон – Макаров,	Разго́н– Разгоняев,	Турель – Туралин,
Ма́киш – Макишвили,	Репка – Репкин,	Тяпа – Тепляков, 122
Мал – Малаин,	Рома́ныч– Романов,	Уксус – Уксусов,
Маршал – Маршалов,	Ры́бка– Рыбков,	Улан-Удэ – Уланов,
Маруся – Марушкин,	Ряза́нец– Рязанцев,	Ус – Усов,
Майор – Майоров,	Салат Цезарь – Саладухин,	Фундук – Фундукова,
Майорка – Майорова,	Саф, Сафон, Сафончик – Сафо-	Холодец – Холодцов,
Ма́сол– Маслов,	нов,	Хомяк – Хомяков,
Матвей – Матвеев,	Се́рик– Сериков,	Хохол – Хохлов,
Маяк, Мая, Май – Маяков,	Се́рый– Серов,	Хлыстиха – Хлыстов,
Мёд – Мёдов,	Серый – Серобабин,	Хмель – Хмелёнкин,
Мизя – Мизенин,	Сигач – Сигачёв,	Хрусля – Хруслова,
Мизяй – Мизнев,	Сгущёнка – Гущин,	Царь – Царёв,
Миняш – Миняев,	Скавроха – Скавронская,	Цветок – Цветков,
Мирон – Миронов,	Ски́биха– Скиба,	Челпан – Челпанов,
Митрофан – Митрофанов,	Скри́пка– Скрипников,	Чепа – Чепенко,
Митяй – Митюков,	Смайлик – Улыбышев,	Черобаиха – Черобаева,
Михальч – Михайлов,	Соблик, Зяблик – Собликов,	Честер – Честеров,
Мокляк – Мокляков,	Сокол – Соколов,	Чик – Чиков,
Моло́ха– Молошников,	Сом – Самсонов,	Чика – Чекмизов,
Моня – Моняхина,	Сопля – Сопельников,	Чирка – Чиркова,
Мо́рус– Морусов	Сосна – Сосновский,	Шамиль – Шамарин,
Мука , Мук – Муковнина,	Серьга – Сериков,	Шам – Шамшин,
Мухич – Мухин,	Смирный – Смирнов,	Шарап – Шарাপов,
Мясо – Мяснинкин,	Смола – Смольянинов,	Шах – Шаховских,
Назик, Черномазик – Назаров,	Сдоба – Сдобников,	Шашуля – Шашкин,
Немец – Немцов,	Сигай – Сигаев,	Шева – Шевченко,
Немец – Шнайдер,	Сидр – Сидоренко,	Ширик – Широков,
Ольха – Ольховик	Суба, Субоч – Субочев,	Шишка – Шишкина,
Орёл – Орлов,	Суббота – Субботин,	Шкода Октавия – Шкодкина,
Орех, Оре́шек– Орехов,	Сударь – Судариков,	Школа – Школьников,
Пэнфилд – Панфилов,	Сулейман – Сулейманов,	Шмидтина – Шмидт,
Панама – Пономарёв,	Сухарик – Сухарев,	Шмара – Шмарова,
Панкрат – Панкратов,	Старый – Стародуб,	Шура – Шашурина,
Панкевич – Панков,	Степашка – Степаненко,	Шурпа – Журба,
Папоротник – Папонов,	Сторож – Сторожев,	Щёголь – Щеглов,
Пасечник, Пасха – Пасочник,	Стрелец – Стрельцов,	Юсуп – Юсупов.

Таким образом, **147** именованний сопровождают их носителей в сфере неофициального общения в студенческой жизни. Стоит обратить внимание на то, что вторичные номинации приобретают форму мужского, среднего и женского рода, хотя носителями выступают представители женского и мужского пола.

Среди них нами выделены **14 прозваний, совпадающих с именами людей и их формами**, используемыми в официальной обстановке, но не являющихся таковыми. В их числе 11 лексем, схожих с мужскими именами и 3 с женскими: *Макар* – Макаренко (совпадает с мужским именем), *Маруся* – Марушкин (совпадает с разговорной формой женского имени Мария, но принадлежит представителю мужского пола), *Матвей* – Матвеев (совпадает с мужским именем), *Мая* – Маяков (совпадает с женским именем, но принадлежит представителю мужского пола), *Мирон* – Миронов (совпадает с мужским именем), *Митрофан* – Митрофанов (совпадает с мужским именем), *Митяй* – Митюков (совпадает с мужским именем), *Панкрат* – Панкратов (совпадает с мужским именем), *Тарас* – Тарасов (совпадает с мужским именем), *Тимофей* –

Тимофеев (совпадает с мужским именем), *Шамиль* – Шамарин (совпадает с арабским мужским именем), *Шаран* – Шарапов (совпадает с мужским именем), *Шура* – Шашурина (совпадает с уменьшительно-ласкательной формой имени Александр/-а), *Юсуп* – Юсупов (совпадает с мужским именем тюркского происхождения) и др.

Кроме того, выявлены антропонимы, совпадающие с *фамильярными формами отчества*: *Михалыч* – Михайлов, *Романыч* – Романов.

Наблюдения позволяют говорить о том, что в выборе вариантов при именовании наблюдается свобода. Это можно продемонстрировать на разных моделях. Так, в частности, обладателями вариативных имён являются носители 2-х и 3-х прозваний одновременно. Конкретизируем: *Суба*, *Субоч* – Субочев; *Татар*, *Татарин* – Татаринков; *Тимофей*, *Котофей* – Тимофеев; *Назик*, *Черномазик* – Назаров; *Орех*, *Орешек* – Орехов; *Пасечник*, *Пасха* – Пасочник; *Поверхностный*, *Нижний* – Безверхний; *Маяк*, *Мая*, *Май* – Маяков, *Саф*, *Сафон*, *Сафончик* – Сафонов.

Совершенно очевидно, что «основой варьирования имени являются именно межличностные отношения, коннотации стратегий общения, а яркие признаки индивида мотивируют прозвища» [9; с. 153].

В контексте общения молодёжного сообщества имеют место *прозвища*, которые *совпадают по написанию и звучанию*. Однако их носят представители разных фамилий: *Немец* – Немцов, *Немец* – Шнайдер; *Серый* – Серов, *Серый* – Серобабин.

Языковой материал подтверждает функционирование *составных* и *сложных неофициальных имён*: *Салат Цезарь* – Саладухин, *Шкода Октавия* – Шкодкина, *Улан-Удэ* – Уланов.

Особый интерес представляют антропонимы, *носителями* которых выступают *лица женского пола*: *Лопата* – Лопатина, *Мазадаева* – Казадаева, *Майорка* – Майорова, *Моня* – Моняхина, *Мука*, *Мук* – Муковнина, *Пичужка* – Пичугина, *Ски биха* – Скиба, *Топор* – Топорова, *Трунча* – Трунаева, *Фундук* – Фундукова, *Хрусля* – Хрусова, *Черобаиха* – Черобаева, *Чирка* – Чиркова, *Шишка* – Шишкина, *Шкода Октавия* – Шкодкина, *Шмара* – Шмарова, *Шура* – Шашурина.

Другие прозвища принадлежат лицам мужского пола.

Изучение зафиксированного материала позволяет воссоздать возникающие ассоциативные характеристики молодёжного именователя: *Ландыш* – ассоциируется с растением, цветущим в мае-июне, *Лопоть* – с плетёной обувью из веревок или лыка, *Ливан* – с Арабским государством, *Лис* – с самцом лисы, *Лопата* – с рабочим ручным инструментом на палке, *Лужок* – с небольшим лугом, *Лунтик* – с персонажем мультфильма «Лунтик и его друзья», *Макарон* – с кондитерским изделием в форме печенья, *Макиши* – с населённым пунктом под Белградом (Сербия), *Мал* – с чем-то/ кем-то меньшего размера, *Маршал* – с высшим званием в армии, *Маруся* – с голосовым помощником, автомобильной компанией спортивных машин и др., *Майор* – с офицерским званием в вооружённых силах, *Майорка* – с островом в Испании, *Ма сол* – с костью, *Маяк* – с навигационным ориентиром для судов, *Май* – с пятым месяцем в году, *Медведь* – с крупным хищным млекопитающим, *Мёд* – со сладким продуктом, производимом пчёлами, *Мизя* – с плаксой, *Мо рус* – с растением шелковица, *Мука* – с измельчённым и зерна пищевым продуктом, *Мук* – с героем сказки В. Гауффа, *Мухич* – с полицейским с Рублёвки, *Мясо* – с пищевым продуктом животного происхождения, *Назик* – с препаратом для лечения носа, *Черномазик* – с домовым из «Цепи скорпиона», *Немец* – с нацией и народом германского происхождения, *Ольха* – с берёзовым кустарником или лиственным деревом, *Орёл* – с сильной, крупной хищной птицей, *Орех* – с плодом со съедобным ядром в твёрдой оболочке, *Орешек* – с небольшим орехом, *Панама* – с летним головным убором с невысокими полями, *Панкевич* – с русским математиком, *Папоротник* – с перистым споровым растением, *Пасечник* – с человеком, который разводит пчёл на пасеке, *Пасха* – с весенним религиозным праздником, *Пичужка* – с маленькой птичкой, *Победа* – с успехом в борьбе и российской авиакомпанией, *Полезный* – с приносящим пользу, *Порошенко* – с украинским деятелем, *Петрик* – с рекой в Кемеровской области, *Псков* – с городом, *Пчёлкин* – с Героем СССР, поэтом, дирижёром, *Разгón* – с увольнением, удалением в разные стороны, *Репка* – с пищевым корнеплодом, обладающим лечебными свойствами, *Рыбка* – с маленьким водным позвоночным животным, *Рязанец* – с жителем Рязани, *Салат Цезарь* – с овощным салатом американской кухни, *Сафон* – с испанским писателем, *Серик* – с городом в Турции, *Серый* – с цветом пепла, пасмурным, *Сигач* – со скакуном, прыгуном, *Сгущёнка* – со сладким пищевым продуктом из молока коров, *Скрипка* – с музыкальным инструментом, *Смайлик* – с графическим изображением человеческого лица, *Зяблик* – с маленькой птичкой, издающей громкую трель и позывку, *Сокол* – с хищной птицей, *Сом* – с чешуйчатой усатой крупной хищной рыбой, *Сопля* – со слизью из ноздри и слабым человеком, *Сосна* – с хвойным деревом с длинными шишками, *Серьга* – с украшением для ушей, *Смирный* – с тихим, покорным человеком, *Смола* – с густым древесным соком, горючим и липким, *Сдоба* – с продуктами, добавляемыми в тесто для вкуса: молоко, яйца, масло, *Сидр* – со слабоалкогольным напитком, *Суба* – с женским именем и сокращённым названием машины марки «Суба»

ру», *Субоч* – с изветным российским лыжником, *Суббота* – с 6-м днём недели, выходным, *Сударь* – с господином или этикетной устаревшей формой обращения к мужчине, *Сухарик* – с высушенным хлебом, *Старый* – с достигшим старости, чем-то не новым, *Степаика* – с милым зайчиком из детской телепередачи, *Сторож* – с охранником, *Стрелец* – с огненным знаком зодиака: с 22 ноября по 21 декабря, *Тамбол* – с игрой наподобие тенниса, с ракеткой на запястье, *Татар* – с представителем тюркоязычного народа, *Тёплый* – с негорячим, отапливаемым; с доброжелательным человеком, *Котофей* – со сказочным котом и брендом детской обуви, *Тогуш* – с именованиями парнокопытных животных: лосей, быков и хищников: медведей, рождённых в прошлом году, *Топор* – с рубящим оружием, *Токарь* – со специалистом по токарному делу, *Топчик* – с уменьшительной формой топа - летней короткой открытой женской майки, *Турель* – с военной подвижной установкой для пушки или пулемёта, *Тяпа* – с кличкой животного, *Уксус* – с жидкостью о специфическим запахом и кислым вкусом, *Улан-Удэ* – с городом – столицей Бурятии, *Ус* – с волосом на верхней губе человека, млекопитающего, с притоками реки Енисея и Мезени, *Фундук* – с лесным орехом, *Холодец* – с холодным мясным блюдом желеобразной массы, *Хомяк* – с небольшим грызуном, *Хохол* – с пучком волос (чубом) на бритой голове и с украинцем, *Хлыстиха* – с рекой во Владимирской области, *Хмель* – с растением и цветами, используемыми при приготовлении пива, *Царь* – с правителем страны, *Цветок* – с венчиком растения с лепестками, *Чена* – с собирателем письменных памятников по Малороссии и депутатом Государственной Думы, *Честер* – с английским городом, *Чик* – с коротким щелчком, *Чика* – с вызывающей нарядами и макияжем девушкой, *Чирка* – с рекой в Татарстане и маленькой водоплавающей птицей, *Шам* – с городом в Швейцарии, *Шах* – с титулом монарха и положением в шахматной игре, *Шева* – с рекой в Рязанской области, израильской музыкальной группой, мифическим существом у народов Коми, *Ширик* – с объективом в смартфоне, *Шишка* – с соцветием и плодом с чешуйками овальной формы, бугорком, твёрдым шариком, *Шкода Октавия* – с автомобилем чешского производства, *Школа* – с учебным заведением, *Шмара* – с женщиной непристойного поведения, *Шурпа* – с восточным кушаньем – заправочным супом, *Щёголь* – с изысканно одевающимся человеком и птицей.

Анализируя возникающие ассоциативные связи, мы заметили, что некоторые неофициальные имена не имеют таковых. В частности, лишены ассоциаций прозвища: *Логач* – Логачёв, *Мазадаева* – Казадаева, *Маёк* – Майков, *Мизяй* – Мизнев, *Миняш* – Миняев, *Мокляк* – Мокляков, *Моло́ха* – Молошников, *Пэнфилд* – Панфилов, *Пожик* – Пожидаев, *Скавроха* – Скавронская, *Ски́биха* – Скиба, *Сигай* – Сигаев, *Тру́нча* – Трунаева, *Хрусля* – Хруслова, *Черобаиха* – Черобаева, *Шашуля* – Шашкин, *Шмидтина* – Шмидт.

Рассматривая способы образования отфамильных именовании, становится очевидным, что большинство из них образованы: 1) *усечением фамилии*: *Ливан* – Ливанов, *Лис* – Лисов, *Логач* – Логачёв, *Макар* – Макаренко, *Макиш* – Макишвили, *Мал* – Малаин, *Маршал* – Маршалов, *Майор* – Майоров, *Матвей* – Матвеев, *Маяк* – Маяков, *Медведь* – Медведев, *Мёд* – Мёдов, *Мирон* – Миронов, *Митрофан* – Митрофанов, *Мокляк* – Мокляков, *Моня* – Моняхина, *Морус* – Морусов, *Мук* – Муковнина, *Орех* – Орехов, *Панкрат* – Панкратов, *Псков* – Псковский, *Разгон* – Разгоняев, *Сафон* – Сафонов, *Сéрик* – Сериков, *Сигач* – Сигачёв, *Соблик* – Собликов, *Сокол* – Соколов, *Сигай* – Сигаев, *Субоч* – Субочев, *Сударь* – Судариков, *Сулейман* – Сулейманов, *Сторож* – Сторожев, *Тамбол* – Тамболов, *Тарас* – Тарасов, *Татар*, *Татарин* – Татаринков, *Тимофей* – Тимофеев, *Тогуш* – Тогушев, *Топор* – Топорова, *Токарь* – Токарев, *Уксус* – Уксусов, *Ус* – Усов, *Фундук* – Фундукова, *Хомяк* – Хомяков, *Хохол* – Хохлов, *Хмель* – Хмелёнкин, *Царь* – Царёв, *Цветок* – Цветков, *Челпан* – Челпанов, *Честер* – Честеров, *Чик* – Чиков, *Чирка* – Чиркова, *Шам* – Шамшин, *Шарап* – Шарапов, *Шах* – Шаховских, *Шишка* – Шишкина, *Школа* – Школьников, *Шмара* – Шмарова, *Юсуп* – Юсупов; 2) *усечением фамилии и добавлением антропонимических суффиксов*: *Лужок* ← Луг/ж + ок, *Панкевич* ← Панк + ев + ич, *Мухич* ← Мух + ич, *Майорка* ← Майор + к(а), *Михальч* ← Михал + ыч, *Назик* ← Наз + ик, *Оре́шек* ← Ореш/х + ек, *Ромáныч* ← Роман + ыч, *Пе́трик* ← Петр + ик, *Сафончик* ← Сафон + чик, *Сухарик* ← Сухар + ик, *Степаика* ← Степ + ашк(а), *Топчик* ← Топч + ик, *Тру́нча* ← Трун + ч(а), *Хлыстиха* ← Хлыст + их(а), *Ширик* ← Шир + ик и другие; 3) *увеличением основы путём добавления суффикса (-ов)*: *Ски́биха* ← Скиба + их(а), *Титькин* ← Тит(ь) + к + ин, *Шмидтина* ← Шмидт + ин(а) и другие; 4) *приёмом языковой игры*: *Зяблик* – Собликов, *Котофей* – Тимофеев, *Лунтик* – Лучаенко, *Ландыш* – Ланин, *Мазадаева* – Казадаева, *Макарон* – Макаров, *Маруся* – Марушкин, *Немец* – Шнайдер, *Панама* – Пономарёв, *Папоротник* – Папонов, *Пасечник* – Пасочник, *Пэнфилд* – Панфилов, *Полезный* – Подлесных, *Порошенко* – Дорошенко, *Серьга* – Сериков, *Черномазик* – Назаров, *Шурпа* – Журба и другие; 5) *изменением слова (по ассоциации)*: *Пчёлкин* – Мёдов, *Поверхностный*, *Нижний* – Безверхний, *Сгущёнка* – Гуштин, *Смайлик* – Улыбышев, *Тёплый* – Типлеченко и другие.

Проведённое исследование позволяет согласиться с мнением авторитетных учёных А.С. Щербак и А.А. Бурыкина о том, что «большинство прозвищ носит и носило негативный характер. Однако не следует считать, что это своеобразная насмешка со стороны окружающих по отношению к тому лицу, которое получило подобное прозвище. Здесь сказывается своеобразное пожелание обратить внимание самого человека на те отрицательные черты, которые «не нравятся» его окружению. Это своеобразная воспитательная роль прозвища» [8; с. 217].

Таким образом, пространство оригинальных именовании помогает обрести новое представление о языковой ситуации в студенческом социуме. Считаем, что в нынешних условиях коммуникации молодых людей между собой официальное и неофициальное имя сосуществуют параллельно, по особым правилам социального коллектива, равноценно заменяя друг друга.

Следует также учитывать, что появляющиеся номинации являются частью социального опыта имядателей, которые свободны в выборе средств для номинирования.

Воссоздать собирательный образ молодого человека сферы культурного общения помогают **147** прозвищных именовании. Многочисленными среди названных антропонимов являются мужские – **129** лексических единиц. Женские представлены **18** прозваниями: *Лопата, Мазадаева, Майорка, Моня, Мука, Мук, Пичужка, Скибиха, Топор, Трунча, Фундук, Хрусля, Черобаиха, Чирка, Шишка, Шкода Октавия, Шмара, Шура*.

Отображение в нём находят и **7** обладателей 2-х неофициальных имён: *Суба, Субоч; Татар, Татарин; Тимофей, Котофей; Назик, Черномазик; Орех, Орёшек, Пасечник, Пасха; Поверхностный, Нижний;* и **2** обладателя 3-х прозвищ: *Маяк, Мая, Май; Саф, Сафон, Сафончик*.

Одновременно приведём и такие особенности: **4** представителя разных фамилий носят **2** прозвания, которые совпадают по написанию и звучанию: *Немец* – Немцов, Шнайдер; *Сёрый* – Серов, Серобабин. **2-м** студентам принадлежат составные именовании: *Салат Цезарь, Шкода Октавия*, одному – сложное прозвище: *Улан-Удэ*. **14** прозваний совпадают с именами людей и их формами, но не являются таковыми: *Макар, Маруся, Матвей, Мая, Мирон, Митрофан, Митяй, Панкрат, Тарас, Тимофей, Шамиль, Шаран, Шура, Юсуп*. **2** антропонима совпадают с фамильярными формами отчества: *Михалыч, Романыч*.

Номинируя своё окружение неофициальными именовании, молодые люди преимущественно используют способы: 1) усечения фамилии, 2) усечения фамилии и добавления суффиксов, 3) увеличения основы путём добавления суффикса (-ов), 4) изменения слова (по ассоциации), 5) языковую игру.

С нашей точки зрения, образ человека рисуют антропонимы посредством отражения многообразных составляющих: *социального положения* (ассоциации с господином, украинским деятелем), *звания* (ассоциации с высшим званием в армии, офицерским званием в вооружённых силах), *должности* (ассоциации с полицейским с Рублёвки, с дирижёром, с охранником, со специалистом по токарному делу), *рода деятельности* (ассоциации с человеком, который разводит пчёл на пасеке), *известности* (ассоциации с Героем СССР, русским математиком, с известным российским лыжником), *статуса* (ассоциации с поэтом), *территориального расположения* (ассоциации с Арабским государством, населённым пунктом под Белградом (Сербия), островом в Испании, рекой в Кемеровской области, с городом в Турции, жителем Рязани), *мира живых организмов, зверей, птиц* (ассоциации с чешуйчатой усатой крупной хищной рыбой, с крупным хищным млекопитающим, с самцом лисы, со скакуном, прыгуном, парнокопытными животными: лосями, быками, медведями, с птичкой, издающей громкую трель и позывку; с сильной, крупной хищной птицей), *героев и персонажей* (ассоциации с мультфильмом «Лунтик и его друзья», сказками В. Гауффа, с домовым из «Цепи скорпиона», со сказочным котом), *пищи* (ассоциации с измельчённым из зерна пищевым продуктом, кондитерским изделием в форме печенья, со сладким продуктом, производимом пчёлами, плодом со съедобным ядром в твёрдой оболочке, с небольшим орехом, продуктом животного происхождения, со сладким пищевым продуктом из молока коров, с пищевым корнеплодом, обладающим лечебными свойствами, с овощным салатом, продуктами, добавляемыми в тесто для вкуса: молоко, яйца, масло, с высушенным хлебом), *качеств характера* (подтверждают это ассоциации с плаксой, с тихим, покорным, доброжелательным человеком) и мн.др.

Проводя подобные исследования среди студентов разных форм обучения в 2015, 2020 [10, 11] и в 2024 году, мы невольно становимся свидетелями интереснейшей картины работы воображения и ума, наблюдаем за меткостью и юмором, изощрённостью и остротой имянаречения.

Настоящее научное сочинение позволяет утверждать следующее: представленный образ – это результат оригинального способа маркирования в современном молодёжном коллективе.

Завершить свои размышления хочется точкой зрения А.В. Гузновой о том, что «неофициальная структура именовании русского человека является более развитой и подвижной по причине свободного, не фиксированного на письме функционирования в устной речи. Неофициальные антропонимы более живо

реагируют на процессы, происходящие в обществе, следовательно, их исследование важно для изучения особенностей русского национального характера» [12; с. 54].

Библиографический список

1. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. М.: Российский гос. ун-т, 1995. С. 149–238.
2. Антропонимия – Большая российская энциклопедия. URL: <https://old.bigenc.ru/linguistics/text/702424> (дата обращения: 20.01.2024).
3. Никонов В.А. Имя и общество. Москва: Наука, 1974. С. 6.
4. Недоступова Л.В. Молодёжные прозвищные имена третьего десятилетия XXI века. Sofia, 2023. Volume VII. Issue 4. S. 8-19.
5. Бендетович Г.Б. Прагматика сквозь призму лингвистических концептов // Весті БДПУ. № 4 (58). 2008. 110 с. С. 75-79.
6. Родина Н.А. Современные детские и молодежные прозвища: структурно-семантический и функционально-динамический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2014. 22 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01005554684> (дата обращения: 20.01.2024).
7. Денисова Т.Т. Прозвища как вид антропонимов и их функционирование в современной речевой коммуникации: (на материале прозвищ Шумячского и Ершичского районов Смоленской области): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2007. 22 с.
8. Щербак А.С., Бурькин А.А. К проблеме выявления отличительных особенностей прозвищ от личного имени // Вестник ТГУ, выпуск 9 (77), 2009. С.213-217. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=13067903> (дата обращения: 20.01.2024).
9. Лисова И.А. Место конвергенции в неофициальной антропонимии // Ученые записки. 2013 Том 15. С. 162-167. URL: <https://rep.vsu.by/bitstream/123456789/992/5/t15pub162%282%29.pdf> (дата обращения: 20.01.2024).
10. Недоступова Л.В. Современные молодёжные прозвища // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 16. 2015. С. 20–27. URL: <https://elibrary.ru/trnovp> (дата обращения: 20.01.2024).
11. Недоступова Л.В. Функционирование прозвищ в современной речевой коммуникации // Воронежское лингвокраеведение. Вып. 4. Воронеж: АНО «НАУКА–ЮНИПРЕСС», 2020. С. 177–191. URL: <https://elibrary.ru/heuulh> (дата обращения: 20.10.2023).
12. Гузнова А. В. Структура именованного русского человека // Вектор науки ТГУ. Серия: Педагогика, психология. 2015. № 1(20). С. 53-55.

References

1. Kubryakova E.S. The evolution of linguistic ideas in the second half of the 20th century (experience of paradigmatic analysis) // Language and science of the end of the 20th century. M.: Russian state. Univ., 1995. pp. 149–238.
2. Anthroponymy - Great Russian Encyclopedia. URL: <https://old.bigenc.ru/linguistics/text/702424> (Date of access: 20.01.2024).
3. Nikonov V.A. Name and society. Moscow: Nauka, 1974. P. 6.
4. Nedostupova L.V. Youth nicknames of the third decade of the 21st century. Sofia, 2023. Volume VII. Issue 4. S. 8-19.
5. Bendetovich G.B. Pragmatics through the prism of linguistic concepts // Vesti BDPU. No. 4 (58). 2008. 110 p. pp. 75-79.
6. Rodina N.A. Modern children's and youth nicknames: structural-semantic and functional-dynamic aspects: abstract. dis. ...cand. Philol. Sci. Kaliningrad, 2014. 22 p. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01005554684> (Date of access: 20.01.2024).
7. Denisova T.T. Nicknames as a type of anthroponyms and their functioning in modern speech communication: (based on the nicknames of the Shumyachsky and Ershichi districts of the Smolensk region): abstract. dis. ...cand. Philol. Sci. Smolensk, 2007. 22 p.
8. Shcherbak A.S., Burykin A.A. On the problem of identifying the distinctive features of nicknames from a personal name // Bulletin of TSU, issue 9 (77), 2009. P.213-217. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=13067903> (Date of access: 20.01.2024).
9. Lisova I.A. The place of convergence in unofficial anthroponymy // Scientific notes. 2013 Volume 15. pp. 162-167. URL: <https://rep.vsu.by/bitstream/123456789/992/5/t15pub162%282%29.pdf>. (Date of access: 20.01.2024).
10. Nedostupova L.V. Modern youth nicknames // Scientific Bulletin of the Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Series: Linguistics and intercultural communication. No. 16. 2015. pp. 20–27. URL: <https://elibrary.ru/trnovp> (Date of access: 20.01.2024).
11. Nedostupova L.V. The functioning of nicknames in modern speech communication // Voronezh regional linguistics. Vol. 4. Voronezh: ANO “NAUKA-UNIPRESS”, 2020. pp. 177–191. URL: <https://elibrary.ru/heuulh> (Date of access: 20.01.2024).
12. Guznova A.V. The structure of naming a Russian person // Vector of Science TSU. Series: Pedagogy, psychology. 2015. No. 1(20). pp. 53-55.

УДК: 811.161.1:376.68

DOI 10.36622/2587-9510.2024.53.2.014

Северо-Западный государственный медицинский университет им.

И.И. Мечникова

кандидат педагогических наук,

доцент кафедры русского языка

Рыкова Е.Б.,

Санкт-Петербург, 89213490322,

Elena.Rykova@szgmu.ru

North-Western State Medical University named after

I.I. Mechnikov

PhD, Associate Professor

of the Department of Russian language

Rykova E.B.,

St. Petersburg, , 89213490322,

Elena.Rykova@szgmu.ru

Е.Б. Рыкова

ПОТЕНЦИАЛ ГОРОДСКИХ РЕАЛИЙ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ИНОСТРАННЫХ УЧАЩИХСЯ МЕДИЦИНСКОГО ВУЗА НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

В статье рассматриваются возможности использования городских реалий в ходе обучения иностранных студентов и иностранных слушателей подготовительных курсов медицинского вуза на примере опыта аудиторной и внеаудиторной работы преподавателей кафедры русского языка СЗГМУ им. И.И. Мечникова. В данной работе в качестве основного потенциала реалий городской среды выступает ее образовательный ресурс, который позволяет, опираясь на принципы коммуникативной ценности реалии (персоналии) и ее значимости для российской науки, произвести отбор необходимого учебного материала. В статье определен круг персоналий ученых, представленных в 35 уроках в учебнике Л.В. Московкина и Л.В. Сильвиной, который используется на подготовительных курсах для иностранцев в СЗГМУ в качестве основного учебника по русскому языку. Среди определенного количества данных культурологических единиц выделены только персоналии, представляющие отечественную науку. Из них по значимости для будущих медиков на первом месте находится фигура великого русского физиолога Ивана Петровича Павлова. Автором статьи рассматривается предьявление в учебнике этой персоналии как реалии российской науки и указывается необходимость дополнительной аудиторной и внеаудиторной работы, которая проводится с данным культурологическим материалом в процессе преподавания русского языка как иностранного на кафедре русского языка СЗГМУ. В статье говорится о формировании посредством русского языка положительного образа российских медиков и нашей страны в целом, в том числе с привлечением реалий городской среды, в которую погружены иностранные слушатели подготовительного курса и студенты-медики. Практика работы с данным материалом позволяет сделать вывод о том, что необходимо использовать образовательные возможности городских реалий в системе обучения русскому языку как иностранному.

Ключевые слова: персоналия, деятели российской науки, русский язык как иностранный, подготовительный курс, иностранные учащиеся, медицинский вуз, тексты, презентации.

Е.В. Rykova

THE POTENTIAL OF URBAN REALITIES IN THE FORMATION OF LINGUISTIC AND CULTURAL COMPETENCE FOREIGN STUDENTS OF MEDICAL UNIVERSITY IN RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE CLASSES

The article discusses the possibilities of using urban realities in the course of teaching foreign students of the medical university preparatory courses on the example of the experience of intramural and extramural work of the academic staff of the Russian Language Department of North-Western State Medical University named after I.I. Mechnikov. In this paper, the main potential of the realities of the urban environment is its educational resource, which allows, based on the principles of the communicative value of reality (personality) and its significance for Russian science, to select the necessary educational material. The article defines the circle of personalities of scientists represented in 35 lessons in the textbook by L.V. Moskovkin and L.V. Silvina, which is used in preparatory courses for foreigners at the NWSMU as the main textbook on the Russian language. Among a certain number of these cultural units, only personal-

ities representing domestic science are singled out. Of these, the figure of the great Russian physiologist Ivan Petrovich Pavlov is in the first place in terms of importance for future doctors. The author of the article considers the presentation of this personality in the textbook as the realities of Russian science and indicates the need for additional classroom and extracurricular work, which is carried out with this cultural material in the process of teaching Russian as a foreign language at the Department of the Russian Language of the NWSMU. The article talks about creating a positive image of Russian doctors and our country Russia as a whole in the course of education through the Russian language, including involving the realities of the urban environment, in which foreign students of the preparatory course and medical students are immersed. The practice of working with this material allows us to conclude that it is necessary to use the educational opportunities of urban realities in the system of teaching Russian as a foreign language.

Keywords: personalities, figures of Russian science, Russian as a foreign language, preparatory course, foreign students, medical university, texts, presentations.

Современная общественно-политическая ситуация продолжает требовать от преподавателей русского языка как иностранного уделять пристальное внимание созданию положительного образа нашей страны, что непосредственно связано с вопросами формирования социокультурной компетенции обучающихся иностранцев. А следовательно, при обучении иностранных граждан русскому языку формирование лингвокультурологической компетенции (как части социокультурной компетенции) по-прежнему остается одним из важнейших вопросов. Это касается в равной степени слушателей подготовительных курсов и студентов-иностранцев. И этим положением определяется актуальность нашей работы.

Такое научное направление, как лингвокультурология, возникло в 1990-е годы. Профессор Санкт-Петербургского государственного университета Е.И. Зиновьева пишет: «Представляется правомерным признание ... лингвокультурологии *теоретической филологической дисциплиной*, ... объектом исследования которой являются различные *структуры знания*» [1; с. 15], а известный исследователь в области лингвокультурологии профессор В.В. Воробьев отмечает, что «лингвокультурология – аспект языкознания, изучающий проблему отражения национальной культуры в языке» [2; с. 84].

Лингвокультурологическая компетенция, «отражая зеркально» лингвострановедческую компетенцию, является в то же время и языковой. Это ее свойство способствовало тому, что впоследствии лингвострановедческая проблематика стала предметом исследования в лингвокультурологии. Так, авторы учебного пособия «Лингвокультурология и межкультурная коммуникация» В.И. Тхорик и Н.Ю. Фанян утверждают, что «лингвокультурологическая компетенция – «определенная «картина мира», исторически сложившаяся для нации и существующая в своих общих чертах и специфике у каждой личности; *знание* идеальным говорящим-слушающим всей *системы культурных ценностей*, выраженных в языке. Подобное обобщенное знание находит отражение в различного рода энциклопедиях, исследованиях по культуре и языку. Индивидуальное употребление лингвокультурой отражает только часть лингвокультурологической компетенции как целого» [3; с. 251].

Формирование лингвокультурологической компетенции – один из способов систематизации языкового, в частности лексического, материала и один из способов формирования языковой личности. Формируя данную компетенцию у иностранных учащихся медицинского вуза, необходимо создавать специальные учебные материалы. Мы считаем, что в ходе этой работы нужно следовать принципам отбора учебного материала лингвострановедческого характера, таким как

- 1) коммуникативная ценность отобранной реалии;
- 2) значимость реалии для русской культуры и науки.

Второй принцип предполагает отбор личностей, событий или произведений, занимающих важное место в отечественной науке, что способно формировать положительный образ нашей страны, то есть воспитывать уважение к стране изучаемого языка, её народу и её культуре.

Соблюдая вышеперечисленные принципы, при отборе материала для обучения будущих студентов-медиков мы предлагаем пользоваться таким важным критерием, как представленность реалий в городской среде, окружающей иностранного учащегося. Потенциал городской среды заключается, по нашему мнению, в ее образовательных возможностях, которые она предоставляет преподавателям русского языка как иностранного и иностранным учащимся. Ранее для обоснования критерия представленности реалий в городской среде мы рассматривали реалии топонимики СПб, а также произведений городской скульптуры (памятники известным врачам), связанные только с медициной, например, писали о потенциале территории нашего университета, носящего имя российского ученого-

микробиолога Ильи Ильича Мечникова, который удостоен Нобелевской премии в области медицины [4], или обращались к потенциалу реалий Красногвардейского и Калининского районов Санкт-Петербурга, на территории которых расположен наш университет [5].

В данной работе мы хотели бы обратить внимание на потенциал городских реалий, связанных с тематическими музеями Санкт-Петербурга и новой городской скульптурой. Поскольку профиль нашего вуза медицинский, то среди знаковых персоналий отечественной культуры мы останавливаемся на личности Ивана Петровича Павлова. Вклад этой выдающейся личности в науку общеизвестен: в школьной программе рассматриваются опыты И.П. Павлова в процессе изучения высшей нервной деятельности человека, это первый российский ученый, удостоенный Нобелевской премии. Первый медицинский университет в Санкт-Петербурге носит имя знаменитого академика. Считаем, что иностранные учащиеся нашего медицинского университета должны познакомиться с жизнью и работой этой выдающейся личности.

Базовым учебным материалом для иностранных слушателей подготовительного курса СЗГМУ имени И.И. Мечникова являются 35 уроков учебника «Русский язык» петербургских авторов Л.В. Московкина и Л.В. Сильвиной [6]. Как мы уже отмечали, в этом учебнике представлена целая «вселенная персоналий» [7; с. 18]. Среди них встречаются имена российских (М.В. Ломоносов, Д.И. Менделеев, И.В. Курчатов) и зарубежных (И. Ньютон, М. Вутмайер, Х. Вольф) деятелей науки. Но из ученых-медиков упоминается только Иван Петрович Павлов и, к сожалению, только два раза (в тексте «Университетская набережная» и притекстовом задании) в уроке 23. Этого, безусловно, мало для наших иностранных студентов, будущих медиков.

Городская среда культурной столицы позволяет проводить коллективные учебные экскурсии по интересующей нас тематике. В Санкт-Петербурге есть два места, непосредственно связанных с жизнью и научной деятельностью Павлова. Первое из них – это мемориальный музей-квартира академика, находящаяся по адресу 7-я линия Васильевского острова дом 2. Экскурсия в мемориальный музей позволяет современным учащимся проникнуться атмосферой жизни и деятельности великого ученого.

Второе мемориальное место представляет для наших обучающихся еще больший интерес. Это мемориальный музей академика И.П. Павлова в Колтушах – пригороде Санкт-Петербурга, в так называемом Академическом городке. Он расположен в историческом здании Лаборатории экспериментальной генетики высшей нервной деятельности. Посетители могут не только познакомиться с бытом семьи великого ученого, но и увидеть знаменитую бесшумную камеру, знакомую каждому российскому школьнику по урокам биологии: в ней проводилась экспериментальная работа на собаках по изучению условного рефлекса, то есть разрабатывалась методика для изучения высшей нервной деятельности.

Однако такой вид внеаудиторной работы подходит более для групп, состоящих из граждан, прибывших из стран Ближнего зарубежья. Для арабских или иранских обучающихся, составляющих основной контингент иностранных слушателей или студентов нашего университета, требуется переводчик. Так как наш опыт работы показывает, что в последние годы на обучение прибывают молодые люди, плохо владеющие или совсем не владеющие английским языком, то приходится приглашать переводчиков-синхронистов с арабского или фарси. Таких специалистов для работы с обучающимися на подготовительном курсе найти бывает проблематично.

Учитывая эти факторы, доцент кафедры русского языка СЗГМУ Гирфанова Э.М. создала для студентов-иностранцев 1 курса учебно-методическое пособие «Читаем о русских ученых-медиках» [8], в котором есть текст в том числе об Иване Петровиче Павлове и система работы по нему. В период пандемии для дистанционного обучения по текстам из этого пособия были созданы проиллюстрированные презентации. В качестве контроля знаний был составлен тест, расположенный впоследствии в системе дистанционного обучения, используемой в СЗГМУ.

К сожалению, на подготовительном курсе недостаточно учебных часов для изучения «дополнительных персоналий», поэтому вопрос знакомства иностранных слушателей со знаковыми фигурами российской науки и культуры на занятиях решается посредством включения лингвострановедческой информации в содержание грамматических упражнений. Э.М. Гирфанова пишет о возможности использования грамматических упражнений в качестве источника культурологической и страноведческой информации: «Грамматическое упражнение, содержащее элементы страноведческой или культурологической информации, не обязательно должно быть связным текстом» [9; с. 327]. Например, при изучении форм предложного падежа в упражнении с заданием «Ответьте на вопросы, используя слова, данные в скобках» предлагается такой вариант [10, с. 6]: Когда российский физиолог

И.П. Павлов получил Нобелевскую премию за исследование физиологии пищеварения? (1904 год). Или при изучении форм творительного падежа в упражнении с заданием «Замените активные конструкции пассивными» дано предложение [10; с. 25]: Учение о высшей нервной деятельности животных и человека создал знаменитый русский физиолог И.П. Павлов.

Но не только музейное пространство культурной столицы содержит потенциал для создания положительного образа России при работе с иностранными обучающимися – будущими медиками.

27 января 2023 года в Соляном переулке перед Государственным мемориальным музеем обороны и блокады Ленинграда была открыта скульптурная композиция «Памяти медицинских работников блокадного Ленинграда», посвященная великому для нашего города дню полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады. Памятник находится в центре города, поэтому его удобно посетить с группой обучающихся. На занятии можно использовать фото и видеоизображения. Этот новый монумент, с одной стороны, обращен к памяти о трагических страницах истории нашего города: он представляет собой фигуры доктора, медицинской сестры и раненого ленинградца на фоне разбитого окна, а с другой стороны, он обращен к общечеловеческой теме страдания, стойкости и духовного подвига, так как вызывает ассоциации со библейскими образами Богоматери, апостола и снятия с креста Иисуса Христа. Символизм памятника позволяет обсуждать с учащимися общечеловеческие морально-нравственные темы, не ограничиваясь историческими или узкопрофессиональными рамками.

Нам кажется очень актуальным вывод, сделанный Л.П. Диановой, о том, что «экспорт российского образования является геополитической задачей России» [11]. Продолжая эту мысль, мы говорим о создании в ходе образования посредством русского языка положительного образа российских медиков и нашей страны в целом, в том числе с привлечением реалий городской среды, в которую погружены иностранные слушатели подготовительного курса и студенты-медики.

Практика работы с данным материалом позволяет сделать вывод о том, что необходимо использовать образовательные возможности городских реалий в системе обучения русскому языку как иностранному.

Библиографический список

1. Зиновьева Е.И. О соотношении терминов «лингвострановедение» и «лингвокультурология». // Русский язык как иностранный: Теория. Исследования. Практика. Выпуск IV. СПб., РГПУ, 2000. С. 14-18.
2. Воробьев В.В. Общее и специфическое в лингвострановедении и лингвокультуроведении // Слово и текст в диалоге культур. Юбилейный сборник. М.: Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2000. С. 83-92.
3. Тхорик В.И., Фанян Н.Ю. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация. Учебное пособие. 2-е изд. М.: ГИС, 2006. 260 с.
4. Рыкова Е.Б. Формирование лингвокультурологической компетенции иностранных студентов-медиков на основе пространственных реалий СЗГМУ им. И.И. Мечникова // Язык, культура, менталитет: проблемы изучения в иностранной аудитории. Сборник научных статей участников XVIII Международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 2019. С. 230-232.
5. Рыкова Е.Б. Формирование лингвокультурологической компетенции иностранных студентов медицинского вуза на основе пространственных реалий Санкт-Петербурга // Язык, культура, менталитет: проблемы изучения в иностранной аудитории: Дополнения к сборнику научных статей участников XVI Международной научно-практической конференции 19-21 апреля 2017 г. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена.
6. Московкин Л.В., Сильвина Л.В. Русский язык. Учебник для иностранных студентов подготовительных факультетов Издание 12-е. СПб.: СМАО Пресс, 2020. 528 с.
7. Рыкова Е.Б. Особенности работы с персоналиями на занятиях по русскому языку как иностранному. // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. Воронеж, ФГБОУ ВО ВГТУ, №3 (50), 2023 С. 17-21.
8. Гирфанова Э.М. Читаем о русских ученых-медиках: учебно-методическое пособие по русскому языку для иностранных студентов. – СПб.: Изд-во СЗГМУ им. И.И. Мечникова, 2015. 48 с.
9. Гирфанова Э.М. Грамматическое упражнение как источник страноведческой и культурологической информации//Воспитание языкового вкуса студентов в процессе преподавания русской словесности. Материалы докладов и сообщений XXIV международной научно-методической конференции. СПб., ФГБОУВО «СПбГУПТД», 2019. С. 326-330.
10. Гирфанова Э.М., Рыкова Е.Б. Русская грамматика в упражнениях и тестах. Часть II. СПб.: СЗГМУ им. И.И. Мечникова, 2016. 46 с.

11. Дианова Л.П. Русский язык в речевой культуре билингвов. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, М., 2011. 185 с.

References

1. Vorobyev V.V. General and Specific in Linguacultural Studies and Linguoculturology // Word and Text in the Dialogue of Cultures. Jubilee collection. M.: State. IRYA named after A.S. Pushkin, 2000.
2. Zinovieva E.I. On the correlation of the Terms "Linguistics" and "Linguoculturology". // Russian as a foreign language: Theory. Researches. Practice. Issue IV.SPb., RSPU, 2000.
3. Thorik V.I., Fanyan N.Yu. Linguoculturology and Intercultural Communication. Study guide. 2nd ed. M.: GIS, 2006.
4. Rykova E.B. Formation of Linguoculturological Competence of Foreign Medical Students on the Basis of Spatial Realities of I.I. Mechnikov NWSMU // Language, Culture, Mentality: Problems of Studying in a Foreign Audience. Collection of scientific articles by participants of the XVIII International Scientific and Practical Conference. St. Petersburg, 2019. pp. 230-232.
5. Rykova E.B. Formation of Linguistic and Cultural Competence of Foreign Medical University Students Based on the Spatial Realities of St. Petersburg // Language, Culture, Mentality: Problems of Studying in a Foreign Audience: Additions to the collection of scientific articles of participants of the XVI International Scientific and Practical Conference on April 19-21, 2017 St. Petersburg: Publishing House of A.I. Herzen RSPU.
6. Moskovkin L.V., Silvina L.V. Russian language. Textbook for foreign students of preparatory faculties Edition 12-e. St. Petersburg: SMIO Press, 2020 528 p.
7. Rykova E.B. Features of Working with Personalities in Russian as a Foreign Language Classes. // Current issues of modern philology and journalism. Voronezh, VSTU, No. 3 (50), 2023 pp. 17-21.
8. Girfanova E.M. We Read About Russian Medical Scientists: an Educational and Methodological Manual on the Russian Language for Foreign Students. St. Petersburg: Publishing House of the I.I. Mechnikov NWSMU, 2015.
9. Girfanova E.M. Grammatical Exercise as a Source of Regional and Cultural Information// Education of students' linguistic taste in the process of teaching Russian literature. Materials of reports and reports of the XXIV International Scientific and methodological conference. St. Petersburg, FGBOUVO "SPbGUPTD", 2019. pp. 326-330.
10. Girfanova E.M., Rykova E.B. Russian Grammar in Exercises and Tests. Part II. St. Petersburg: I.I. Mechnikov NWSMU, 2016. 46 p.
11. Dianova L.P. Russian Language in the Speech Culture of Bilinguals. Dissertation for the degree of Candidate of Philological Sciences, M., 2011 185 p.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ INTERCULTURAL COMMUNICATION

УДК 811.161.1 '255.2:811.122.2'255.2
DOI 10.36622/2587-9510.2024.53.2.015

*Орловский государственный университет им.
И.С. Тургенева
Заведующий кафедрой немецкого языка
Кандидат филологических наук
Клочков А.В.
Россия, г. Орёл, тел. 7(4862)752239
e-mail: klochkov.a_new@mail.ru*

*Orel State University named after I.S.Turgenev
Head of the Chair of German Language
Candidate of Philology
Klochkov A.V.
Russia, Orel, tel. 7(4862)752239
e-mail: klochkov.a_new@mail.ru*

*студент 3 курса института иностранных язы-
ков Орловского государственного университета
им. И.С. Тургенева
Погосян В.А.
Россия, г. Орёл, тел. +79534742221
e-mail: v9491915@gmail.com*

*Third-year student of the Institute of Foreign Lan-
guages of the Orel State University named after
I.S.Turgenev
Pogosyan V. A
Russia, Orel, tel. +79534742221
e-mail: v9491915@gmail.com*

А.В. Клочков, В.А. Погосян

О ТРУДНОСТЯХ ПЕРЕВОДА УСТНОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ С РУССКОГО ЯЗЫКА НА НЕМЕЦКИЙ

В данной статье рассматриваются особенности разговорной речи, а также приемы имитации устной разговорной речи в тексте художественного произведения. Для создания эффекта «произнесенной» речи в письменном тексте используются определенные «сигналы» устности. Это определенные приемы, которые можно проследить на разных уровнях языка. Особенно частотны средства имитации устной речи в текстах художественной литературы, в которых на передний план выводится устный рассказчик. Такой художественный прием используется для того, чтобы создать особую манеру повествования рассказчика, представить его субъективный взгляд на события, его мировидение и т.д. Сниженный характер речи повествователя является важной чертой его речевого портрета, и, следовательно, манера его повествования становится одной из доминант перевода. В статье на примере одного из монологов в книге «Чернобыльская молитва» С. Алексиевич выделяются средства имитации устной разговорной речи и создания особой манеры повествования. Посредством сопоставительного анализа оригинала и перевода выявляются трудности, с которыми приходится сталкиваться переводчику, а также приемы их преодоления в процессе перевода на немецкий язык. В статье речь идет о так называемой прагматической эквивалентности, т.е. эмоционально-смысловом воздействии на читателя. Такое воздействие осуществляется с помощью конкретной реализации категории образа повествователя, которое «подчиняет» себе все повествование и выступает организующим центром всей стилистической системы художественного произведения. Таким образом, сохранение конститутивных элементов образа автора повествователя позволяет говорить об адекватности перевода, а не возможность их сохранения может приводить к искажению образа повествователя, что снижает общий уровень адекватности текста перевода.

Ключевые слова: повествователь, разговорная речь, прагматическая эквивалентность, адекватность.

A.V. Klochkov, V. A. Pogosyan

ON THE DIFFICULTIES OF TRANSLATING ORAL COLLOQUIAL SPEECH FROM RUSSIAN INTO GERMAN

This article deals with the peculiarities of colloquial speech, as well as techniques of imitating oral colloquial speech in the fiction text. In order to create the effect of "spoken" speech in a written text, certain "signals" of orality are

used. These are certain techniques that can be traced at different levels of language. The means of imitating oral speech are especially frequent in fiction texts, in which the oral narrator is placed in the foreground. This fiction technique is used to create a special narrative manner, to present his subjective view of events, his worldview, etc. The character of the narrator's speech is an important feature of his speech portrait, and consequently, his narration manner becomes one of the dominant features of the translation. The article uses the example of one of the monologues of the book "Chernobyl Prayer" by S. Alexievich to highlight the means of imitating oral colloquial speech and creating a special narration manner. By means of contrastive comparative analysis of the original and the translation the difficulties that the translator has to face and their translation techniques into German are revealed. The article deals with the so-called pragmatic equivalence, i.e. the emotional and semantic impact on the reader. This impact is carried out with a specific implementation of the category of the narrator, which "subordinates" the whole narrative and acts as the organizing center of the whole stylistic system of a fiction text. Thus, the preservation of the constitutive elements of the narrator image allows us to speak about the adequacy of translation, while the impossibility of their preservation can lead to the distortion of the narrator image, which reduces the overall level of adequacy of the translation text.

Keywords: narrator, colloquial speech, pragmatic equivalence, adequacy.

Данная статья посвящена проблематике перевода устной разговорной речи. Разговорная речь в широком ее понимании – это разновидность национального языка, которая характеризуется разными уровнями градуального снижения и социальной разнородностью [1; с. 468].

Основными характеристиками устной разговорной речи являются непринужденность, неподготовленность, спонтанность, зависимость от социальных характеристик говорящего [2; с. 76-77], включенность в ситуацию общения [3; с. 149].

Среди языковых особенностей разговорной речи выделяются такие, как активность некнижных средств языка, неполноструктурность на различных уровнях, активность языковых средств субъективной оценки, оценочных и эмоционально-экспрессивных единиц, речевых стандартов и фразеологизмов разговорного характера и т.д. [4; с. 210].

Однако в данной статье предметом изучения является не устная речь как таковая, а зафиксированная в художественном тексте.

Оформление художественно-повествовательной речи зависит от того, с какой внеязыковой ситуацией она связана, актуальной (т.е. ситуации в момент порождения и реализации высказывания) или неактуальной (т.е. не имеющей места в данный момент, например, при рассказе о каком-либо событии). Актуальность или неактуальность внеязыковой ситуации обуславливает степень продуцируемости речи, а отсюда и степень её литературной обработанности [5; с. 256-257].

В реальном диалоге или монологе информация передается одновременно по нескольким разным каналам: словесному, интонационному, мимико-жестикационному, ситуативно-предметному. Художественная прямая речь воспринимается читателем как протяженный в линейном пространстве словесный ряд, графическое и синтаксическое оформление которого дает опосредованное представление о фразовой интонации. Мимико-жестикационная и ситуативно-предметная информация могут быть переданы либо особым лексическим наполнением прямой речи, характером выраженной в ней модальности и эмоционально-экспрессивной оценочности, либо сопроводительным повествовательно-авторским комментарием [6; с. 253].

Художественно-повествовательная речь «строится по законам устной, сохраняя голос и интонацию» [7; с. 155] и воссоздается в письменном тексте с помощью так называемых сигналов устности на уровне синтаксиса и лексики. К таким, среди прочего, относятся экспрессивные синтаксические конструкции, эллипсис, парцелляция, инверсия, апозиопезис и т.д. На уровне лексики устная речь характеризуется стремлением к свободному построению лексических единиц, использованием готовых речевых формул [8; с. 112], «использованием разговорной лексики и фразеологии, введением диалектных слов» [9; с. 96], единицами сниженного и просторечного характера.

В качестве материала взят один из монологов из книги С. Алексиевич «Чернобыльская молитва. Хроники будущего». Эта книга принадлежит жанру документальной прозы и основывается на воспоминаниях свидетелей. В ней повествуется о том, как ядерная авария повлияла на их жизни. Произведение имеет сложную полифоническую структуру, представляющую собой совокупность частных историй отдельных людей [10; с. 324]. Каждую из этих историй С. Алексиевич старается передать в особой манере – почти без обработки, так как одной из её целей было зафиксировать голоса очевидцев трагедии, «собрав повседневность чувств, мыслей, слов» и описав таким образом «мир Чернобыля».

Такие голоса вводятся «как носители особого словесно-идеологического, языкового кругозора, особой точки зрения на мир и на события, особых оценок и интонаций» [11; с. 126]. Такая определенная «точка видения» [12; с. 193] позволяет субъективизировать повествование.

Кроме того, прямая речь в структуре художественного текста в этом случае выполняет характеризующую функцию, т.е. «участвующую в создании «речевого портрета», или «речевой характеристики»» говорящего [6; с. 253].

В таких произведениях, где рассказчик выдвинут на первый план, часто имеют место «отступления от норм литературно-книжного общего языка в сторону непосредственных обнаружений индивидуального говорения» [13; с. 48]. На эту социальную основу речи, характеризваемую отношением к норме языка, «могут накладываться дополнительные признаки, маркирующие социальное происхождение, классовую и территориальную принадлежность, производственную деятельность, возраст, пол, образование» [14; с. 120].

При этом важным оказывается эмоциональное состояние рассказчика, чем оно ярче, тем «дальше его монолог от логической скованности письменного синтаксиса и лексики книжного языка» [13; с. 48]. Языковыми средствами изображения переживаний могут быть «не только ритм, интонации, паузы, приемы сопоставления и расположения предложений, но и порядок слов и союзы, и другие синтаксические формы» [15; с. 199].

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что индивидуальная манера повествования очевидца трагедии становится одной из доминант перевода. В качестве метода исследования выбран метод сопоставительного анализа оригинала и перевода. Основанием для такого анализа послужила прагматическая эквивалентность, т.е. прежде всего речь идет о факторе эмоционально-смыслового воздействия текста на адресата.

Переводчик старается сохранить устный характер повествования в переводе, воспроизводя синтаксический рисунок устной разговорной речи и признаки устной манеры повествования на других уровнях. Рассмотрим это на следующих примерах [16]:

Летят самолёты и летят. Каждый день. Низко-низко над головами. Летят на реактор. На станцию. Один за одним. А у нас – эвакуация. Переселение.

Die Flugzeuge flogen und flogen. Jeden Tag. Ganz tief über unseren Köpfen hinweg. Sie flogen zum Reaktor. Zum Kraftwerk. Eins nach dem anderen. Und bei uns fand die Evakuierung statt. Die Umsiedlung.

Данный пример демонстрирует, что переводчик сохраняет парцелляцию, которая является одним из приемов имитации устной речи, и таким образом передает впечатление «живой», произнесенной речи в переводе.

Однако сниженный характер устной речи, характерность человека, произносящего ее, удастся передать далеко не всегда. Анализируемый монолог представляет собой художественно-обработанную речь женщины-самосела. Он характеризуется устно-монологической формой речи народно-разговорной окраски. В этом отношении можно говорить, что автор «ведет как бы устное повествование» [17; с. 169], что характеризуется спонтанным характером порождения, привязкой к ситуации общения (в тексте встречаются пояснения, например, «показывает руками»), просторечными элементами на уровне морфологии и лексики, нарушениями лексической сочетаемости. В ее речи содержатся многочисленные элементы, которые обладают выраженным местным и социальным колоритом. Помимо этого, встречаются различные конструкции отклонения от нормативного синтаксиса. Все перечисленное является частью речевого портрета субъекта речи.

Рассмотрим, как эти элементы передаются в переводе.

Напугались люди... Набрались страху... Некоторые давай по ночам своё добро закапывать. И я свою одежду сложила... Красные грамоты за мой честный труд и копейку, какая у меня была, на чёрный день хранилась. Такая печаль! Такая печаль передала сердце!

Die Leute bekamen einen Schreck ... Kriegten es mit der Angst zu tun ... Einige haben nachts in aller Eile ihre Habe vergraben. Ich habe meine Kleider eingepackt ... Und die schönen Urkunden für meine ehrliche Arbeit und die paar Kopeken, die ich noch hatte. Ach, war das traurig! Mir hat förmlich das Herz geblutet.

На этом примере можно увидеть, что переводчик смог сохранить в переводе короткие синтагмы, которые имитируют неподготовленность, спонтанность устной разговорной речи. На лексическом уровне есть как и удачные переводческие решения, так и некоторые опущения и даже ошибки. Например, удачным примером можно назвать перевод словосочетания «набрались страху...», так как и русский, и немецкий варианты относятся к разговорному стилю речи.

Фраза «на чёрный день хранилась», которая узнается всеми читателями оригинала, как особенность менталитета русского человека, и вероятно нуждается в пояснении для носителей иной культуры, в переводе опускается.

Ошибкой, на наш взгляд, является интерпретация переводчиком прилагательного «красный» в словосочетании «красные грамоты» как «красивый». «Красный» здесь скорее свидетельствует об их почетном статусе.

Также следует обратить внимание на нарушение лексической сочетаемости, как средства создания характерности рассказчицы. Примером этого явления, как нам кажется, является выражение «передала сердце». В переводе оно передается устойчивым фразеологизмом.

Рассмотрим другой пример:

Ночью все у меня болит. Ноги крутит, как мурашки бегают, это нерв по мне ходит. Так я возьму что в руки. Жменьку зёрна... И хруп, хруп. Нерв тогда успокаивается...

Nachts tut mir alles weh. Die Beine kribbeln, als würden Ameisen darüber laufen, das sind die Nerven. Dann nehme ich irgend etwas in die Hand. Eine Handvoll Korn ... Und drücke, drücke ... Das beruhigt die Nerven ...

Из данного примера видно, с какими трудностями сталкивается переводчик при передаче выражений разговорного и просторечного характера, и вынужден заменять их в переводе выражениями литературного языка. Так, разговорное выражение «ноги крутит» в переводе заменено не имеющим такой пометы в толковом словаре немецкого языка DUDEN – «die Beine kribbeln», кроме того «kribbeln» – это другое ощущение скорее «зудеть», «покалывать» а просторечное и обладающее территориальным колоритом слово «жменька» переводчик также вынужденно «олитературирует», передавая как «handvoll» – «горсть». И наконец, еще один пример нарушения лексической сочетаемости – выражение «нерв ходит». Переводчик прибегает к другому способу описания ситуации, и таким образом получается вполне литературный вариант – «das sind die Nerven» – «это нервы».

Следующий пример:

А тогда ещё один важный учёный приехал и выступил в клубе, что дрова надо мыть... Диво! Отсохни мои уши!

Und dann sprach noch ein bedeutender Wissenschaftler im Klub, der sagte, wir müssten das Holz waschen ... Na, so was Komisches! Ich denke, ich höre nicht recht!

Данный пример также иллюстрирует случаи, когда переводчику не удается сохранить выражения, присущие повествовательной манере рассказчицы. Так, разговорное и, пожалуй, выходящее сейчас из обихода слово «диво», а также разговорное выражение, носящее клятвенный характер, «отсохни мои уши» в переводе заменяются выражениями, не имеющими разговорного характера, но являющимися естественными для устной речи.

Вот еще несколько примеров невозможности сохранения характерных элементов речевого портрета автора монолога:

Вот если бы каждый день в хате были люди.

Ach, wenn ich doch jemanden im Haus hätte!

И такой пример:

А одну бабу крысы загрызли... В своём доме. Рыжие крысы... Правда или нет, а бают.

Eine Frau soll von Ratten angefressen und aufgefressen worden sein ... Rote Ratten waren das ... Ob es wahr ist, weiß ich nicht, es wird erzählt.

Анализ этих примеров свидетельствует о невозможности сохранения в переводе некоторых слов разговорного и просторечного характера, обладающих социальным и территориальным колоритом. Так, разговорное «хата» в немецком тексте просто «das Haus», просторечное «баба» - всего лишь «eine Frau», а региональное «баять» - «erzählen».

В тексте перевода нам встретилось большое количество опущений. Здесь мы приведем примеры лишь некоторых из них. Опущенные отрезки текста выделены жирным шрифтом.

*Молодой может умереть, а старый должен... **Никто не бессмертен – ни царь, ни купец...***

Ein junger Mensch kann sterben, ein alter muss sterben ...

Или такой пример:

*А тут слышу, что в одной деревне солдаты людей эвакуировали, а дед с бабкой остались. Перед тем днём, когда людей поднимали, пригнали в автобусы, они взяли коровку и подались в лес. Переждали там. **Как в войну... Когда деревню каратели жгли... Откуда та беда берётся?***

Und dann höre ich, dass in einem Dorf Soldaten die Leute evakuiert haben und ein alter Mann mit seiner Frau dageblieben ist. Einen Tag, bevor die Leute zusammengeholt und in Busse gesetzt wurden, haben die beiden

ihre Kuh genommen und sind in den Wald gezogen. Dort haben sie einfach abgewartet, bis alle weg waren. Woher kommt bloß all das Unglück?

А в следующем примере опущена значительная часть абзаца.

За ним – Пётр Иванович Миусский... Тракторист... Стахановец, когда-то все в стахановцы выбивались. Золотые руки. Из дерева кружсева строгал. Дом – на всю деревню дом. Лялька! Ой, меня и жалость брала, кровь поднялась, когда его рушили. Закапывали. Офицер кричал: «Не тужи мать. Дом на „пятне« сидит»". А сам – пьяный. Подхожу – это он плачет: «Ты, мать, иди! Иди!». Прогнал.

Nach ihm ging Pjotr Iwanowitsch Miusski, der Traktorfahrer ... Stachanowarbeiter * [* Stoßarbeiter, nach A. G. Stachanow benannte Kampagne zur Planübererfüllung in allen Wirtschaftsbereichen], früher wollten alle Stachanowarbeiter werden.

Как мы можем увидеть, в тексте перевода опускаются части, обладающие более или менее выраженной национально-культурной спецификой, которые скорее всего нуждались бы в дополнительных пояснениях в переводе. Переводчик принимает решение их опустить.

Еще одно явление, которое рассматривается в данной статье, это грамматические ошибки. Они не являются обязательным атрибутом устной неподготовленной речи, но всё же характерны для неё и могут зависеть от психоэмоционального состояния человека, его знаний норм языка, уровня образованности и т.п. Рассмотрим следующие примеры:

Жил у соседки собачка, звали Жучок.

Die Nachbarin hatte einen Hund, »Schutschok« hieß er.

Здесь рассказчица оговорилась, неправильно образовав форму глагола «жить» в прошедшем времени. Так, вместо того, чтобы согласовать форму глагола с существительным «собачка», она согласовала его с именем собственным «Жучок», что в переводе передать сложно, поскольку в немецком языке глаголы в прошедшем времени не изменяются по родам.

Другой пример:

Ночью сню, как я эвакуируюсь...

Eines Nachts habe ich geträumt, dass ich evakuiert werde ...

В этом предложении допущена словообразовательная речевая ошибка. Так, правильнее было бы сказать «ночью снится мне», но рассказчица, использовала невозвратный глагол в форме 1 лица ед. ч. Конечно, перевести подобную ошибку тоже сложно, поэтому переводчику пришлось её исправить.

И еще один пример:

И дочери у меня есть, и сыны...

Ich habe Töchter und Söhne ...

Словоформа «сыны» существует в русском языке, но относится к возвышенному стилю и означает «людей как граждан, как активных членов общества», например, «отважные сыны Родины». В бытовом регистре такое употребление не узуально. В переводе используется нейтральное словарное соответствие «Söhne» – «сыновья».

Все вышеописанные примеры оригинала создают характерность автора монолога. Она ведет свой рассказ, как умеет, используя естественные для нее слова и выражения сниженного характера, допуская иногда речевые ошибки. Все эти элементы становятся составляющими ее речевого портрета, создается иллюзия, что перед нами живой человек, обладающий определенными характеристиками и качествами.

Переводчику в целом удается сохранить устный характер повествования. Однако сопоставительный анализ свидетельствует о невозможности передать релевантные для речевого портрета говорящего единицы. Общий сниженный характер речи в переводе подменяется хорошим литературным языком, в результате чего социальные и территориальные характеристики речевого портрета деревенской жительницы со свойственной ей манерой речеведения стираются. Это ведет к изменениям на уровне художественно-стилистической организации произведения, которые затрагивают эмоционально-смысловое воздействие на адресата и неизбежно сказываются на адекватности перевода.

Библиографический список

1. Химик В.В. Русская разговорная речь: общее понятие, обучение и вопросы терминологии // XLIII Международная филологическая конференция (11-16 марта 2014 г.): избранные труды. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2015. С. 460-471.

2. Тезекбаева Г.А. Спонтанная речь как объект лингвистики // ВЕСТНИК ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2011, №1. С. 76-79.

3. Малинина Н.В. Разговорная речь в художественном тексте: современная русская миниатюра (жанр миниатюры в современной русской литературе) // *Филология и человек*. 2014, №4. С. 143-149.
4. Брандес М.П. *Стилистика немецкого языка: Для ин-тов и фак. иностр. яз.* М.: Высш. шк., 1983. 271 с.
5. Брандес М.П. *Стилистика текста. Теоретический курс: Учебник*. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Прогресс-Традиция; ИНФРА-М, 2004. 416 с.
6. Гончарова Е.А., Шишкина И.П. *Интерпретация текста. Немецкий язык: Учеб. пособие*. М.: Высшая школа, 2005. 368 с.
7. Эйхенбаум Б.М. *Сквозь литературу: сборник статей*. Ленинград: Academia, 1924. 280 с.
8. Бабенко К.В., Князева Н.А. *Репродукция элементов разговорной речи в художественном тексте // Материалы V Международной междисциплинарной научной конференции «Конвергентные технологии XXI: вариативность, комбинаторика, коммуникация»*. Симферополь 2021. Изд. Антиква. С. 110-114.
9. Клочков А.В. *Речевая структура образа автора в межъязыковом аспекте // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*. 2017. № 1 (74). С. 95-98
10. Штранц-Никитина, В. *Композиционная роль диалога в книге Чернобыльская молитва // Poznańskie Studia Slawistyczne*. 321-347 pp. DOI 10.14746/pss.2020.19.16
11. Бахтин М.М. *Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет*. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
12. Горшков А.И. *Русская стилистика: Учеб. пособие*. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2001. 367 с.
13. Виноградов В.В. *О языке художественной прозы. Избранные труды*. 1-е изд. Москва: НАУКА, 1980. 362 с.
14. Брандес М.П., Провоторов В.И. *Предпереводческий анализ текста: учебное пособие*. 4-е изд., перераб. и доп. М.: КДУ, 2006. 240 с.
15. Одинцов В.В. *Стилистика текста*. Изд. 2-е, стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2004. 264 с.
16. Алексиевич С.А. *Чернобыльская молитва: хроника будущего*. Москва: Время, 2006. 379 с.
17. Брандес М.П. *Стилистический анализ: На материале немецкого языка*. Изд. 2-е, доп. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 208 с.

References

1. Khimik V.V. *Russian colloquial speech: general concept, training and issues of terminology // XLIII International Philological Conference (March 11-16, 2014): selected works*. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University. 2015. pp. 460-471.
2. Tezekbaeva G.A. *Spontaneous speech as an object of linguistics // VESTERNIK VSU. Series: Philology. Journalism*. 2011. №1. pp. 76-79.
3. Malinina N.V. *Conversational speech in the art text: modern Russian miniature (the genre of miniature in modern Russian literature) // Philology and Man*. 2014. №4. pp. 143-149.
4. Brandes M.P. *Stylistics of the German language: For Institutes and Factories of Foreign Languages*. Moscow. 1983. 271 p.
5. Brandes M.P. *Text Stylistics. Theoretical course: Textbook*. Moscow. 2004. 416 p.
6. Goncharova E.A., Shishkina I.P. *Interpretation of the text. German language: Textbook*. Moscow. 2005. 368 p.
7. Eichenbaum B.M. *Through literature: a collection of articles*. Leningrad. 1924. 280 p.
8. Babenko K.V., Knyazeva N.A. *Reproduction of elements of colloquial speech in the art text // Proceedings of the V International Interdisciplinary Scientific Conference "Convergent Technologies XXI: variability, combinatorics, communication"*. Simferopol 2021. pp. 110-114.
9. Klochkov A.V. *Speech structure of the author's image in the interlingual aspect // Scientific Notes of Orel State University. Series: Humanities and Social Sciences*. 2017. № 1 (74). pp. 95-98
10. Shtrants-Nikitina V. *Compositional role of dialog in the book Chernobyl // Poznańskie Studia Slawistyczne*. pp. 321-347 DOI 10.14746/pss.2020.19.16
11. Bakhtin M.M. *Questions of literature and aesthetics. Studies of different years*. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura. 1975. 504 p.
12. Gorshkov A.I. *Russian stylistics: Study guide*. Moscow. 2001. 367 p.
13. Vinogradov V.V. *About the language of artistic prose. Selected works*. Moscow. 1980. 362 p.
14. Brandes M.P., Provotorov V.I. *Pre-translation text analysis: a textbook*. Moscow, KDU. 2006. 240 p.
15. Odintsov V.V. *Stylistics of the text*. Moscow. 2004. 264 p.
16. Alexijewitsch S.A. *Tsernobyl. Eine Chronik der Zukunft*. Berlin Verlag in der Piper Verlag GmbH, München/Berlin, 2015. S. 269.
17. Brandes M.P. *Stylistic analysis: On the material of the German language*. Moscow. 2009. 208 p.

ЖУРНАЛИСТИКА В ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ JOURNALISM IN HISTORICAL AND THEORETICAL ASPECT

УДК: 004.6; 070(091)

DOI 10.36622/2587-9510.2024.53.2.016

Воронежский государственный технический университет

*доктор филологических наук, доцент
зав. кафедрой русского языка
и межкультурной коммуникации*

Скуридина С.А.

Россия, г. Воронеж,

e-mail: saskuridina@ya.ru

Voronezh State Technical University

*Doctor of Philology, associate
professor, department chairman,
the chair of Russian language and cross-
cultural communication,*

Skuridina S.A.

Russia, Voronezh,

e-mail: saskuridina@ya.ru

студент 4 курса направления «Журналистика»

Беспалова А.О.

Россия, г. Воронеж,

e-mail: nastasya.bespalova.2002@mail.ru

4th year student of the direction "Journalism"

Bespalova A.O. Russia, Voronezh,

e-mail: astasya.bespalova.2002@mail.ru

С.А. Скуридина, А.О. Беспалова

ЖУРНАЛИСТИКА ДАННЫХ: АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ

В статье описаны основные характеристики журналистики данных, условия и процесс ее формирования, основные функции журналистики данных в современном медиапространстве. Несмотря на то, что журналистика данных возникла в прошлом веке, это направление журналистики переживает эволюцию и становится востребованным инструментом СМИ в эпоху информационного взрыва. История возникновения и развития данного направления показывает, что современному журналисту, который работает преимущественно с аналитическими, новостными материалами или ведет журналистское расследование, в скором времени потребуется научиться работать с большими объемами данных. Журналистика данных (Data Journalism) – это метод сбора, анализа и визуализации данных для создания новостных материалов. В основе журналистики данных лежит работа с большими объемами информации, полученной из различных источников. Основными аспектами изучения журналистики данных являются: работа с базами данных, визуализация данных, анализ данных, создание историй на основе данных.

Ключевые слова: журналистика данных, данные, информация, журналистика

S.A. Skuridina, A.O. Bespalova

DATA JOURNALISM: ASPECTS OF STUDY

The article describes the main characteristics of data journalism, the conditions and process of its formation, the main functions of data journalism in the modern media space. Despite the fact that data journalism originated in the last century, this area of journalism is undergoing evolution and is becoming a sought-after media tool in the era of the information explosion. The history of the emergence and development of this area shows that a modern journalist who works mainly with analytical, news materials or conducts investigative journalism will soon need to learn how to work with large amounts of data. Data Journalism is a method of collecting, analyzing and visualizing data to create news materials. Data journalism is based on working with large amounts of information obtained from various sources. The main aspects of studying data journalism are: working with databases, data visualization, data analysis, and creating stories based on data.

Keywords: data journalism, data, information, journalism.

В настоящее время наблюдается увеличение потока разнообразной информации, получившее название «информационный взрыв». Зафиксировано, что только в промежуток с 1997 по 2002 годы (за 5 лет) человечеством было произведено информации больше, чем за всю предшествующую историю. Этот рост происходит в геометрической прогрессии. Объем цифровой информации удваивается каждые восемнадцать месяцев, в основном данный поток состоит из неструктурированных данных (около 95 %), в связи с чем дата-журналистика, или журналистика данных, становится востребованным направлением СМИ, ориентированным на обработку и интерпретацию неструктурированной информации. Сейчас люди перенасыщены информацией, перед многими стоит вопрос, не «где добыть информацию?», а как из большого объема поступающих данных вычленивать то, что важно, достоверно, и как потратить на это минимальное количество времени. Зарубежные СМИ используют данные в своих материалах давно, а в России это направление только начинает приобретать популярность. В 2020 году РБК включило журналистику данных в список 100 профессий будущего [1].

Несмотря на то что журналистика данных существует уже несколько десятилетий, в научной среде пока так и не пришли к единому определению данного понятия. Такая разобщенность мнений может быть связана с тем, что задачи дата-журналистов в разные исторические периоды менялись и/или дополнялись. Например, в настоящее время существует целый спектр доступных инструментов для самостоятельной обработки данных. В своей работе Е.А. Баранова и А.А. Шнайдер связывают невозможность дать понятию «журналистика данных» однозначное толкование с тем, что ученые рассматривают дата-журналистику с разных сторон: во-первых, как направление медиаиндустрии, тесно связанное с развитием компьютерной, вычислительной журналистики; во-вторых, в ракурсе эпистемологии журналистики данных (влияния феномена больших данных на современную журналистику); в-третьих, в ракурсе темы, связанной с журналистским образованием (новые требования к обучению журналистов программированию, статистике, визуализации данных) [2].

«Журналистика данных» возникла в первой половине 90-х годов, но термин появился значительно позже – в 2010 году – в связи с ростом объема открытых данных в интернете: государственные и другие учреждения стали публиковать данные в открытом доступе. Тогда немецкий журналист М. Лоренц организовал в Амстердаме первую международную конференцию по журналистике данных, а само понятие определили так – направление в журналистике, ориентированное на анализ крупных массивов данных и их последующая визуализация с целью выявить некую закономерность или факты.

В исследовании Н.Я. Макаровой журналистику данных определяют как специальность на стыке технических и гуманитарных областей: «Это специальность, сочетающая в себе технические и гуманитарные компетенции. В результате технологического прорыва в веб-среде появилось большое количество различных цифровых материалов, в том числе в виде открытых данных, а также программное обеспечение, позволяющее быстро и относительно легко оперировать значительными объемами различных видов информации. В качестве источника информации для дата-журналиста выступают не мнения экспертов или пресс-релизы, а данные, и главная задача журналиста этого направления – превратить данные в понятный сюжет и эффектный визуальный медиапродукт: графики, схемы, картинки» [6].

Резюмируя, можно сказать, что дата-журналист работает с данными. Это значит, что его материал строится не вокруг новостного события, явления, а вокруг данных, отчетов, статистики, цифр. Его задачей является обработка и анализ больших, сложных, неструктурированных данных, чтобы представить их в виде интересной и понятной читателю истории и понятной, простой визуализации.

Такой специалист востребован там, где требуется контент на базе точных, проверенных фактов с количественным обоснованием. Е.А. Баранова и А.А. Шнайдер отмечают, что дата-журналистика дает сегодня новое развитие традиционным журналистским жанрам – аналитической статье, расследованию, новостным жанрам [1].

Американский дата-журналист Пол Брэдшоу (Paul Bradshaw) в «Пособии по журналистике данных» отмечает, что это направление характеризуется, новыми возможностями, которые появляются, если удастся совместить традиционное «чутье на новости», навык поиска информации и умение представить на суд читателя захватывающую историю, основанную на огромном количестве разнообразной числовой информации, которая стала общедоступной [3].

В наше время журналистика данных интересна тем, что журналист описывает не отдельное событие, а с помощью данных охватывает множество подобных событий – это позволяет в большом информационном потоке посмотреть на социальные проблемы системно и выявить закономерности в каком-то явлении. Допустим, одной из волнующих тем в нашей стране является нападения бездомных собак. Если читатель обладает знаниями подобных фактов только в рамках своего города – читает исключительно местные СМИ, ему может показаться, что эта проблема не носит массовый характер или существует только в его регионе. На самом деле, если собрать данные, касающиеся нападений в других регионах или в других странах, окажется, что подобная проблема имеет общероссийский или общемировой характер. Если пойти дальше – собрать дополнительные данные, связанные с этой проблемой, допустим: пол нападающих собак, их количество в каждом регионе, увеличение или уменьшение численности, способы борьбы с нападениями в определенном регионе – эти данные раскрывают дополнительные аспекты проблемы. Они позволяют не только посмотреть на проблему со стороны, но и способствуют поиску решений на глобальном уровне. Тогда журналист становится не только транслятором информации, но и аналитиком, предлагающим способы решения проблемы. Такой подход к данным может привести к позитивным сдвигам в экономике, обществе, политике и в других сферах. Например, в 2010 году газета Las Vegas Sun создала провокационную серию статей о больничном лечении, проанализировав более 2,9 миллионов записей о больничных счетах. При этом они выявили многочисленные случаи предотвратимых травм, инфекций и хирургических ошибок, в том числе приводивших к смерти пациентов. Данные, которые были тщательно собраны и обработаны Sun, помогли информировать жителей Лас-Вегаса о состоянии их больниц и привели к принятию нового законодательства, касающегося больничного ухода.

Сейчас данные имеют большее значение, чем раньше. Если раньше основной работой журналиста было именно заполучить еще неопубликованные данные, то сейчас, когда в интернете появляется все больше данных в открытом виде, все большую ценность получает именно умение обработки данных и поиска в них журналистских историй. По мнению В. Лейбина, проблема современного мира – это не недостаток данных, а их избыток. Умение их анализировать, на сегодняшний день является одним из самых востребованных.

Несмотря на то, что данное направление в России приобретает популярность сейчас, первые материалы на основе больших данных появились в Великобритании и США еще в XIX веке: первый полноценный материал в жанре журналистики данных был создан английской газетой The Guardian в выпуске 1821 года. В исследовании английской газеты изучалась стоимость высшего образования в различных ВУЗах Британии, для этого, в газете были размещены свободные таблицы, в которых авторы указали стоимость за обучение в каждом университете. Работа получила позитивные отзывы за то, что впервые журналистика столь «открыто представила все данные для читательской аудитории».

Следующей яркой статьей в жанре журналистики данных считается 54-страничное исследовательская работа журналистки Флоренс Найтингейл. Её работа была посвящена анализу состояния и ежегодных потерь в штате британской армии в 1958 году. В исследовании автором было приведено огромное количество данных, переведенных в табличный вид и диаграммы. Основой для материала стали «сырые» данные, полученные из доступных на тот момент источников. Это исследование можно назвать полноценным журналистским расследованием, показавшим, что даже в мирное время смертность в армии оказывается почти вдвое выше, чем смертность гражданских лиц аналогичного возраста (вследствие проблем, совершенно не связанных с военными действиями – скажем, в силу несоблюдения санитарных норм в воинских частях).

Новизна работы заключалась не в использовании диаграмм и графиков (их в журналистских материалах использовали и до этого исследования), а в подходе к «сырым» данным. Ф. Найтингейл оформила полностью прозрачный материал, который при желании может проанализировать каждый читатель.

Но, несмотря на очевидность того, что перечисленные материалы основаны на самостоятельно проанализированных и интерпретированных журналистом данных, до 2010 года термина «журналистика данных» не существовало. История его появления несколько сложнее. Несмотря на то, что определить конкретные сроки появления этого понятия достаточно сложно, эксперты и сами журналисты чаще всего отталкиваются от двух значимых дат в смежных областях, без которых появление журналистики данных было бы невозможно.

1952 год ознаменовался тем, что журналисты впервые для работы использовали компьютер. Телекомпания CBS арендовала вычислительные мощности компьютера UNIVAC I, чтобы обработать результаты президентских выборов. Такая практика – использование компьютера в журналистике – получила название Computer-assisted reporting (CAR – журналистский репортаж, созданных с использованием вычислений на компьютере). Вторая значимая для журналистики данных дата – 2001-2002 годы, когда формируется понятие Big Data (большие объемы данных). Понятие Big Data возникает в период развития интернета и технологий, когда начинают накапливаться большие объемы данных и увеличиваются скорость и объемы их накопления.

Журналист WashingtonPost.com А. Головатый в 2005 году запустил свой проект, «chicagocrimes.org», для которого создал специальную код-программу, анализирующую информацию, публикуемую на официальном сайте Департамента полиции Чикаго. Программа выдавала отчеты по всем преступлениям, совершенным в городе за неделю. Это помогало заполнять сайт WashingtonPost.com новостями. В некоторых источниках А. Головатому приписывают авторство термина «журналистика данных».

А. Головатый говорил, что журналистика в тандеме с компьютерными технологиями позволяет собирать информацию, которая сегодня «растет в геометрической прогрессии», пропускать ее через фильтр (редакцию) и определенным образом представлять. То есть, это те же задачи, которые выполняет традиционная журналистика, только для их достижения используются новые методы [4].

Полноценное определение для журналистики данных было дано на первой международной конференции на тему журналистики данных (datadriven journalism), которая прошла в 2010 году в Амстердаме, после чего данное направление журналистики считается официально сформированным. Начиная со второй половины 2010 года, понятие журналистики данных уже активно используется на конференциях и в научных работах.

В настоящее время дата-редакции есть во всех крупных иностранных изданиях, например в «The New York Times», «Financial Times», «The Washington Post», «Bloomberg», «National Geographic». Если у нас дата-журналистика – это пока что-то новое и не совсем понятное, то в западных изданиях она востребована давно. В России дата-журналистика возникла на стыке трёх областей: журналистики, аналитики данных и области создания визуального контента.

Важная составляющая для развития журналистики данных – открытость информации на государственном уровне, потому что основным источником для data-журналистов являются базы данных, которые накоплены в различных государственных информационных системах. В России же подобная информация была закрыта.

Значимой датой, давшей толчок развитию журналистики данных в России, стал 1999 год, когда появился официальный сайт Росстата (Федеральной службы государственной статистики). Именно тогда стали появляться различные исследования, основанные на данных этого сайта. Росстат и сегодня публикует данные о разных сферах жизни человека, что в свою очередь открывает большой потенциал для создания полноценных исследований.

Также важной датой можно считать 2010 год – в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 26 мая 2010 г. № 367 появилась база данных ЕМИСС. ЕМИСС – это система, где хранятся и размещаются официальные статистические данные о деятельности государственных органов и местного самоуправления.

В 2013 году были приняты Федеральный закон N 112-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления», то есть все государственные структуры с этого времени обязаны предоставлять отчеты о своей деятельности. Данные изменения послужили толчком для развития дата-журналистики в России.

Если первые дата-отделы в зарубежных СМИ появились еще в 2000-х, то первый дата-отдел в редакции российского СМИ открылся лишь в 2018-м. Российские дата-журналисты готовят материалы для «Проекта», «Важных историй», «Тинькофф Журнала», Сбербанк, РБК, ТАССа, РИА. В «Новой газете» и «Важных историях» существуют отдельные редакции (дата-отделы).

А в 2019 году бывшая студентка НИУ ВШЭ Д. Линделл стала первой в России обладательницей премии Data Journalism Awards, которую она получила за несколько расследований, в том числе об увеличении в России смертности от ВИЧ. Journalism Awards – этот международный конкурс в области дата-журналистики. Организаторы выделяют выдающиеся работы в области журналистики-данных во всем мире.

Как видим, в настоящее время формируется и становится все более популярным в области журналистики направление – журналистика данных. Его актуальность связана с ростом объема информации в интернете и появлением такого явления, как Big Data. «Все вокруг нас превращается в данные, и эти данные разрастаются с бешеной скоростью. Если раньше нужно было прочитать 1–3 документа, чтобы что-то найти, теперь их сотни, тысячи. Невозможно изучить все глазами, необходимо уметь программировать. Но даже если вы экономический журналист, дата-журналистика все равно скоро вас настигнет» [5]. Но это не говорит о том, что традиционная журналистика умирает, а ей на смену приходит журналистика данных. Напротив, дата-журналистика – это не отдельный вид журналистики, а дополнительное направление к уже существующим, традиционным СМИ, которое способно где-то упростить задачу журналистам, создать новые рабочие места и развить уже существующие традиционные журналистские жанры, такие как аналитическая статья, расследование или новостные жанры.

Библиографический список

1. Александр Корзун, Андрей Абрамов, Никита Нестеров РБК тренды «150 профессий будущего» URL: <https://trends.rbc.ru/trends/education/5d6e48529a794777002717b#p16>
2. Баранова Е. А., Шнайдер А. А. «Формы подачи материалов в дата-журналистике» URL: [file:///C:/Users/Admin/Downloads/formy-podachi-materialov-v-data-zhurnalistike%20\(2\).pdf](file:///C:/Users/Admin/Downloads/formy-podachi-materialov-v-data-zhurnalistike%20(2).pdf)
3. Брэдшоу П. «Пособие по журналистике данных»
4. Дымшица Д. М. «Журналистика данных» URL: <https://vernsky.ru/uploads/documents/5411c4b0f2ad471e773c6df1.pdf>
5. Макарова Н.Я. Дата-журналистика как драйвер развития медиа и журналистского образования // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2020. № 6. С. 55–64. DOI: 10.28995/2686-7249-2020-6-55-64

References

1. Alexander Korzun, Andrey Abramov, Nikita Nesterov RBC trends "150 professions of the future" URL: <https://trends.rbc.ru/trends/education/5d6e48529a794777002717b#p16>
2. Baranova E. A., Schneider A. A. "Forms of submission of materials in data journalism" URL: [file:///C:/Users/Admin/Downloads/formy-podachi-materialov-v-data-zhurnalistike%20\(2\).pdf](file:///C:/Users/Admin/Downloads/formy-podachi-materialov-v-data-zhurnalistike%20(2).pdf)
3. Bradshaw P. "Handbook of Data Journalism"
5. Dymshitsa D. M. "Data journalism" URL: <https://vernsky.ru/uploads/documents/5411c4b0f2ad471e773c6df1.pdf>
6. Makarova N.Ya. Data journalism as a driver of media development and journalistic education // Bulletin of the Russian State University. The series "Literary criticism. Linguistics. Cultural studies". 2020. No. 6. pp. 55-64. DOI: 10.28995/2686-7249-2020-6-55-64

УДК: 82

DOI 10.36622/2587-9510.2024.53.2.017

*Санкт-Петербургский государственный
Медицинский университет им. И.И. Мечнико-
ва*

*канд. филол. наук, доцент кафедры русского
языка*

Белова А.В.

Россия, Санкт-Петербург,

+79119447714,

e-mail: ioanna.ventina@gmail.com

St. Petersburg State

*Medical University named after I.I. Mechnikov
candidate of Philology, assistant Professor, De-
partment of Russian as a Foreign Language*

Belova A.V.

Russia, Saint-Petersburg,

+79119447714,

e-mail: ioanna.ventina@gmail.com

А.В. Белова

АЛЕКСАНДР ЧЕХОВ - ФОТОГРАФ

Статья посвящена Александру Павловичу Чехову, эрудиту и полиглоту, беллетристу и журналисту, старшему брату Антона Павловича Чехова. Александр Павлович Чехов был очень увлекающейся натурой. Многие вещи ему нравилось делать собственными руками: изготавливать линолеум, выводить породистых кур, мастерить часы, высаживать огород, переплетать книги, составлять рецепты чернил и растворов для пломбирования зубов. Но было у него еще одно увлечение, которое пригодились в его репортерской работе – фотографирование. Он изобретал новый вид фотобумаги, составлял особые проявители. Свои советы он обобщил в брошюре «Химический словарь фотографа», который был издан в издательстве А.С. Суворина, и спустя четыре года был переиздан вторично. Автор придал своему руководству форму словаря как самую простую и удобную. В каждой словарной статье книги приводятся практические рекомендации по приготовлению и применению химического вещества или соединения. О своих фото он часто упоминает в письмах к брату Антону Павловичу Чехову. Отзывы Антона Павловича на сообщения старшего брата о его фотографических работах короткие и равнодушны, он с пренебрежением относится к фотографии как к занятию. Однако, думается, что благодаря увлечению фотографией Александра Павловича Чехова семейный фотоархив Чеховых довольно обширен, поскольку многие из фотографий родных и друзей семьи были сделаны именно им.

Ключевые слова: Александр Чехов, фотография, переписка.

A.V. Belova

ALEXANDER CHEKHOV - PHOTOGRAPHER

The article is dedicated to Alexander Pavlovich Chekhov, an erudite and polyglot, fiction writer and journalist, the elder brother of Anton Pavlovich Chekhov. Alexander Pavlovich Chekhov was a very enthusiastic person. He liked to do many things with his own hands: making linoleum, breeding purebred chickens, making watches, planting a vegetable garden, binding books, making recipes for ink and solutions for filling teeth. But he had another hobby that was useful in his work as a reporter - photography. He invented a new type of photographic paper, which created great inconvenience for manufacturers. He published his advice in the brochure "The Photographer's Chemical Dictionary," which was published by the publishing house A.S. Suvorin. and four years later it was republished a second time. The author gave his thoughts the form of a dictionary as the simplest and most convenient. Each dictionary entry in the book provides practical recommendations for the preparation and use of chemicals or compounds. He is often mentioned about his photographs in letters to his brother Anton Pavlovich Chekhov. Anton Pavlovich's responses to his older brother's messages about his photographic work are short and indifferent; he disdains photographs as a form of employment. However, it seems that thanks to Alexander Pavlovich Chekhov's passion for photography, the Chekhov family photo archive is quite extensive, since many of the photographs of relatives and family friends were created by him.

Key words: Alexander Chekhov, photography, correspondence.

Интерес к чеховскому окружению, к людям, которые составляли его семью и дружеский круг, не уменьшается до сих пор, что отчасти подтверждается упоминаниями о них в сценариях новых

художественных фильмов, как, например, в фильме Дмитрия Светозарова «А.Д». 2009 года, где встречается упоминание о фотографе-любителе по имени Александр Чехов.

«Фотографический и плодовитый брат мой!» – так Антон Павлович Чехов обращается в письме к своему старшему брату Александру Павловичу [1; с. 593].

Эрудит и полиглот, беллетрист и журналист Александр Павлович Чехов был очень увлекающейся натурой. Многие вещи ему нравилось делать собственными руками: изготавливать линолеум, выводить породистых кур, мастерить часы, высаживать огород, переплетать книги, составлять рецепты чернил и растворов для пломбирования зубов. Но было у него еще одно увлечение, которое пригодилось в его репортерской работе – фотографирование. К этому занятию он очень тяготел, часто снимал родных, сам проявлял карточки, отсылал их. Но и в этом случае он не мог удовлетвориться настоящим положением дел, поскольку был творческой натурой: изобретал новый вид фотобумаги, составлял особые проявители. Свои советы он обобщил в брошюре «Химический словарь фотографа», который был издан в издательстве А.С. Суворина, и спустя четыре года был переиздан вторично.

О своих фото он часто упоминает в письмах к брату Антону Павловичу Чехову:

«Я написал тебе письмо, вложил в него карточку Марьи» [481];

«Посылаю мои фотографические работы. Одну из карточек передай Семашку с пророчеством, что негатив цел и, стало быть, по первому его требованию могут быть воспроизведены оттиски в любом количестве; второй экземпляр возьми себе, как свидетельство того, что хотя я и выше тебя по таланту, но некоторое почтение тебе все-таки оказываю. Третью карточку отдай сестре как художнику. Я посылаю эти произведения не наклеенными на картон для того, чтобы тратить поменьше на пересылку. Буде захотите наклеить сами, то рецепт прост. Взять зеркальное или оконное стекло, чисто вымыть, вычистить тальком (10 коп. фунт в любой москательной лавке, а иногда и в аптекарских магазинах). При помощи ваты вытереть порошком этого талька все подозреваемые на стекле жирные пятна и тальк удалить чистым носовым платком без соплей. Затем присланные карточки положить в воду, наиболее бедную солями, подержать минут десять, пока разбухнет верхний слой желатины, и прямо из воды, не давая ей стекать, наложить Семашку (Семашку Мариан Ромуальдович, артист оркестра, приятель А.П. Чехова – А.Б.) лицом прямо на стекло. Если появятся пузырьки воздуха – прогнать их осторожно, проводя пальцем по изнанке. Лишнюю воду снять полотенцем. Когда слегка подсохнет, намазать крахмалом, наложить на крахмал картон, придавить часа на 2 тяжестью и успокоиться. Когда поспеет – отстанет само собою и получится карточка на картонке. Насильственно отдирать не следует» [1; с. 591];

«Патреты» вышло, как только будут готовы оттиски. Погода сырая, карточки сохнут плохо, а на огне сушить нельзя, ибо в основе их — желатин, плавящийся при высокой температуре. Приходится ждать, пока высохнут в комнатном сыром осеннем воздухе» [1; с. 598];

«Получил ли ты высланные тебе заказным в Алексин высокохудожественные произведения моей фотографии. Умилился ли ты, глядя на них? Когда приедешь в Питер, сниму и тебя за какие-нибудь прегрешения» [1; с. 602];

«Прилагаемую карточку, под заглавием «Се аз и дети моя, яже ми даде блуд», передай Евгении Яковлевне, бабушке от внуков» [1; с. 610];

«На этих днях (в зависимости от питерского света) я пришлю тебе несколько отпечатков с сахалинских негативов <...> На отпечатки не смотри как на удачную работу. Летом, когда будет солнце, я их повторю; теперь же сделать их лучше, не имея павильона на крыше, я не могу» [1; с. 611];

«Фотография продвигается вперед туго – не до нее. Негативы целы и ждут лучших времен для печатания и большого света в моей душе. Там теперь – темнее мрака (из-за болезни младшего сына – А.Б.)» [1; с. 617];

«Принялся за фотографию и скоро пришлю тебе снимки. Дела поправляются» [1; с. 619];

«Суворин fils (Алексей Алексеевич Суворин, журналист, издатель газеты «Русь», сын А. С. Суворина – А.Б.) вручил мне фотографический аппарат и произвел в лейб-фотографы «Нового времени» [1; с. 625];

«Я изготовил большую работу по фотографии в громадном формате: приготовил несколько снимков из быта училища слепых. Снимки эти пойдут на выставку в Чикаго» [1; с. 632];

«Нажил себе улыбающегося врага: по неотступной просьбе снял мамзель Эмили (гувернантку, которой ты лечил ногу). Мой прелестный объектив передал с математической точностью все ее мор-

щины, и она обиделась на меня за то, что стара. Снималась она в костюме эльзасской молоденькой девочки. Получилось соединение уксуса с пятиалтынным» [1; с. 643];

«Коломнин обещал мне дать свой фотографический аппарат напрокат. Цены он необычайной, но толку в нем мало, ибо он неудобен к употреблению» [1; с. 645];

«Фотографирую, пью, ем, пишу рассказы (плохие) и исполняю супружеские обязанности» [1; с. 657];

«Дофин (Алексей Алексеевич Суворин, журналист, издатель газеты «Русь», сын А. С. Суворина – А.Б.) преуспевает, кроме журналистики, еще и художестве. У себя в имении занялся фотографией и привез мне пластинки проявлять. Помучился я с ними. Ни одного порядочного негатива не вышло. Ухитрился он даже сочинить фотографический абсурд: снять солнце – и вышло, конечно, нечто ужасное. Снимать же солнце так же невозможно, как (по Библии) видеть Бога. В обоих случаях смерть и пластинке и человеку» [1; с. 665];

«Как фотограф и как человек я отрицал и отрицаю вспышку при съемке. Я всегда удаляю детей и нервных людей. Советую и тебе как врачу пропагандировать значение этого вреда... Есть люди, для которых вспышка – плевое дело. Но есть и такие, которые чувствуют себя 2-3 дня очень скверно после вспышки. Нервы расстраиваются.. Доказательство налицо. Вчера при вспышке ты невольно двигался. Действие света и на диван, и на тебя (как на физическое тело) было одно и то же. В результате получилось: диван и то место (орнаменты), где была твоя голова, – прекрасно. Тебя же нет. Ты от своих невольных движений превратился только в световую полосу. Ergo, не только нельзя снимать нервных людей при вспышке, но вспышку надо преследовать как очень ненормальное и не нужное измышление. Я рад, что ты эту прелесть испытал на себе, и еще более рад тому, что могу дать в твои именно руки доказательство, в истине которого не можем сомневаться ни ты, ни я» [1; с. 690-691];

«Шубинский (Сергей Николаевич Шубинский - русский историк, журналист – А.Б.) уже заказал мне описание и фотографии дворца в Таганроге» [1; с. 692];

«Отпечатал я тебе всю твою сахалинскую коллекцию с негативов покойного Щербака» [1; с. 693];

«Собираюсь ехать на юх, главным образом в Таганрог, снимать и описывать для «Исторического Вестника» дворец и разные разности, относящиеся к Александру <...> Везу с собою фотографию. Очень возможно, что проездом оставлю для тебя или у Ивана в Москве, или у француженки на Лопасне альбом твоих сахалинских снимков» [1; с. 694-695];

Редактируя журнал «Слепец», Александр Павлович занимается и фотографиями для этого издания («Я изготовил большую работу по фотографии в громадном формате, приготовил несколько снимков из быта училища слепых. Снимки эти пойдут на выставку в Чикаго» [1, с. 632].

Даже образность выражений отражает фотографический интерес Александра Чехова, вот как, например, он рассказывает о семейном курьеze в письме к Антону Павловичу: «Луковицу, которая варится в супе, съедала обыкновенно Гагара (теща Александра Павловича – А.Б.). Приехал батька и возжелал тоже есть эту луковицу. Стали класть ему ее на тарелку, как гостю, в ожидании, что он рыцарски поделится со старухой.. Но ожидания не только не сбылись, но вышло даже нечто противоположное <...> Когда луковица исчезала, он, ослабившись, обращался невинно к старухе и заявлял: «Ах, а вам я луковицы и забыл дать...» Курьеzнее всего то, что это с *фотографической* (курсив мой – А.Б.) точностью повторялось ежедневно» [1; с. 624].

О своем пристрастии к фотографии читаем и в дневнике Александра Чехова:

«Сегодня и вчера работал над изготовлением желатино-соленой бумаги. Выходит дельно, на манер матовой аристотипной» [2; с. 3];

«Составил свой собственный сложный проявитель. Действует поразительно: недодержанные снимки выходят вполне безукоризненно» [2; с. 3]; он часто сам оценивает свой интерес к составлению различных растворов (чернил, проявителей и пр.) как пристрастие химика: «Сильна химическая жилка» [2; с. 12].

В воспоминаниях Е.М. Сахаровой (дочери Михаила Павловича Чехова – А.Б.) встречается упоминание о фотоснимке Александра Чехова: «Сохранилась любительская фотография Александра Павловича, снятая в начале нашего века во время его пребывания в Ялте. Он стоит на балконе какого-то дома и смотрит на небо. Внизу фотографии надпись его рукою: «Журавли летят! И у них, поди, тоже семейные неприятности бывают... Н-да!» [3; с. 587].

Сын Ал.П. Чехова Михаил Александрович Чехов вспоминал: «Он любил путешествовать и умел это делать. Он никогда не брал с собой вещей. Через плечо перекинут небольшой баул от фотографического аппарата, в бауле немного белья и в руках палка» [4; с. 12].

Отзывы Антона Павловича на сообщения старшего брата о его фотографических работах коротки и равнодушны, он с пренебрежением относится к фотографии как к занятию: «Я давно уже получил от тебя письмо с фотографиями Семашко» [1; с. 593]; «Фотографии получены» [1; с. 621]; «Фотографии передал по назначению. Но так как у нас в доме все комоды и окна завалены фотографиями, то подарок твой не произвел ровно никакого впечатления. На этом свете я считаю самыми бесполезными два занятия: выпиливание и фотографию» [1; с. 629].

О большой работе Александра Чехова – химическом словаре фотографа – он отзывался и вообще с сарказмом: «Вышли скорее свой фотографический словарь. Скорее, потому что в сортире у нас вся бумага уже вышла» [1; с. 720].

В ответ на шутовскую просьбу А.П. Чехова выслать «фотографический словарь», Александр Павлович высылает один экземпляр Антону Павловичу в 1892 году, подписав обложку: «Братцу Алтон Палчу I/XI 92 Автор», на титульном листе читаем: «Антоше – Саша 30/XI 92» и далее: «Ты так не напишешь. А. Чехов». Второй экземпляр был послан А.П. Чехову в ноябре 1896 года с надписью: «На память от брата-автора. Спб».

В предисловии к словарю (Чехов, Александр. Химический словарь фотографа /Александр Чехов; Сост. по Фуртье и др. иностр. и рус. источникам; [Предисл. авт.]. СПб.: Изд. и тип. А.С. Суворина, 1892.) Ал.П. Чехов писал, что существует достаточно много руководств по фотографическому делу, но до сих пор не было представлено такого, где бы был указан систематический перечень химических веществ, которые используют фотографы. Именно поэтому автор придал своему руководству форму словаря как самую простую и удобную. В каждой словарной статье книги приводятся практические рекомендации по приготовлению и применению химического вещества или соединения [5; с.31].

«Александр оказался замечательным просветителем: не только популяризатором науки, а, что немаловажно, пропагандистом практических знаний <...> Ему, в частности, принадлежит одно из первых в России пособий по фотоделу – четкое, содержательное, увлекательно и просто написанное» - так отзывался об этой работе Е.М. Гушанская [1; с. 21].

На Белой даче, как называют ялтинский дом Антона Павловича в комнате родственников можно увидеть книгу Александра Чехова «Химический словарь фотографа» с шуточной надписью брату Антону: «Ты так не напишешь».

Фотографические принадлежности Александра Павловича Чехова и некоторые его фотографии, где запечатлена с его помощью чеховская семья, жившая в ту пору в селе Мелихово, хранятся сегодня в музее-заповеднике А.П. Чехова «Мелихово».

Снимков самого Александра Чехова и его семьи сохранилось немало. На многих фотокарточках он немного позирует (видимо, сказывалось юношеское увлечение театром): особый поворот головы (полупрофиль), значительное или задумчивое выражение лица, как на снимке, о котором вспоминала племянница Ал.П. Чехова, часто надеты очки (на последних снимках очки темные как следствие внезапной слепоты в 1886 году).

Вот описание одного из снимков, сделанного Александром Чеховым в марте 1892 года, в первые дни приезда семьи Чеховых в Мелихово – на фото изображены Чеховы и их гости: сестра Мария Павловна, Антон Павлович, средний брат Иван Павлович, учительница Александра Александровна

Лёсова, младший брат Михаил Павлович и полтавский помещик Александр Иванович Смагин

(<https://ru.pinterest.com/pin/811492426595845316>). Все сидят на диване в комнате, на фоне стены, на которой расположены фотографии в рамках и картина. Лица на фотографии веселые, Антон Павлович прикрывает руками нижнюю часть лица, будто пряча улыбку. Фотограф застал присутствующих в непринужденных позах в момент общего веселья, а может быть и проговорил какую-нибудь остроумность в момент фотографирования.

Думается, что и благодаря увлечению фотографией Александра Павловича Чехова семейный фотоархив Чеховых довольно обширен, поскольку многие из фотографий родных и друзей семьи были сделаны именно им.

Библиографический список

1. Александр и Антон Чеховы. Воспоминания. Переписка // Под ред И.Н. Сухих. Сост., подг. текста и коммент. Е.М. Гушанской, И.С. Кузьмичева. – М.: «Захаров», 2012. 960 с.
2. Чехов М. А. Дневник Ал.П. Чехова. Ф 2316 оп.2, ед.хр. 35. Москва, РГАЛИ.
3. Вокруг Чехова. Москва: Правда, 1990. 656 с.
4. Чехов М. А. Путь актера. Жизнь и встречи. Москва: Издательство АСТ, 2019. 352 с.
5. Личная библиотека А.П. Чехова. Избранное. Таганрог: типография «Веда». 2017. 156 с.
6. Чехов А.П. Химический словарь фотографа. Спб: изд. А.С. Суворина, 1892. 107 с.

References

1. Alexander and Anton Chekhov. Memories. Correspondence // Edited by I.N. Dry. Comp., preparation of text and commentary. EAT. Gushanskaya, I.S. Kuzmicheva. – M.: “Zakharov”, 2012. 960 p.
2. Chekhov M.A. Diary of Al.P. Chekhov. F 2316 op.2, storage unit. 35. Moscow, RGALI.
3. Around Chekhov. Moscow: Pravda, 1990. 656 p.
4. Chekhov M. A. The actor’s path. Life and meetings. Moscow: AST Publishing House, 2019. 352 p.
5. Personal library of A.P. Chekhov. Favorites. Taganrog: Veda printing house. 2017. 156 p.
6. Chekhov A.P. The photographer's chemical dictionary. St. Petersburg: ed. A.S. Suvorina, 1892. 107 p.

УДК 070.654 (1)
DOI 10.36622/2587-9510.2024.53.2.018

Воронежский государственный технический университет
ассистент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации
Вохминцева А.В.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(952)104-85-09
e-mail: v.alya140177@gmail.com

Voronezh State Technical University
assistant of the Department of Russian Language and Intercultural Communication
Vokhmintseva A.V.
Russia, Voronezh, tel. +7(952) 104-85-09
e-mail: v.alya140177@gmail.com

ГАНОУ ВО «Региональный центр «Орион»
специалист по связям с общественностью
Толкачева А.А.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(999)720-56-82
e-mail: petrova.ann200@yandex.ru

GANOU VO «Regional Center «Orion»
specialist public relations
Tolkacheva A.A.
Russia, Voronezh, tel. +7(999)720-56-82
e-mail: petrova.ann200@yandex.ru

А.В. Вохминцева, А.А. Толкачева

ОСВЕЩЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЦОВ И ДЕТЕЙ В СМИ

Семейные ценности – это система духовно-нравственных и морально-этических норм конкретной семьи, которые регламентируют не только взаимодействие между ее членами, но и их взаимодействие в обществе, с окружающей действительностью. Семейные ценности обеспечивают жизнедеятельность и развитие института семьи. Семейные ценности молодежи претерпели существенные изменения и заметно разнятся с традиционными семейными ценностями, усвоенными их родителями, что создает неверное представление в общественном мнении об их полном отсутствии в сознании молодежи. Роль отцов в воспитании детей долгое время была недооцененной. В первую очередь это связано со стереотипом, берущим свое начало из первобытных времен: женщина оберегает семейный очаг, занимается детьми и создает домашний уют, а мужчина выполняет функцию добытчика. Только в последние десятилетия с прогрессивным развитием общества, в частности, изменением ролевых моделей, социум начал осознавать значимость отца в жизни ребенка. Освещение проблемы отношений между отцами и детьми в средствах массовой информации помогает повысить уровень осведомленности аудитории о значимом участии отцов в воспитании и развитии детей, а также расширяет представление о роли и возможностях отцовства.

Ключевые слова: средства массовой информации, родители, дети, проблема отношений, конфликт, программа, передача, телеканал, общество.

A.V. Vokhmintseva, A.A. Tolkacheva

COVERAGE OF THE PROBLEM OF FATHERS AND CHILDREN IN THE MEDIA

Family values are a system of spiritual, moral and ethical norms of a particular family, which regulate not only the interaction between its members, but also their interaction in society, with the surrounding reality. Family values ensure the vital activity and development of the family institution. The family values of young people have undergone significant changes and differ markedly from the traditional family values learned by their parents, which creates a misconception in public opinion about their complete absence in the minds of young people. The role of fathers in parenting has long been underestimated. First of all, this is due to a stereotype originating from primitive times: a woman protects the family hearth, takes care of children and creates a home, and a man performs the function of a breadwinner. It was only in recent decades, with the progressive development of society, in particular, the change of role models, that society began to realize the importance of the father in the child's life. The media coverage of the problem of the relationship between fathers and children helps to raise the awareness of the audience about the significant participation of

fathers in the upbringing and development of children, as well as expands the understanding of the role and possibilities of fatherhood.

Keywords: mass media, parents, children, relationship problem, conflict, program, program, TV channel, society.

Проблема взаимоотношений «отцов и детей» актуальна в любое время. На планете живет более 7,9 миллиарда человек, каждый из которых является членом семьи, одновременно выполняя разные социальные роли. Практически в каждой семье, часто или редко, случаются ссоры, причиной которых являются мировоззренческие проблемы, связанные со сменой поколений.

Еще И.С.Тургенев в XIX веке поднимал этот вопрос в своем романе «Отцы и дети». Уже в названии произведения обозначена проблема взаимоотношения двух поколений, которая в романе отражена в борьбе двух мировоззрений – либерализма и нигилизма. Роман И.С. Тургенева был написан два века назад, но проблемы, затронутые в нем, актуальны и в наше время. Проблема отношений между детьми и родителями в произведениях литературы поднималась в разное время многими авторами [1; с.29].

Отец рождается в определенный исторический период и проживает жизнь, руководствуясь учениями, нравами, порядками своего окружения. Его ребенок появляется на свет спустя несколько десятилетий. Социум развивается: на смену старым установкам приходят новые, одни традиции сменяются другими. Исходя из этого, следует сделать вывод о том, что столкновение различных точек зрения в семье неизбежно, в связи с чем проблема отцов и детей никогда не утратит свою актуальность. Родители будут воспитывать своих детей, придерживаясь таких принципов, какие применяли по отношению к ним. Ребенок же ориентируется на современные реалии, испытывает внутренний порыв к новому, не желает отставать от своих сверстников и потому требует иных знаний от родителей, которые в свою очередь, не только не могут дать их, но и пытаются от них оградить, считая чуждыми.

Как известно, одна из функций средств массовой информации – воздействие на аудиторию, в результате которого происходит формирование общественного мнения. Поэтому современные СМИ играют ключевую роль в создании и демонстрации положительного образа отца и его отношений с детьми. Кроме того, важно транслировать негативные жизненные ситуации и методы, которые помогли в их решении. Все это способствует укреплению отношений модели отец-ребенок, распространению позитивных стереотипов в обществе.

В настоящее время одной из главных причин конфликтов поколений является скорость распространения информации: родители современных детей воспитывались в то время, когда ритм жизни был более размеренным. Еще одна причина – погружение детей в виртуальный мир, что легко осуществляется с помощью современных технологий [2; с. 24].

Информационные технологии XXI века позволяют подрастающему поколению быть в сети наравне со всеми и в свободном доступе получать информацию, которая ранее была строго под запретом. Родители не всегда имеют возможность контролировать ребенка в сети, многие не могут с этим смириться, тем самым увеличивая разрыв между «отцами» и «детьми».

По данным опроса Всероссийского центра изучения общественного мнения, 36% опрошенных причину проблемы отношений между отцами и их детьми видят в невозможности понимания друг друга из-за влияния разного жизненного опыта. При этом сильнее всего недопонимание ощущают молодые люди в возрасте от 18 до 24 лет (49%) [3].

За последние пять лет значительно увеличилось количество программ, посвященных теме отцов и детей, транслируемых в СМИ. «Первый канал» транслирует передачу «Сегодня вечером». В выпуске от 15.07.2023 года в гости к ведущему программы (Николай Цискаридзе) пришли известные отцы со своими детьми. На протяжении всей передачи они делились своими секретами о том, как сохранить гармоничные отношения в семье и рассказывали различные истории о дружной, доверительной и уважительной связи между родителями и детьми [4].

Каждую неделю на телеканале «МИР» выходит познавательное-развлекательное ток-шоу «Отцы и дети». Её ведущими являются отец и сын Никита и Сергей Белоголовцевы. Вместе со своими гостями они обсуждают самые актуальные темы современности. Свою точку зрения высказывают и представители младшего, и представители старшего поколений. При наличии разногласий, гости аргументируют свои позиции, прислушиваются друг к другу и стараются найти компромисс [5].

Российский федеральный телеканал «ТВ Центр» в рамках программы «Реальные истории» выпустил передачу «Отцы и дети» [6]. В ней редакторы собрали реальные истории известных родителей

и их детей. В программе поднимаются вопросы общения ребенка с отцом после развода родителей, негативного отношения отца к выбору профессии наследника, примирения после длительных конфликтов, а также обсуждается роль мужчины (отца, брата).

Телеканал «Россия-Культура» выпустил цикл передач «Отцы и дети», в которых зрителям рассказывают о династии семей [7]. Продолжатели известных династий и их наставники делятся традициями, передающимися из поколения в поколение, своими воспоминаниями, историями о поисках своего места в жизни и рассуждениями о том, каково это – быть ребенком известного родителя.

Общероссийский федеральный телеканал «ОТР» (Общественное телевидение России) выпускает программу «За дело! Поговорим». Темой выпуска от 09.10.2023 года стала тема «Отцы и дети» [8]. В отличие от схожих программ других телеканалов, здесь ведущая программы общается с немедийными отцами и демонстрирует зрителям истории обычных российских семей.

Российский телеканал «Ю» выпускает социальное реалити-шоу «Дорогая, мы убиваем детей» [9]. Этот проект уникален тем, что в нем участвует не только семьи, но и психологи. Они помогают найти причины возникновения и пути решения конфликтов, которые мешают родителям и детям обрести семейное счастье и благополучие.

Федеральная государственная радиостанция общего формата «Радио России» и общественно-политическая радиостанция «Комсомольская правда» выпускают передачи, в которых ведущие с психологами обсуждают важные для формирования личности ребенка темы, такие как «Почему молчит подросток», «Что делать родителям, чтобы стресс не сказался на ребенке?», «Дети, выросшие без отца – какие они?» и так далее [10,11].

Республиканская ежедневная газета «Северная Осетия» опубликовала статью психолога Аделины Камбеговой, в которой она рассуждает о том, что в современном обществе происходят радикальные изменения в отношении роли отца. Современная молодежь отвергает уже устоявшиеся ценности и предлагает свои. Для одних – это негативное явление, а для других – естественное и неизбежное. Для установления мирного диалога, по мнению психолога, надо дать возможность молодежи проявить себя, выслушать ее, изменить политику в сфере воспитания, взяв за основу общечеловеческие ценности [12].

Сетевое издание «Комсомольская правда» (сайт) опубликовало интервью с психологом Ириной Бурлаковой, в котором она определяет основную роль родителей в воспитании и развитии ребенка: мама больше заботится о здоровье и его благополучии, отец же является основой семьи, обеспечивает ее и оберегает. Психолог считает, что время, проведенное с отцом, очень важно для детей, так как оно способствует развитию и формированию самооценки ребенка [13].

Многие исследователи видят суть проблемы взаимоотношений отцов и детей в противоречивости взглядов разных поколений. По их мнению, многие вопросы можно снять, занимаясь нравственным воспитанием молодежи, выработкой самостоятельности, развивая стремление к формированию чувства ответственности у молодого поколения.

Публикации в печатных изданиях, теле- и радиопередачи, посвященные проблеме отношений отцов и детей, привлекают внимание общественности к ней, так как она является социально-значимой для современного мира.

Библиографический список

1. Байдагулова, Т. А. Тема безопасности и благополучия детства в рассказе А.А. Солоницына «Маленькой ёлочке холодно зимой» в контексте традиции рождественской прозы // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2024. № 1(52). С. 27-31. DOI 10.36622/2587-9510.2024.10.22.005.
2. Ковалев, А.И. Технологии виртуальной реальности как средство развития современного ребенка // Национальный психологический журнал. 2020. Т. 2, № 2(38). С. 21-30. DOI 10.11621/npj.2020.0202. EDN RTDZDH.
3. Всероссийский центр изучения общественного мнения. Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vospitanie-detei-vchera-i-segodnja> (дата обращения 04.04.2024).
4. Официальный сайт первого канала. Режим доступа: <https://www.1tv.ru/video-pervogo-kanala/vse-video> (дата обращения 29.03.2024).
5. Официальный сайт телеканала МИР. Режим доступа: <https://mirtv.ru/broadcasts/archive/> (дата обращения 29.03.2024).
6. Официальный сайт канала ТВ Центр. Режим доступа: <https://www.tvc.ru/video/index> (дата обращения 27.03.2024).

7. Официальный сайт канала Россия-Культура. Режим доступа: <https://smotrim.ru/pick/kultura> (дата обращения 27.03.2024).
8. Официальный сайт канала ОТР. Режим доступа: <https://otr-online.ru/programmy/> (дата обращения 26.03.2024).
9. Официальный сайт канала Ю. Режим доступа: <https://www.u-tv.ru/shows/> (дата обращения 26.03.2024).
10. Сетевое издание «Государственный Интернет-Канал «Россия». Режим доступа: <https://vgtrk.ru/radiorus> (дата обращения 05.04.2024).
11. Сетевое издание radiokp.ru. Режим доступа: <https://radiokp.ru/> (дата обращения 05.04.2024).
12. Республиканская ежедневная газета «Северная Осетия», №163 от 07 июля 2021 года.
13. Сетевое издание «Комсомольская правда». Режим доступа: <https://www.kp.ru/> (дата обращения 25.03.2024).

References

1. Baidagulova, T. A. The theme of safety and well-being of childhood in the story of A. A. Solonitsyn "a little Christmas tree is cold in winter" In the context of the tradition of Christmas prose/ T.A. Baidagulova // Topical issues of modern philology and journalism. – 2024. – № 1 (52). – Pp. 27-31. – DOI 10.36622/2587-9510.2024.10.22.005.
2. Kovalev, A. I. Virtual reality technologies as a means of developing a modern child / A. I. Kovalev, Yu. A. Starostina // National Psychological Journal. – 2020. – Vol. 2, No. 2 (38). – pp. 21-30. – DOI 10.11621/npj.2020.0202. – EDN RTDZDH.
3. All-Russian Center for the Study of Public Opinion. Access mode: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vospitanie-detei-vchera-i-segodnja> (accessed 04.04.2024).
4. Official website of the first channel. Access mode: <https://www.1tv.ru/video-pervogo-kanala/vse-video> (accessed 29.03.2024).
5. The official website of the MIR TV channel. Access mode: <https://mirtv.ru/broadcasts/archive/> (accessed 29.03.2024).
6. The official website of the TV Center channel. Access mode: <https://www.tvc.ru/video/index> (accessed 03.27.2024).
7. The official website of the Russia-Culture channel. Access mode: <https://smotrim.ru/pick/kultura> (accessed 27.03.2024).
8. Official website of the OTR channel. Access mode: <https://otr-online.ru/programmy/> (accessed 26.03.2024).
9. The official website of the Yu channel. Access mode: <https://www.u-tv.ru/shows/> (accessed 26.03.2024).
10. Online publication "State Internet Channel "Russia". Access mode: <https://vgtrk.ru/radiorus> (accessed 05.04.2024).
11. Online edition radiokp.ru . Access mode: <https://radiokp.ru/> (accessed 05.04.2024).
12. The Republican daily newspaper "North Ossetia", № 163 dated July 07, 2021.
13. Komsomolskaya Pravda online publication. Access mode: <https://www.kp.ru/> (accessed 25.03.2024).

УДК 81'42

DOI 10.36622/2587-9510.2024.53.2.019

*Воронежский государственный
технический университет
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации
Кузьминых Е.О.
Россия, г. Воронеж,
e-mail: eleshka-82@yandex.ru,
тел. +7(900) 928-52-23*

*студентка 4 курса
направления «Журналистика»
Сабина М.А.
Россия, г. Воронеж
e-mail: eleshka-82@yandex.ru*

*Voronezh State Technical University
the chair of Russian language and
cross-cultural communication,
PhD, associate professor
Kuzminykh E.O.
Russia, Voronezh,
e-mail: eleshka-82@yandex.ru,
тел. +7(900) 928-52-23*

*The faculty of journalism,
fourth year student
Sabinina M.A.
Russia, Voronezh
e-mail: eleshka-82@yandex.ru*

Е.О. Кузьминых, М.А. Сабина

СПЕЦИФИКА ВОСПРИЯТИЯ МЕДИАОБРАЗА СТУДЕНЧЕСКИХ ОТРЯДОВ ВГТУ

Статья посвящена особенностям восприятия медиаобраза Студенческих отрядов ВГТУ, созданного на официальной странице в социальной сети «ВКонтакте». Проанализированы способы практической реализации в медийном пространстве политики РСО в отношении личного бренда. Рассмотрены приемы и стратегии создания положительного медиаобраза организации, являющегося частью ее имиджа. Выявлены положительные и отрицательные ассоциации, вызываемые медиаобразом РСО. Сделан вывод о том, что привлекательность отрядов обусловлена тем, что они рассматриваются как стартовая площадка для профессионального роста и развития и как место саморазвития и самореализации. Указано, что мотивы вступления в движение у представителей разных полов различны: молодые люди стремятся получить профессиональные навыки и ощутить себя частью коллектива, а девушки – реализовать свои творческие способности и заработать. Отмечено, что в целом медиаобраз студотрядов, представленный на странице в ВК, оценивается положительно, но форма его подачи не всегда корректна, поскольку большая часть контента ориентирована на внутреннюю аудиторию, а сам образ излишне формализован и идеализирован. В статье делаются выводы о наиболее типичных представлениях о медийном образе члена РСО, который формируется в сети. В качестве ключевых качеств представителя РСО называются трудолюбие, дисциплинированность и ответственность, а основной характеристикой медиаобраза отрядов – единство, маркером которого является атрибутика. Выявлено несоответствие в представлениях о бойце студенческих отрядов у участников и «наблюдателей», поэтому сделан вывод о том, что контент исследуемого сообщества не в полной мере раскрывает деятельность организации и дает искаженное представление об образе члена РСО. Сделанные наблюдения позволили выявить достоинства и недостатки в позиционировании образа отрядов РСО и их представителей на странице социальной сети ВКонтакте и предложить способы корректировки медиаобраза студотрядов ВГТУ с целью увеличения его привлекательности для потенциальных членов движения.

Ключевые слова: медиаимидж, медиаобраз, социальные сети, Российские Студенческие Отряды, ВГТУ

Е.О. Kuzminykh, M.A. Sabinina

THE SPECIFICS OF THE PERCEPTION OF THE MEDIA IMAGE OF VSTU STUDENT GROUPS

The article is devoted to the peculiarities of the perception of the media image of the VSTU Student groups, created on the official page on the VKontakte social network. The ways of practical implementation of the RSO policy in relation to the personal brand in the media space are analyzed. Techniques and strategies for creating a positive media image of an organization, which is part of its image, are considered. The positive and negative associations caused by the media image of the RSO are revealed. It is concluded that the attractiveness of detachments is due to the

fact that they are considered as a launching pad for professional growth and development and as a place of self-

© Кузьминых Е.О., Сабина М.А., 2024

development and self-realization. It is indicated that the motives for joining the movement are different for representatives of different sexes: young people strive to gain professional skills and feel like part of a team, while girls strive to realize their creative abilities and earn money. It is noted that in general, the honey image of the student teams presented on the VK page is evaluated positively, but the form of its presentation is not always correct, since most of the content is aimed at an internal audience, and the image itself is overly formalized and idealized. The article draws conclusions about the most typical ideas about the media image of a member of the RSO, which is formed on the network. The key qualities of a representative of the RSO are diligence, discipline and responsibility, and the main characteristic of the media image of the units is unity, the marker of which is attributes. A discrepancy was revealed in the ideas of the participants and "observers" about the fighter of student detachments, therefore, it was concluded that the content of the studied community does not fully disclose the activities of the organization and gives a distorted idea of the image of a member of the RSO. The observations made made it possible to identify the advantages and disadvantages in positioning the image of the RSO detachments and their representatives on the VKontakte social network page and suggest ways to adjust the media image of the VSTU student detachments in order to increase its attractiveness to potential members of the movement.

Keywords: media image, media image, social networks, Russian Student Groups, VSTU

Сегодня основным ресурсом развития государства является молодежь. Студенчество – одна из самых консолидированных и мотивированных групп молодежи, поэтому оно находит наибольшую поддержку в рамках российской государственной политики. «Государственная политика активно влияет на студенческую молодежь через три основных компонента: социальную деятельность, воспитательную работу и студенческое самоуправление» [1; с. 255]. Одной из форм привлечения студентов к активной социальной деятельности являются общественные организации, к числу наиболее востребованных из них следует отнести Российские Студенческие Отряды (далее РСО).

Возрождение данной организации было вызвано потребностями развивающейся российской экономики и решало несколько ключевых проблем: «нехватки рабочих рук», возникшей в период кризиса 90-х годов в различных хозяйственных отраслях, и желания учащихся молодых людей заработать деньги и получить производственный опыт во время каникул. Совокупность этих потребностей подтолкнула к созданию не просто временных рабочих бригад, а полноценной студенческой организации, перед членами которой были поставлены социальные и трудовые задачи, выполнение которых сегодня требует привлекать в организацию новых членов, а это невозможно без создания узнаваемого и привлекательного медиаобраза в соответствии с имиджем данной организации.

В современных научных исследованиях существуют различные подходы к определению понятия «медиаобраз». Так, например, «О. Ф. Русакова предлагает рассматривать медиаобраз как структурный визуально-эмоциональный компонент виртуальной реальности, представляющий собой медийную модель объективного бытия, запечатленную в информационных носителях и общественном сознании» [2; с. 208]. Поскольку медиаобраз – это сконструированная в тексте реальность, для него характерны такие черты, как стереотипность, утрированность, кратковременность, узнаваемость и востребованность, эмоциональность, двойственность, проявляющаяся в том, что «медиаобраз – это искусственно созданный продукт, базирующийся на реальных предпочтениях аудитории» [2; с. 208].

Одним из наиболее спорных вопросов при определении объема понятия «медиаобраз» является его употребление в синонимичных контекстах с термином «медиаимидж», где оба они определяются, как «создаваемый в сознании реципиентов образ при участии СМИ» [3; с. 132]. Мы склонны согласиться с указанной точкой зрения и рассматривать медиаобраз вслед за В.И. Сидорской, как часть имиджа объекта, «совокупность представлений об объекте, но не в сознании общества, а в репрезентации СМИ» [4; с. 184].

В данной работе мы будем ориентироваться на широкую трактовку используемого понятия, представленную в работе Т.С. Глушковой и О.А. Зайцевой, согласно которой медиаобраз представляет собой «образ реальности, конструируемый во всех текстах, созданных в медиaprостранстве (профессиональными журналистами, блогерами, интернет-пользователями и т. д.)» [5; с. 184].

Нынешняя форма существования медиaprостранства отразилась на способах подачи и потребления информации [6; с. 120]. По мнению С.А. Скуридиной и М.А. Гончаровой, сегодня основными источниками информации об имидже «чаще всего являются СМИ: телевидение, интернет, печатные издания, радио» [7; с. 98]. Поэтому в качестве объекта исследования были выбрано сформировавшееся у студентов представление о транслируемом в официальной группе СО ВГТУ образе членов студенческих отрядов и организации в целом.

В настоящее время у РСО существует сложившийся имидж, а определяющим фактором для его формирования является уникальный фирменный стиль, который отражает ценности организации и способствует установлению прочной связи с аудиторией. Фирменный стиль в медиaprостранстве представляет собой

единый внешний облик, который позволяет отличить организацию от прочих. По мнению О.Г. Цурри, «фирменный стиль является сегодня основой всей коммуникационной политики фирмы, одним из главных средств борьбы за покупателя, важной составляющей брендинга» [8; с. 93]. Бренд – это не просто атрибуты или визуальные элементы, создающие образ организации, а также чувства и эмоции, которые испытывают люди при восприятии медиаобраза организации.

Считается, что успех организации зависит от правильной подачи информации, которая вырабатывает положительные ассоциации, поэтому РСО уделяет особое внимание формированию своего имиджа на протяжении многих лет. Критерии его создания и формирования соответствующего ему медиаобраза студенческих отрядов прописаны в корпоративном кодексе МООО РСО, который находится в свободном доступе и доступен для ознакомления всем членам движения. РСО имеет строго организованную, иерархически выстроенную систему управления, поэтому за трансляцию соответствующего имиджу организации медиаобраза несут ответственность не только представители руководящего аппарата, но и специальный человек – комиссар отряда, отвечающий за качество контента в социальных сетях и его привлекательность для целевой аудитории.

Приведем пример некоторых критериев, которым должны следовать рядовые члены организации для создания положительного медийного образа. Считается, что каждый член студенческих отрядов является «лицом» организации, поэтому он должен следить за качеством контента не только на официальной, но и на своей личной странице в социальных сетях. Информация, размещаемая там, призвана отображать ключевую идеологию организации, основанную на принципах, выраженных в слоганах и транслируемых через хештеги, сопровождающие упоминание РСО: «Труд – крут», «Работать, чтобы расти», «Молодость в бойцовке», «Видеть силу каждого», «Быть в движении». Исходя из приведенных нами примеров слоганов, можно сделать вывод, что ключевыми чертами медиаобраза члена РСО являются молодость, сила, активность, стремление работать, любовь к труду и тяга к самосовершенствованию. Стоит обратить внимание на то, что, согласно инструкции, визуальный ряд, представленный на страницах в социальных сетях должен транслировать мысль о том, что студенческие отряды – это не только работа, но и возможность самореализации.

Ключевые идеи, связанные с РСО необходимо подкреплять строго отобранным визуальным контентом: на всех фотографиях член РСО должен выглядеть опрятно, быть в фирменной одежде (зеленой куртке-бойцовке) либо использовать соответствующую атрибутику; не демонстрировать вызывающие татуировки на теле и некорректные надписи на одежде (не допускается нарушения корпоративных ценностей РСО, установленной фирменной одежды, требований охраны труда); излучать радость, показателем которой является неизменная улыбка на лице (на всех фотографиях студенты должны быть счастливыми и улыбающимися). Оформление сообществ в социальных сетях не столь регламентировано, однако и здесь присутствует ряд рекомендаций относительно использования определенных размеров шрифта и цвета, графического оформления логотипов всех направлений деятельности, вида хештегов и водяных знаков. Помимо этого есть четкие указания относительно использования символики (так, например, рекомендуется при отборе изображений обязательно использовать вспомогательные элементы, различные объекты и атрибуты, принадлежащие РСО). Данный свод правил и рекомендаций позволяет создать общую концепцию медиаобраза студенческих отрядов в каждом вузе страны для дальнейшей узнаваемости и популяризации. Все описанные характеристики фирменного стиля, формирующего медийный образ РСО ВГТУ, нашли отражение на их официальной странице «Студенческие отряды ВГТУ» в социальной сети «ВКонтакте».

Для выявления специфики восприятия медиаобраза студенческих отрядов РСО, созданного PR-специалистами и пресс-службой Студенческих отрядов ВГТУ на страницах социальной сети «ВКонтакте» нами было проведено анкетирование, в котором приняло участие 180 человек, из которых 27% женщины и 73% мужчины. Поскольку основная масса членов РСО – это молодые люди, средний возраст респондентов находится в диапазоне от 17 до 25 лет. Среди них как подписчики сообщества (74%), так и молодежь, впервые познакомившаяся с данной группой (26%). Таким образом, большинство респондентов имеет объективное представление о контенте, размещенном в группе, и может высказаться об особенностях репрезентации медиаобраза РСО и его членов на ее страницах.

Прежде чем выяснить особенности восприятия медиаобраза, репрезентуемого на странице в ВК, мы посчитали необходимым выявить отношение респондентов к движению РСО. Для этого им были заданы следующие вопросы (на которые можно было дать несколько ответов): «В чем вы видите привлекательность данного движения для молодежи?» и «Что, по вашему мнению, может оттолкнуть от вступления в студенческие отряды?».

Из полученных ответов следует, что привлекательность исследуемого движения обусловлена рядом причин: прежде всего данная организация рассматривается как стартовая площадка для профессионального развития, так как позволяет «получить трудовые и профессиональные навыки», «трудовой опыт», «развитие в трудовой сфере», «возможность трудоустройства», а также расширяет возможности личностного роста (наиболее часто называемые причины – это «саморазвитие» и «самореализация», «развитие в разных сферах: спорт, творчество, медиа» и др.). Каждую из указанных категорий причин указали по 42 % опрошенных.

Следующая по частотности группа ответов касалась возможностей в сфере коммуникации, таких как «расширение общения» благодаря появлению новых знакомств, «опыт взаимодействия в большом коллективе», «умение работать в команде», «удовольствие от причастности к большому сообществу» (по 28 %). Немаловажной оказалась возможность заработать деньги и принимать участие в различного вида активностях (по 6%).

Из более редких ответов следует назвать «возможность посмотреть страну», «интерес», «способ занять свободное время», «ориентация на пример известных людей» (членов движения). Заметим, что упоминание известных людей, таких как президент Российской Федерации В.В. Путин, председатель Всероссийской политической партии «Единая Россия», заместитель председателя Совета Безопасности РФ Д.А. Медведев, министр иностранных дел РФ С.В. Лавров, ректоры и деканы вузов, которые благодаря труду смогли сделать успешную карьеру, является одним из способов популяризации движения.

Немаловажно отметить, что представление о том, почему РСО привлекательна для молодежи, у молодых людей и девушек отличается: первые больше ценят возможность трудоустройства, получения профессиональных навыков и чувство единения с большим коллективом, а вторых привлекает возможность саморазвития и самореализации в сферах не связанных с трудом и заработком. Вероятно, последнее указывает на меньший уровень запросов по отношению к оплате труда.

При ответе на второй вопрос, касающийся того, что отталкивает от вступления в ряды участников движения, выяснилось, что большинство респондентов не удовлетворены уровнем управления движением: упоминались «плохая координация движения», «несоответствие руководства ожиданиям», «незаинтересованность руководства университета», «предвзятость в освещении достижений рядовых членов» (18%). В качестве еще одного недостатка назывались «необходимость тратить много времени на участие в творческих мероприятиях» (28 %) (так чаще всего отвечали девушки), высокий уровень ответственности (14%). Некоторых из молодых людей не устраивала несовременная форма (как девушек, так и молодых людей 8 %). Еще часть респондентов посчитала, что оттолкнуть новых членов может не организация, а их личные качества и страхи, например, «нежелание выходить из зоны комфорта», «пробовать новое», «боязнь перетрудиться» (по 5%).

Некоторые респонденты в качестве негативного фактора отменили «большой объем работы», «работу в трудных условиях и далеко от дома» (18%) (этот аспект был существенен для молодых людей), что противоречит создаваемому имиджу организации, так как при трансляции медиаобраза РСО делается акцент на популяризации труда через романтизацию трудностей, которые оцениваются в положительном ключе. На восприятие медиаобраза членов РСО также негативное влияние оказывает то, что в сознании респондентов он связан с конкретными профессиями: строитель, официант, проводник, которые в российском обществе не считаются престижными, являются низкооплачиваемыми, а в их обладателях видят обслуживающий персонал.

Следующая группа вопросов была направлена на выяснение степени знакомства и удовлетворенности качеством оформления группы СО ВГТУ. Современное, но вместе с тем минималистичное оформление шапки профиля нашло отклик у пользователей. Большинство посчитало цветовое решение вполне удачным, так как синий цвет ассоциируется не только с техническим вузом, но и с организацией в целом, являясь контрастным с форменной одеждой членов отряда.

Если оформление сообщества нареканий не вызвало, к его информационному наполнению возникли вопросы. Респонденты посчитали контент «индивидуальным», «полным и актуальным», «молодежным», «содержащей большой объем полезной информации для участников движения», «интересным, простым и стильным». 55% респондентов сказали о том, что при просмотре группы «ничего не вызывает негативные ассоциации». Особенно удачными показались новостные посты о мероприятиях, которые публикуются своевременно и являются актуальными. Остальные респонденты отметили существенные недостатки сообщества, которые можно разделить на технические (плохое качество видео и аудиоконтента, «кривые монологи и плохая подборка музыки», «некачественная обработка клипов») и содержательные («контент не соответствует ожиданиям», «пафосный», «политизированный»). Справедливости ради стоит уточнить, что последняя характеристика, которая включала в себя популяризацию СО, тех, кому сообщество нравится, не

оттолкнула, а наоборот заинтересовала, так как дала возможность воспринимать СО не только как дружный коллектив, но сплоченное сообщество, имеющее миссию – труд во благо страны.

На наш взгляд, самые существенные замечания, позволившие выявить ключевую проблему сообщества, касались того, что информация слишком однотипна и однообразна, поэтому интересна только «посвященным» и не привлекает потенциальных участников движения (так ответили 35 % опрошенных). Показательно, что 23% из них, это те, кто не является активным участником движения.

Вопрос, «Какой контент вы бы добавили на страницу группы ВКонтакте Студенческих отрядов ВГТУ, чтобы сделать образ отрядов привлекательнее?», вызвал живой отклик респондентов. Среди рекомендаций можно отметить следующие: нужно «расширить количество рубрик», «улучшить качество видеороликов», «добавить солидности и статусности, сделав узнаваемого представителя сообщества лицом группы», чтобы создать ощущение большей правдивости контента. Некоторым из опрошенных не хватило подкастов с интересными личностями, которые могли бы рассказывать мотивирующую и познавательную информацию, связанную с профессиональным ростом и развитием. Так как труд предполагает оплату, возник запрос на публикацию реальных цифр доходов в РСО.

Поскольку главная цель движения – популяризация труда, трудовой деятельности посвящено подавляющее большинство постов, а это отталкивает тех, кто хотел бы видеть в РСО не только стартовую площадку для карьеры, но и место реализации широких общественных и творческих интересов. Поэтому, по мнению 27% респондентов, имеет смысл сместить акцент с популяризации работы на другие возможности самореализации внутри движения (спорт, дружба, знакомства, путешествия). Более 20% опрошенных отметили, что в группе преобладает информация об идеальном образе членов движения, в то время как для привлечения новых членов и создания привлекательного медиаобраза имеет смысл более реальная информация из жизни представителей студотрядов: зарисовки трудовых будней, повседневные успехи бойцов, не отмеченные официальными наградами, оригинальная информация о традициях и специфике деятельности конкретных отрядов. 12 % респондентов посчитали, что для привлечения новых членов и создания привлекательного образа сообщества необходимо не ограничиваться узконаправленной информацией, а добавлять контент для различных групп молодежной аудитории.

Несмотря на то, что представления о студенческих отрядах в общих чертах совпадают с медиаобразом, репрезентуемым в группе, большинство опрошенных посчитали, что ему стоит придать более реалистичные характеристики.

Следующая группа вопросов была связана с тем, чтобы выявить ассоциации с движением и его членами, которые имеются у реципиентов, чтобы затем сопоставить их с характеристиками создаваемого в группе медиаобраза.

При ответе на вопрос: «Какой образ возникает в вас при упоминании студенческих отрядов ВГТУ», мы получили следующие результаты: 100% опрошенных воссоздали положительно окрашенный образ. Многие охарактеризовали его описательно, через вызываемые эмоции и эмоциональные сравнения: «тепло на душе», «радостно видеть», «свет в центре океана». Ключевой оценочной характеристикой стал эпитет «дружелюбные» (правда, с оговоркой, что это качество проявляется к новым членам только по прошествии времени). Стоит отметить, что тема дружбы транслируется большинством песен, видеороликов, фотографий сообщества и позиционируется, как неотъемлемая часть жизни любого бойца.

Характерно, что 75% респондентов назвала такие характеристики, присущие представителям студенческих отрядов, как «сплоченность и единство», сравнив студотряды с «семьей», «группой», «толпой», «скоплением». Важно отметить, что маркером единства для большинства респондентов оказалась не духовная близость членов движения, а набор визуальных знаков, отличающих их от тех, кто него не входит. Среди символов чаще всего называли «зеленую бойцовку». Были озвучены и ключевые качества, ассоциирующиеся с членами РСО: «целеустремленность», «умение добиваться поставленных целей», «уверенность в себе», «мужество», «ответственность», «всестороннее развитие». Стоит отметить, что в большинстве ответов наблюдается гендерный «перекос»: бойцами отрядов являются представители обоих полов, однако большая часть представлений связана с молодыми людьми с соответствующим набором качеств. По мнению 90% опрошенных, ни образ движения, ни совокупный медиаобраз его членов существенно не отличаются от реальности.

В рамках опроса мы предложили скорректировать представление об образе студенческих отрядов, назвав три ассоциации после ознакомления с контентом официальной группы. Наиболее частотные ассоциации – это форма и отличительные знаки организации (бойцовка, значки, шевроны, знамя); атрибуты трудовой деятельности (мастерок, каска, посуда, корзины для сбора урожая, предметы творческой и спортивной

деятельности, такие как: гитара, футбольный мяч, раскрытая книга и фотоаппарат). В ассоциативном ряду стоит выделить представления об общности (команда, коллектив, семья, бойцы), 52 % назвали в качестве ключевой ассоциации единство, еще 84% – ассоциации, связанные с трудовой деятельностью и карьерой (труд, работа, любовь к труду, дело, профессионализм, карьерный рост и т.д.), 15 % опрошенных связали студотряды с встречами и мероприятиями, а также эмоциями от этих встреч (веселье, позитив, легкость), 10% упомянули дружбу, творчество и активность. Из редких ассоциаций, позволяющих достроить образ, стоит отметить «молодость», «креатив», «путешествия», «деньги», «стиль», «успех», «возможности», «интересные люди», «традиции».

При ответе на 16 вопрос анкеты, касающийся того, «какие цели и причины вступления в РСО транслируются подписчикам группы, респонденты, выбирая из готовых ответов, назвали следующие: «заработок денег» – (42%), «работа в команде» и «получение трудового опыта в ведущих организациях» – (38%), «новые друзья – (36%), достижение успеха и строительство будущего – (по 32%), делать мир лучше и учиться чему-то новому – (по 26%), наименьшее количество голосов было отдано варианту – «помогать стране» (16%). Такое распределение ответов, на наш взгляд, связано с большой силой воздействия агитационных слоганов, размещенных на странице. В них транслируется базовая информация, способная привлечь новых членов на начальном этапе знакомства с деятельностью организации. Стоит отметить, что вступление в РСО, по мнению респондентов, мотивируется в большей степени личными, а не общественными интересами.

Ключевые определения, которые использовали опрошенные для характеристики образа бойца РСО, транслируемого в группе, – это «трудолюбивый» (42%), «дисциплинированный» – (24%), «современный», «стильный», «безопасный» – (по 6%), забавный – (4%), надежный – (2%).

Наиболее заметными символами, связанными со студенческими отрядами и его членами и включенными в медиаобраз, стали перечисленные выше атрибуты и отличительные знаки, а также знаковые предметы, отсылающие к конкретной профессиональной деятельности: билеты на поезд (отряды проводников), мастерок (отряды строителей), а также предметы, связанные с творчеством (гитара, краски, микрофон), и наиболее типичное проявление эмоций – улыбка.

Что касается входящих в медиаобраз личностных качеств, респондентам был предоставлен список, из которого каждому предстояло выбрать по три слова, которые они связывают с брендом РСО, и лидирующими оказались такие слова, как профессиональный, трудолюбивый, активный. Именно они чаще всего используются не только в постах группы, но и в слоганах, строчках песен, агитационных материалах. Работать на совесть, демонстрировать профессионализм – этим пестрят не только заголовки постов, но и призывы работодателей. Самыми непопулярными оказались: забавный, красивый, стильный. Вероятно, так произошло потому, что на них не ставится акцент в материалах группы.

В ключевом вопросе анкеты мы попросили описать целостный образ представителя студотрядов, возникающий после просмотра группы РСО ВГТУ ВК. Полученные ответы можно разделить на 2 группы: визуальное впечатление (наиболее часто повторяющийся ответ – улыбающийся парень /человек в зеленой куртке/бойцовке) и представление о внутренних качествах (трудолюбивый, любящий труд, получающий удовольствие от работы(42%), целеустремленный (18 %), достигающий успеха, разносторонний и «ответственный» (по 14%), а также «здоровый», «без вредных привычек», «мужественный», «жаждущий творить» и «уверенный в себе».

Таким образом, большинство респондентов после просмотра группы РСО ВГТУ ВК сделали вывод о том, что наиболее типичным представителем студотрядов является улыбающийся трудолюбивый и ответственный молодой человек в зеленой куртке, выполняющий производственные задачи на стройке. На формирование указанного медиаобраза с большой долей вероятности повлияло то, что штаб РСО базируется в техническом вузе, где большинство отрядов строительного профиля, а подавляющее число студентов – юноши. На странице ВК подавляющее большинство фотографий, упоминаний в текстовых постах связаны именно с трудовой деятельностью в сфере строительства. Меньшая группа респондентов посчитала, что большинство членов РСО – это люди, занимающиеся досуговой деятельностью: спортивной, художественной, волонтерской. Это представители обоих полов, одетые в зеленые куртки, которые являются отличительным признаком членов организации и объединяющим атрибутом. Примечательно, что второй из указанных образов нарисовали непосредственные участники движения. Несовпадение в представлениях о бойце студенческих отрядов у участников и «наблюдателей» свидетельствует о том, что контент исследуемого сообщества не в полной мере раскрывает деятельность организации и дает искаженное представление об образе члена РСО.

Библиографический список

1. Катывшевская Т.А. Специфика государственной молодежной политики по отношению к студенчеству // Вопросы студенческой науки. №2 (42), февраль 2020. С. 255-259.
2. Барабаш В.В., Сазонов Т.В. особенности воздействия медиаобраза на аудиторию женских глянцевого журналов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. № 8. 2015. С. 207-211.
3. Андришкова Н.А., Неволина А.А. Медиаобраз государства: политический имидж (на примере материалов зарубежных СМИ // PR и реклама в изменяющемся мире: региональный аспект. № 17. 2017. С. 131-137.
4. Сидорская И.В. // Об употреблении терминов «образ» и «имидж» в русскоязычных исследованиях проблемы медиапрезентации территорий // Вестник Московского университета. Серия 10. № 3. 2021. С. 173-197.
5. Глушкова Т. С., Зайцева О. А. Медиаобраз как инструмент создания территориального имиджа: когнитивный аспект // Наука о человеке: гуманитарные исследования. № 3 (29). 2017. С. 50–57.
6. Бахтина М.А. Современные тенденции в работе региональных российских интернет-СМИ // Научный журнал актуальные вопросы современной филологии и журналистики. №4 (51) 2023. С. 119-124.
7. Скуридина С.А., Гончарова М.А. Воронеж: образ города с позиций СМИ // Научный журнал актуальные вопросы современной филологии и журналистики. №1 (32) 2019. С. 96-101.
8. Цурри О.Г. Фирменный стиль в создании благоприятного имиджа компании // Альманах прикладных и теоретических исследований рекламы. № 1(11). 2016. С. 91-96.

References

1. Katyshevskaya T.A. Specifics of the state youth policy in relation to students // Questions of student science. No.2 (42), February 2020. pp. 255-259.
2. Barabash V.V., Sazonov T.V. features of the media image impact on the audience of women's glossy magazines // Humanitarian, socio-economic and social sciences. No. 8. 2015. pp. 207-211.
3. Andryushkova N.A., Nevolina A.A. Media image of the state: political image (on the example of materials from foreign media // PR and advertising in a changing world: the regional aspect. No. 17. 2017. pp. 131-137.
4. Sidorskaya I.V. // On the use of the terms "image" and "image" in Russian-language studies of the problem of media representation of territories // Bulletin of the Moscow University. Series 10. No. 3. 2021. pp. 173-197.
5. Glushkova T. S., Zaitseva O. A. Media image as a tool for creating a territorial image: cognitive aspect // Science of man: humanitarian studies. No. 3 (29). 2017. pp. 50-57.
6. Bakhtina M.A. Modern trends in the work of regional Russian online media // Scientific journal actual issues of modern philology and journalism. No.4 (51) 2023. pp. 119-124.
7. Skuridina S.A., Goncharova M.A. Voronezh: the image of the city from the perspective of the media // Scientific journal actual issues of modern philology and journalism. No.1 (32) 2019. pp. 96-101.
8. Tsurri O.G. Corporate identity in creating a favorable image of the company // Almanac of applied and theoretical studies of advertising. No. 1(11). 2016. pp. 91-96.

УДК 070/316.77

DOI 10.36622/2587-9510.2024.53.2.020

Воронежский государственный технический университет

студент направления «Журналистика»

Козлова А.А.

Россия, г. Воронеж, тел. +7-920-214-62-19

e-mail: aneckakozlova7@gmail.com

Voronezh State Technical University

student of the direction "Journalism"

Kozlova A.A.

Russia, Voronezh, tel. +7-920-214-62-19

e-mail: aneckakozlova7@gmail.com

Воронежский государственный технический университет

кандидат филологических наук,

доцент кафедры русского языка и

межкультурной коммуникации

Попова Ю.С.

Россия, г. Воронеж, тел. +7-920-226-2368

e-mail: buka1621@rambler.ru

Voronezh State Technical University

The chair of Russian language

and cross-cultural communication

PhD, associate professor

Popova Ju.S.

Russia, Voronezh, tel. +7-920-226-23-68

e-mail: buka1621@rambler.ru

А.А. Козлова, Ю.С. Попова

ЖАНР ЖУРНАЛИСТКОГО РАССЛЕДОВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИКАЦИЙ ИНФОРМАЦИОННОГО ПОРТАЛА «LIFE»)

Актуальность данной статьи обусловлена повышенным интересом аудитории к материалам, отображающим важные для общества темы, которые содержат элементы закрытости, недоступности или нежелательности их освещения. В последнее время в СМИ всё чаще появляются журналистские расследования, связанные с политикой, коррупцией, криминалом и экономикой. В данной статье рассматриваются приёмы, которые в своих расследованиях используют журналисты на примере публикаций информационного портала «Life». Освещается тематика публикаций расследовательского характера, их авторы, оформление публикации, наличие визуального сопровождения материалов. Раскрывается соотношение доказательной базы и логических выводов, которые делают журналисты данного портала. Особенно отмечается убедительность/сомнительность аргументов, так как авторы не всегда дают ссылки на источники информации. Данный информационный портал выбран в качестве источника анализа неслучайно. Представленный здесь материал отражает современные тенденции расследовательской журналистики: кликбейтные заголовки, небольшой объем публикации, демонстрация разнообразных версий и мнений, отсутствие стремлений к абсолютной истине, актуальность темы для большого количества людей, ожидание реакции аудитории в виде возможности оставить комментарий. Текстовый материал, как правило, небольшой по объему, язык публикаций рассчитан на «невзыскательного» читателя. Отмечается важность жанра для развития общества и особая ответственность журналиста за представленный материал. Объективность оценки определяется как максимально высокая, источники информации требуют многочисленной перепроверки. Но доступ к информации и, следовательно, к доказательной базе не всегда является абсолютно открытым, что предопределяет трудности, с которыми встречается автор, выбравший данный жанр.

Ключевые слова: интернет-издания «Life», информационный портал «Life», журналист, расследование, повод, заголовок, информация, комментарий.

А.А. Kozlova, Y.S. Popova

THE GENRE OF INVESTIGATIVE JOURNALISM (BASED ON THE PUBLICATIONS OF THE INFORMATION PORTAL «LIFE»)

The relevance of this article is due to the increased interest of the audience in materials depicting topics important to society, which contain elements of closeness, inaccessibility or undesirability of their coverage. Recently, journalistic investigations related to politics, corruption, crime and the economy have been increasingly appearing in the media. This article discusses the techniques that journalists use in their investigations using the example of publications of the information portal "Life". The subject of investigative publications, their authors, the design of the publication,

the availability of visual accompaniment of materials are highlighted. The correlation of the evidence base and the logical conclusions drawn by the journalists of this portal is revealed. The persuasiveness/doubtfulness of the arguments is especially noted, since the authors do not always provide links to information sources. It is no coincidence that this information portal was chosen as a source of analysis. The material presented here reflects current trends in investigative journalism: clickbait headlines, small volume of publication, demonstration of various versions and opinions, lack of aspirations for the absolute truth, relevance of the topic for a large number of people, expectation of audience reaction in the form of an opportunity to leave a comment. The text material, as a rule, is small in volume, the language of publications is designed for the "undemanding" reader. The importance of the genre for the development of society and the special responsibility of the journalist for the presented material is noted. The objectivity of the assessment is defined as the highest possible, the sources of information require numerous rechecks. But access to information and, consequently, to the evidence base is not always completely open, which determines the difficulties faced by the author who has chosen this genre.

Keywords: online publications "Life", information portal "Life", journalist, investigation, occasion, title, information, comment.

На современном этапе развития общества важным является не только быстрый доступ к информации, но и доказательное, критически осмысленное представление данной информации, которая затрагивает злободневные темы, острые конфликты и некоторые моменты, освещение которых является нежелательным или невыгодным для определенного круга лиц. Так можно охарактеризовать понятие расследование в журналистике. Оно необходимо для того, чтобы предоставить общественности достоверную информацию по происшествию, обличить нарушение прав человека и привлечь внимание общественности к социальным проблемам. Существующее уже более двух столетий как жанр оно начало формироваться лишь в конце прошлого века. Писатели и журналисты А.С. Пушкин, А.П. Чехов, К.Г. Короленко являются авторами, которые внесли вклад в развитие метода расследования в писательском деле.

В современном мире журналистское расследование можно встретить в разных формах. Их публикуют на сайтах сетевых изданий, выкладывают в роликах на YouTube-каналах, записывают подкасты, печатают в газетах и показывают по телевидению.

Предметом исследования данной статьи является работающий круглосуточно 7 дней в неделю информационный портал «Life» [1], который рассказывает своим читателям главные новости России и мира, проводит собственные коррупционные и криминальные расследования, а также выпускает авторские передачи и спецпроекты, посвящённые важным событиям. Интернет-издание «Life.ru», созданное в 2008 году медиаменеджером Арамом Габреляновым. Если обратиться к рейтингу цитируемости СМИ, то можно отметить, что данное издание входит в топ-10 информационных интернет-ресурсов России [2].

На главной странице интернет-издания «Life» размещается «картина дня» - это главные события России и мира, произошедшие за последние сутки. В «шапке» сайта расположены актуальные рубрики: «Теракт в «Крокус»», «Новости», «Паводки в России», «Расследования», «СНОТ проверка», «Владимир Путин» и т.д. [1]. Сайт оформлен в трёх цветах: белый (основной цвет), красный (название сайта и рубрики) и чёрный (заголовки статей). Стиль сайта выглядит современным и минималистичным, с использованием простых форм и лаконичных элементов.

На сайте в разделе «Об информационном портале Life.ru» корреспондентами отдела расследований указаны Евгений Кузнецов и Егор Пережогин. Именно они являются авторами преобладающего количества материалов, опубликованных на сайте [3].

Для привлечения внимания и увеличения трафика на сайте интернет-издания «Life» чаще всего используют кликбейтные заголовки, то есть заголовки, намеренно привлекающие внимание с целью увеличения количества аудитории, но в реальности не передающие истинную информацию, содержащие преувеличение и даже фразы, вызывающие сомнения в адекватности написанного. Данные приемы вызывают любопытство у читателей, манипулируя их эмоциями. Примером заголовков такого типа является: «Как семья убийцы байкера в Люблине разбогатела на продажах элитных итальянских шуб», «От фрика до отморозка: Почему унижающего людей блогера Mellstroy заподозрили в помощи ВСУ», «Как бродяги захватили в Голландии особняк IT-миллиардера Воложа», «Золотые макаронки: Как семья экс-губернатора Михаила Юревича оказалась богаче всех миллиардеров из российского Forbes». Подобные заголовки манипулируют чувствами аудитории, способствуя увеличению посещаемости сайта. Чаще всего такие заголовки связаны с политикой или представителями

современной молодежной культуры (блогер Mellstroy, IT-миллиардер Волож, экс-губернатор Челябинской области Михаил Юревич), в них используется сниженная лексика, фразеологизмы, эпитеты («отморозок», «золотые макарошки»).

Расследование «Сдалась мне Пермь»: Почему сын вице-преьера Пермского края Алексея Дёмкина не хочет возвращаться на родину» было опубликовано на сайте «Life» 11 апреля 2024 года [4]. Поводом для расследования стал ролик Ильи Дёмкина, в котором он нелестно отзывается о городе. В своём расследовании журналисты использовали ролик главного героя, выложенный в его социальных сетях и продублированный в «Mash», изучив который, пришли к выводу, что Илья Дёмкин путешествует по Бали. Далее, анализируя пермскую прессу, журналисты «Life» рассказывают своим читателям о том, чем прославился в Перми отец Ильи Алексей Дёмкин. Так, аудитории становится известно, что, ещё будучи мэром, он отличился яркой патриотической позицией и громкими фразами о воспитании молодёжи.

Также, воспользовавшись данными Системы профессионального анализа рынков и компаний, журналисты выяснили, какое количество госконтрактов и на какую сумму заключила семья Дёмкиных, владеющая прибыльным строительным бизнесом, в котором и у молодого путешественника есть своя доля. Проанализировав данные Единого государственного реестра юридических лиц, команда «Life» узнала об участии брата вице-преьера Пермского края в бизнес-проектах. Собрав всю необходимую для расследования информацию с помощью открытых источников и публикаций в других СМИ, журналисты «Life» смогли объяснить, откуда у сына вице-преьера Пермского края есть деньги на путешествия за границу.

Расследование «Как клиенты российских маркетплейсов обманывают продавцов» опубликовано на сайте «Life» 11 апреля 2024 года [5]. Проект «Life» «SHOT проверка» выяснил, как мошенничество среди покупателей влияет на продавцов российских маркетплейсов.

Для иллюстрации в материале журналисты «Life» обычно используют не собственные фотографии. Они заимствуют их у фотографов «ТАСС», телеграмм каналов различных ведомств (например: Минобороны РФ), из стоковых сервисов (например: Shutterstock / FOTODOM). Фотографии всегда подписаны, указан источник и автор. Видеоматериалы, опубликованные на портале, обычно сняты работниками данного проекта.

Методами сбора информации для расследования «Как клиенты российских маркетплейсов обманывают продавцов» послужили интервью. В начале, чтобы объяснить схему и рассказать о реальных случаях мошенничества клиентов маркетплейсов, журналисты используют комментарии, взятые у продавцов совершенно разных сфер и вставляют их в свой материал. Далее, чтобы объяснить почему покупатели всё чаще начинают обманывать продавцов, журналисты «Life» сперва изучили статьи Гражданского кодекса, выясняя каким образом клиенты используют дыру в законодательстве, а потом вставили комментарий по этому поводу юриста.

Проводя это расследование, журналисты пытались привлечь внимание общественности к проблеме торговли на маркетплейсах, потому что из-за увеличивающегося количества недобросовестных покупателей страдает малый бизнес.

Изучив расследования, опубликованные на сайте интернет-издания «Life», можно отметить, что в большинстве публикаций, журналисты «Life» формируют свой материал на основе информации, находящейся в открытом доступе и опубликованной ранее в других СМИ. А в качестве комментария чаще всего используют цитаты из социальных сетей «героев» расследования или фрагменты интервью, которые ранее уже проводились их коллегами, работающими в иных СМИ.

В преобладающей части опубликованного материала поводом для расследования становится какое-то происшествие, уголовное дело или пост в социальных сетях главного фигуранта расследования, а далее журналисты «Life» рассказывают о самом «герое» и его «заслугах», чтобы объяснить читателям причину интереса к этому человеку.

В качестве доказательства своих суждений, журналисты прописывают, на основе каких данных они сделали такие выводы, но при этом, они не всегда оставляют ссылки или прикрепляют скриншоты этих источников, поэтому иногда читателю приходится либо самому проверять информацию, чтобы убедиться в её достоверности, либо верить на слово.

Стоит также отметить, что часто в конце расследования, опубликованного на сайте «Life» вставляют опрос, в котором читатели могут выразить своё мнение относительно описанного в материале.

Материал на данном новостном портале строится по схеме: заголовок (чаще всего привлекающий внимание в ущерб достоверности), небольшая текстовая заметка, содержащая ссылки на другие

статьи по данной теме), фотообложка (картинка, отражающая тему статьи или содержащая изображение главного героя материала) или небольшой видеоролик. Стоит отметить, что после каждого материала есть место для комментариев, но их там крайне мало.

Для журналистского расследования на современном этапе характерно наличие скорее разнообразных версий и мнений, чем стремление к разоблачениям и демонстрации абсолютной истины. Несмотря на это, данный тип журналистских материалов помогает привлечь внимание общества к важным проблемам, осветить причины, которые привели к какому-либо важному событию. Е.А. Зубаркина в статье «Журналистское расследование: история и технология создания сюжетов» [6] отмечает важные моменты, связанные с расследованием в журналистике. Она акцентирует внимание на том, что авторам подобного материала важно найти ответ не только на вопрос почему, но и на вопрос как. То есть журналист имеет дело с тремя категориями: событие, которое послужило отправной точкой для материала; момент расследования, который может содержать погрешности в силу того, что совершается в данный момент времени, хотя с момента событий могло пройти уже достаточно времени; предполагаемая реакция аудитории на событие, актуальность темы, возможные последствия и т.д. Важным является и то, какими источниками пользуется автор материала, какую проверку проходят данные источники, как материал отбирается, обрабатывается, всесторонне изучается.

Анализ материалов информационного портала «Life» показал, что для публикаций расследовательской тематики важным является новостная ценность, наличие разных источников информации, лаконичность материала, «яркий» заголовок, персонификация, социальная значимость для больших масс народа.

Библиографический список

1. «Life» - информационный портал. URL: <https://life.ru> (Дата обращения – 11.04.2024)
2. Рейтинги СМИ по цитируемости | Медиалогия. URL: <https://www.mlg.ru/ratings/media> (Дата обращения - 11.04.2024)
3. Об информационном портале Life.ru URL: <https://life.ru/about> (Дата обращения - 11.04.2024)
4. «Сдалась мне Пермь»: Почему сын вице-премьера Пермского края Алексея Дёмкина не хочет возвращаться на родину». URL: <https://life.ru/p/1652273> (Дата обращения - 11.04.2024)
5. «Как клиенты российских маркетплейсов обманывают продавцов» URL: <https://life.ru/p/1652273> (Дата обращения - 11.04.2024)
6. Зубаркина Е.А. Журналистское расследование: история и технология создания сюжетов. - Преподаватель XXI век. - М., 2009 - №2. - С.366-370

References

1. "Life" is an information portal. URL: <https://life.ru> (Date of application – 04/11/2024)
2. Media Citation ratings | Medialogy. URL: <https://www.mlg.ru/ratings/media> (Date of application - 04/11/2024)
3. About the author's letter Life.ru URL: <https://life.ru/about> (Date of application - 04/11/2024)
4. "Perm surrendered to me": Why does the son of the Deputy Prime Minister of the Perm Region Alexei Demkin not want to return to his homeland?" URL: <https://life.ru/p/1652273> (Date of application - 04/11/2024)
5. "How the Russian market's websites process materials" URL: <https://life.ru/p/1652273> (Date of application - 04/11/2024)
6. Zubarkina E.A. Journalistic research: the history and technology of making films. - Editor of the XXI century. - M., 2009. – N 2. - pp.366-370

ЯЗЫК СМИ LANGUAGE OF MASS MEDIA

УДК 81'373.43=111

DOI 10.36622/2587-9510.2024.53.2.021

*Кубанский государственный университет
Кандидат филологических наук,
старший преподаватель
кафедры английской филологии факультета
РГФ*

Липириди С.Х.

Россия, г. Краснодар

тел. +79094505538

e-mail: sofa.lipiridi@gmail.com

Kuban State University

*The department of Romanic
and Germanic philology*

The chair of English philology

PhD, senior lecturer

S.Ch. Lipiridi,

Russia, Krasnodar

tel. +79094505538

e-mail: sofa.lipiridi@gmail.com

С.Х. Липириди

ХАРАКТЕРИСТИКА НЕОЛОГИЗМОВ В ОБЛАСТИ ИТ ТЕХНОЛОГИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

Работа посвящена рассмотрению структуры и семантики неологизмов из сферы информационных технологий в английском языке. В основе исследования лежит метод контекстного поиска, а также анализ источников с целью выявления способов функционирования неологизмов в электронных СМИ. Язык – живой механизм, который постоянно изменяется. Меняются взгляды, реалии в обществе, вместе с ними изменения подвергается и любой язык. В английском языке также постоянно появляются новые слова, которые активно используются сегодня, и из английского заимствуются в другие языки. Современное языковое развитие показывает, что процесс неологизации охватывает все уровни языка. В процессе неологизации проявляется взаимодействие лексического уровня с другими структурами. Отмечаются положительные и отрицательные стороны появления неологизмов. Актуальность работы обусловлена непрерывным появлением большого количества неологизмов, обозначающих средства коммуникации и компьютерные технологии последних лет. Исследование формирования неологизмов дает возможность наблюдать характерные особенности в развитии языка и организации речевой деятельности. В представленной статье используется метод описания неологизмов ИТ-сферы в современных текстах электронных СМИ с привлечением различных видов словарей и публицистических изданий. Практическая значимость работы заключается в возможности употребления полученных данных в качестве опорного материала для иных исследований в области лексикологии английского языка. Важнейшей особенностью современной стадии изучения неологизмов становится массовая рефлексия над происхождением и смыслом новых лексем, вошедших в неформальные словари.

Ключевые слова: язык, неологизмы, неологизация, тематическая группа, семантика, классификация, аксиология, электронные СМИ.

S.Ch. Lipiridi

CHARACTERISTICS OF NEOLOGISMS IN THE FIELD OF IT TECHNOLOGIES (BASED ON THE MATERIAL OF THE RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES)

Language is a living mechanism that is constantly changing. In the process of neologization, the interaction of the lexical level with other structures is manifested. The relevance of the work is due to the continuous appearance of a large number of neologisms denoting the means of communication and computer technologies of recent years. Language is a living mechanism that is constantly changing. Views and realities in society are changing, and any language is undergoing changes along with them. New words are also constantly appearing in the English language, which are actively used today, and are borrowed from English into other languages. Modern language development shows that the process of neologization covers all levels of the language. In the process of neologization, the interaction of the lexical level with other structures is manifested. The study of the formation of neologisms makes it possible to observe charac-

teristic features in the development of language and the organization of speech activity. The presented article uses the method of describing neologisms of the IT sphere in modern texts of electronic media with the involvement of various types of dictionaries and journalistic publications. The practical significance of the work lies in the possibility of using the data obtained as a reference material for other studies in the field of lexicology of the English language. The most important feature of the modern stage of the study of neologisms is the mass reflection on the origin and meaning of new lexemes included in informal dictionaries.

Keywords: language, neologisms, neologization, thematic group, semantics, classification, axiology, electronic media.

Рассмотрение неологизмов активно изучается в рамках современной лингвистики: «исследование состава новообразований, их структурных особенностей, функционального предназначения способствует решению многих проблем лексикологии, словообразования, грамматики, стилистики». Неологизмы способствуют динамичности языковых процессов, поскольку словарный запас находится в состоянии постоянного пополнения и изменения. Как отмечают ученые, «членение внешнего мира, осуществляемое с помощью языка, отражается, прежде всего в лексике. Лексикализация понятия свидетельствует о его особой значимости для данной культуры. Следовательно, лексика языка играет особую роль в формировании языковой картины мира» [1].

Объектом исследования являются тексты электронных СМИ, предметом – неологизмы IT-сферы. Цель настоящей статьи – функционально-стилистический анализ неологизмов из сферы информационных технологий в английском языке на материале текстов электронных СМИ. Материалом исследования послужило более 100 неологизмов, взятых из онлайн-словарей, а также из материалов газет и журналов. В ходе исследования были применены методы контекстуального анализа и компонентный анализ.

Лексический состав языка динамичен и меняется исторически в соответствии с новыми задачами коммуникации и практическим использованием языка. Существенной особенностью словарного состава является его непосредственная обращенность к явлениям действительности, поэтому именно в лексике отражаются все изменения, происходящие в общественной жизни, что неизбежно влечет за собой создание новых наименований. Целью любого говорящего является построение осмысленного высказывания как целостной коммуникативной единицы. В процессе его порождения важную роль играют акты номинации. При осуществлении этих актов язык использует уже имеющиеся или создаёт новые номинативные единицы, посредством которых именуется реалии, представляющие собой как отдельные элементы опыта, так и целые события, факты, состояния дел, ситуации [2].

Иногда новые слова даже в момент своего возникновения не обладают признаком новизны и воспринимаются носителями языка как обычные, привычные лексемы. Обычно к таким неологизмам относятся новообразования, созданные по продуктивным моделям словообразования; при этом они обозначают уже известные носителю данного языка реалии [3].

Проанализированные неологизмы IT-сферы можно подразделить на четыре основные категории, согласно их принадлежности к тому или иному семантическому полю: неологизмы сферы интернет-коммуникации, категории технических новинок, категории интернет коммерции и категории хакерства, нелегальной деятельности.

В настоящее время в англоязычном дискурсе появилось множество неологизмов, связанных с использованием цифровых устройств в повседневной жизни и виртуальным общением. Рассмотрим некоторые из них.

“Metaverse” [4] (*the internet considered as an imaginary area without limits where you can meet people in virtual reality – интернет, рассматриваемый как воображаемая область без границ, где вы можете встретиться с людьми в виртуальной реальности*). Данный неологизм, образованный путем сокращения, состоит из двух частей: “meta” и “verse”. Слово “meta” имеет несколько значений, но в данном контексте оно может означать «выше» или «после». Оно указывает на то, что “metaverse” является чем-то более высоким или продвинутым. Слово “verse” переводится как «стих» или «поэма», но в данном контексте оно скорее относится к идее мира или вселенной. В контексте современных технологий лексема “metaverse” может относиться к виртуальной или же смешанной реальности, где люди могут взаимодействовать с цифровыми объектами и другими людьми в виртуальном пространстве. Она может описывать новые возможности для взаимодействия и создания цифровых миров, которые могут быть более реалистичными и иметь больше функциональности, чем реальные. Метавселенная может представлять собой уникальное сочетание ценностей, включая взаимодействие, твор-

чество, социализацию, уникальный опыт, а также потенциальные вызовы и риски, связанные с таким развитием технологий.

“Deplatform” [5] (*to refuse someone an opportunity to make their ideas or beliefs known publicly, because you think these beliefs are dangerous or unacceptable – отказывать кому-либо в возможности публично обнародовать свои идеи или убеждения, потому что вы считаете эти убеждения опасными или неприемлемыми*). Неологизм “deplatform”, образованный способом аффиксации, состоит из префикса “de-” и слова “platform”. Префикс “de-” означает «отрицание» или «удаление». В данном контексте он указывает на отказ от чего-то. Слово “platform” переводится как «платформа» и обычно относится к технологической или социальной системе, которая позволяет людям взаимодействовать, обмениваться информацией или создавать контент. Таким образом, “deplatform” можно интерпретировать как отказ от определенной платформы или системы. В контексте современных технологий и социальных медиа, “deplatform” может относиться к действию запрещения или ограничения доступа к определенным платформам или социальным сетям (обычно в ответ на нарушение правил или нежелательное поведение), а также к проблемам свободы выражения, цензуры и контроля информации. При этом необходимо учитывать этические и моральные аспекты децентрализации, свободы слова, ценности платформ для обмена информацией, а также равноправия участия в публичном диалоге.

“Sharent” [4] (*parent who posts boastful links to Facebook about their kids endeavors – родитель, который публикует хвастливые ссылки на Facebook о своих детях*). Неологизм “sharent” также возник в ходе слогового сокращения и состоит из слов “share” (делиться) и “parent” (родитель). Слово “share” означает «делиться, передавать или отдавать что-то другим людям». В контексте социальных медиа и онлайн-платформ “share” обычно относится к публикации или распространению информации, фотографий, видео и т.д. Слово “parent” переводится как “родитель” и обозначает человека, который воспитывает или опекает ребенка. Таким образом, “sharent” можно интерпретировать как родителя, который активно публикует информацию о своих детях в социальных медиа или на онлайн-платформах. Такие публикации могут включать фотографии, видео, достижения, моменты из жизни детей и т.д. Анализ данного неологизма указывает на его связь с развитием социальных медиа и онлайн-коммуникаций. Практика “sharent” может быть для родителей способом поделиться радостью и достижениями своих детей с другими людьми, особенно с родственниками и друзьями, которые могут быть далеко от них. Однако она также вызывает вопросы о приватности и безопасности детей, а также о границах между личной и публичной жизнью. Что, в свою очередь включает в себя анализ вопросов конфиденциальности, безопасности, семейных ценностей, прав детей на конфиденциальность и долгосрочные последствия такого цифрового следа для детей и их отношений.

В сфере инновационных интернет-технологий можно также выделить такие новые слова, как блокчейн, интернет-вещь, краудсорсинг и прочие, обозначающие новые концепции, возникающие в различных сферах деятельности. К примеру, неологизм **“supercloud”**[6], образованный способом аффиксации (*a single computing system where services such as storage, apps etc. from different providers can be easily accessed by the user – облачная платформа, позволяющая запускать приложения, взаимодействуя с другими облачными системами*), состоит из двух частей: “super” (*especially; very – чрезвычайно, очень*) и “cloud”(*networked computing facilities providing remote data storage and processing services via the internet – сетевые вычислительные мощности, предоставляющие услуги удаленного хранения и обработки данных через Интернет*). Слово “super” является префиксом, который означает что-то выдающееся, сверхъестественное или превосходящее. В данном контексте он может указывать на то, что “supercloud” представляет собой более мощную и продвинутую версию облачных технологий. Слово “cloud” переводится как «облако» и в контексте информационных технологий обычно относится к облачным вычислениям и хранению данных. Облачные технологии позволяют пользователям получать доступ к приложениям и данным через Интернет без установки программного обеспечения на своем устройстве. Таким образом, “supercloud” можно интерпретировать как новый термин, который описывает более передовые и мощные облачные технологии, предоставляющие пользователю еще больше возможностей и функциональности. Неологизм “supercloud” можно рассматривать через призму аксиологии как концепцию, объединяющую в себе ценности универсального доступа к облачным технологиям и возможности их использования для хранения и обработки данных. Важно анализировать ценности приватности, безопасности данных, эффективности, гибкости и доступности в контексте “supercloud”.

Неологизм **“infinity scroll”** [7] (*a page on the Internet that keeps on loading more ads and links as you scroll it down, so that you never reach the end – страничка в Интернете, которая подгружает все больше и больше ссылок, делая невозможным чтение этой страницы до конца*) образован путем со-

единения двух слов: “infinity” (*the state or quality of being infinite – состояние или качество бесконечности*) и “scroll” (*the facility that moves a display on a screen in order to allow different parts of it to be viewed – устройство, которое перемещает изображение на экране, чтобы можно было просматривать различные его части*). Термин “infinity scroll” был образован путем словосложения и относится к функции или возможности веб-сайта или приложения, которая позволяет пользователю автоматически прокручивать содержимое страницы без необходимости нажимать на кнопку «далее» или «загрузить еще». “Infinity scroll” предоставляет бесконечную прокрутку содержимого, что упрощает навигацию и улучшает пользовательский опыт. Вместо перехода на новую страницу или загрузки дополнительного содержимого пользователь может просто прокручивать страницу вниз, чтобы увидеть больше информации. Однако следует отметить, что “infinity scroll” имеет как плюсы, так и минусы. С одной стороны, это удобно для пользователей, так как они могут быстро просматривать большое количество контента без лишних действий. С другой стороны, это может привести к бесконечной загрузке и потере ориентации на странице, особенно если содержимое не организовано должным образом. Термин “infinity scroll” показывает изменения и тенденции в пользовательском интерфейсе и веб-дизайне, подчеркивая стремление к улучшению пользовательского опыта и удобству использования.

Аксиология неологизма “Infinity scroll” может включать в себя как положительные, так и отрицательные аспекты:

1. Удобство и эффективность: Бесконечная прокрутка позволяет пользователям легко просматривать контент без необходимости перезагрузки страницы или нажатия на дополнительные кнопки. Это может быть оценено как удобный и эффективный способ просмотра информации.

2. Потеря контроля: В то же время, бесконечная прокрутка может привести к потере контроля над временем, потраченным на просмотр контента. Пользователи могут оказаться в ловушке бесконечного скроллинга, что приводит к утрате продуктивности и внимания.

3. Зависимость и злоупотребление: Бесконечный поток информации может привести к зависимости от социальных сетей и онлайн-контента, а также к возможному злоупотреблению этой технологии для манипуляции пользователями и их поведением.

4. Эстетика и визуальный опыт: Для некоторых пользователей бесконечная прокрутка может быть воспринята как более привлекательная и удобная эстетически, чем традиционные методы навигации по контенту.

Неологизм “**splinternet**” [8] (*a possible future Internet that is split into many parts because of national or commercial interests, laws, restrictions, etc. – возможное в будущем разделение интернета на отдельные фрагментированные сети или региональные сегменты, где правила и доступ к информации могут отличаться*) образован путем соединения двух слов, то есть сокращения: “split” (разделение) и “internet” (интернет). “Splinternet” отражает разнообразие правил, законов и ограничений, которые применяются к сети Интернет в разных странах или регионах, что может включать блокировку определенных веб-сайтов или сервисов, цензуру информации или ограничения на использование определенных технологий. Термин “splinternet” отражает изменения и вызовы, с которыми сталкивается Интернет в современном мире. Тем самым создается разнообразие правил и ограничений, которые применяются к Интернету в разных странах и регионах, что требует поиска баланса между безопасностью, свободой выражения и доступом к информации. Этот термин отражает опасения относительно потенциального разделения Интернета на отдельные сегменты, что может привести к уменьшению свободы информации и воздействия на мировую сеть.

Неологизм “**iWAG**” [5] (*humorous*) *the wife or girl-friend of a successful Internet repreneur – (шутл.) жены и подруги знаменитых спортсменов, которые активно используют социальные сети и интернет для самопродвижения и поддержки своих партнеров*) образован способом аффиксации, а именно путем соединения префикса “I” (от английского интернет или интерактивный) и аббревиатуры “WAG” (от английского “Wives And Girlfriends” – жены и подруги). Новообразование “iWAG” указывает на растущую роль социальных сетей и Интернета в целом в жизни партнеров знаменитых спортсменов, что включает в себя публикацию фотографий, видео, личных историй, а также активное взаимодействие с фанатами и медиа. Тем не менее, понятие “iWAG” вызывает вопросы о подлинности, поскольку многие считают, что такой уровень сетевого самопродвижения может быть искусственным и направленным на получение личной выгоды. Кроме того, использование “iWAG” может создавать зависимость от Интернета и социальных сетей, а также ограничивать личное пространство

и конфиденциальность партнеров знаменитых спортсменов. Но в целом термин “iWAG” является актуальным и controверсиальным в области публичности.

Семантическое поле интернет-коммерции включает в себя различные понятия, связанные с онлайн-торговлей и электронными платежами, которые стали неотъемлемой частью современного бизнеса. К таким понятиям относится неологизм “**recommerce**” [8] (*the practice of buying and selling used goods online, usually on web-sites created for this purpose – практика покупки и продажи бывших в употреблении товаров в Интернете, как правило, на веб-сайтах, созданных для этой цели*), состоящий из префикса “re-” и слова “commerce”. Префикс “re-” показывает, что данный неологизм создан путем аффиксации и означает «снова» или «еще раз». В данном контексте он указывает на действие повторного или вторичного использования чего-либо. Слово “commerce” переводится как «торговля» или «коммерция» и обычно относится к процессу покупки и продажи товаров или услуг, а также к вторичному использованию товаров или услуг. В контексте современных рынков и экономики “recommerce” может относиться к практике перепродажи или переработки уже использованных товаров, чтобы они могли быть использованы снова или получили переоценку. Практика “recommerce” может способствовать уменьшению отходов и потребления новых ресурсов, а также стимулировать развитие рынка вторичных товаров или услуг. Однако она может вызывать вопросы о качестве и безопасности повторно использованных товаров, а также о справедливости и этичности процесса перепродажи или переработки.

“**Sky computing**”[9] (*a way of accessing services, apps etc. on different systems on the internet through a top level to which all the systems belong – новая модель облачных вычислений, позволяющая выбирать новые облачные услуги с учетом конкретных требований*). Неологизм “sky computing”, состоящий из двух частей, образован с помощью словосложения: “sky” и “computing”. Лексема “sky” переводится как «небо» и здесь может означать облачные вычисления или облачные сервисы. Слово “computing” переводится как «вычисление» или «компьютерное моделирование». Оно указывает на то, что термин “sky computing” относится к использованию облачных ресурсов, вычислений и технологий для выполнения определенных вычислительных задач, включающих в себя доступ к вычислительным ресурсам, хранение данных и выполнение программ через Интернет. Появление данного термина обуславливается развитием облачных технологий и сервисов. Термин может использоваться для описания новых подходов к вычислениям и предоставлению ресурсов, которые могут быть более гибкими и эффективными, нежели традиционные методы. Однако обозначаемое им явление вызывает вопросы о безопасности данных и конфиденциальности, так как информация хранится и обрабатывается на удаленных серверах. Анализ этого неологизма показывает нарастающую популярность облачных технологий в современном мире, где все больше организаций и пользователей переходят на облачные решения для улучшения своей эффективности и гибкости в работе.

Неологизм “**telemedicine**”[5] (*the use of telecommunications, especially the phone and Internet, to provide health care – использование телекоммуникационных технологий для предоставления медицинских услуг на расстоянии*) образован путем соединения двух слов, то есть сокращения: “tele-“ (от греческого “τῆλε” – «на расстоянии») и “medicine”(медицина). “Telemedicine” является результатом развития информационных и коммуникационных технологий, которые позволяют врачам и пациентам взаимодействовать без физического присутствия. Такая практика может включать консультации, диагностику, лечение и мониторинг здоровья пациентов через видеосвязь, Интернет и другие средства связи. Основные преимущества “telemedicine” включают доступность медицинской помощи для удаленных районов, экономию времени и денег пациентов, а также возможность получения экспертного мнения от удаленных специалистов. Однако “telemedicine” также имеет свои ограничения. Некоторые медицинские процедуры, такие, как хирургические операции, требуют физического присутствия врача и пациента. Также подобная практика порождает вопросы о безопасности и конфиденциальности данных при передаче медицинской информации через Интернет. В целом “telemedicine” представляет собой важный и перспективный термин в медицинской сфере, и обозначаемое им новшество продолжает развиваться и применяться во всем мире. Оно открывает новые возможности для предоставления медицинской помощи и улучшения доступности здравоохранения для всех. Можно говорить о тренде в медицинской сфере в использовании цифровых технологий для улучшения доступности медицинской помощи, особенно в случае удаленных или труднодоступных регионов. Такая медицина помогает расширить доступ к услугам, улучшить качество диагностики и лечения, и повысить удобство для пациентов и врачей. В целом, этот термин отражает стремление к инновационным подходам в области здравоохранения с использованием современных технологий.

Зачастую сфера интернет-коммерции идет неразрывно со сферой хакерства и интернет-мошенничества, поскольку онлайн-оплаты породили новые виды преступлений, а именно: рэнсомвар, скимминг и фишинг. Рассмотрим некоторые неологизмы, связанные с этой сферой.

“Infostealer” [10] (*a type of computer software that has been deliberately designed to steal information such as passwords, bank account details etc.* – программное обеспечение, позволяющее киберпреступнику получить доступ к учетной записи или данным банковской карты). Неологизм “infostealer” состоит из двух частей: “info” и “stealer”. Слово “info” является сокращением от “information” и означает информацию или данные. Слово “stealer” переводится как «вор» и в данном контексте указывает на то, что термин “infostealer” обозначает кого-либо, кто крадет или получает доступ к информации или данным. Это позволяет отнести его к терминам, которые описывают программное обеспечение или вредоносное ПО, разработанное для кражи или несанкционированного доступа к информации или данным. Это может быть связано с хакерскими атаками, утечками данных или другими способами незаконного доступа к конфиденциальной информации. Анализ данного неологизма указывает на его негативное значение и потенциальную угрозу обозначаемого им явления для безопасности информации. Контекстуальное использование данного неологизма указывает на опасность и угрозу, которую представляют для безопасности информации подобные вредоносные программы. Это может быть использовано злоумышленниками для кражи личной информации, банковских данных, паролей, а также других конфиденциальных данных с целью финансовой мошенничества или кибершпионажа. Этот термин отражает постоянное развитие киберугроз и угроз безопасности информации в современном цифровом мире, а также необходимость постоянного мониторинга и защиты данных от подобного вида атак.

Неологизм **“black hat”** [5] (*someone who engages in criminal activity on the Internet, such as an illegal hacker – человек, занимающийся противозаконной деятельностью в Интернете*) образован путем соединения двух слов: “black” (черный) и “hat” (шляпа). В информационной безопасности и киберкриминалистике термин “black hat” относится к хакерам или киберпреступникам, которые злоупотребляют своими навыками и знаниями для незаконных действий, таких, как взлом, кража данных или создание вредоносного программного обеспечения. Хакеры “black hat” отличаются от хакеров “white hat”, которые используют свои навыки и знания для защиты информационных систем и выявления уязвимостей. Термин “black hat” подчеркивает негативные и противозаконные аспекты деятельности таких хакеров. Существуют также хакеры “grey hat”, выполняющие потенциально незаконные действия с целью выявления уязвимостей и улучшения безопасности.

Неологизм **“hacktivist”** [5] (*someone who hacks into computer data as a form of activism – человек, который использует свои навыки взлома и компьютерной безопасности для достижения политических или социальных целей*) образован путем слогового сокращения: “hacker” (*a person who uses computers to gain unauthorized access to data – человек, использующий компьютерные технологии для получения незаконного доступа к данным*) и “activist” (*a person who campaigns to bring about political or social change – человек, занимающийся политической или социальной деятельностью*). Термин “hacktivist” выражает идеи хакерства, подчеркивая использование технологий и компьютерной безопасности в политической и социальной борьбе. Подобная деятельность может включать взлом веб-сайтов, утечку информации или другие действия, направленные на раскрытие или изменение определенных политических или социальных проблем. С одной стороны, это может быть эффективным инструментом для привлечения внимания к важным проблемам и нарушения статуса-кво. С другой стороны, такие действия могут носить незаконный характер и негативно влиять на безопасность и конфиденциальность данных, тем самым вызывая вопрос об этичности этой деятельности. Однако, чаще всего хактивисты направляют свои навыки в мирное русло и могут заниматься деятельностью, направленной на раскрытие коррупции, нарушение прав человека, цензуру в Интернете, или другие общественно значимые вопросы. Они могут использовать методы хакерства, такие как взлом сайтов, утечка конфиденциальной информации или дос-атаки, чтобы привлечь внимание к обсуждаемым ими проблемам. Этот неологизм отражает эволюцию политической и социальной активности в цифровой эпохе и повышение роли хакеров в проведении киберпротестов и киберакций.

Сокращение как модель словообразования является наиболее распространенной при формировании неологизмов сферы интернет-технологий и составляет примерно 60% из рассмотренных примеров. Словосложение и аффиксация имеют примерно равную долю в данной сфере, по 20% соответственно. Также необходимо уточнить, что четвертая часть проанализированных англоязычных

неологизмов не переведена на русский язык, что говорит о разных уровнях распространенности неологизмов в разных языках. Говоря о рассмотренных неологизмах по признаку принадлежности к семантическому полю, можно выделить самую многочисленную группу тематического поля – «технологические новшества, инновации сферы Интернет» (примерно 40%), тогда как группы неологизмов, обозначающих интернет-коммерцию, коммуникацию и киберпреступления, имеют почти равную долю, а именно 20% каждая.

В заключение необходимо отметить, что процесс образования и использования новых слов и выражений в данной сфере является активным и динамичным. Неологизмы играют важную роль в коммуникации, обогащая язык и позволяя точнее и эффективнее выражать те или иные смыслы. Они также отражают развитие информационных технологий и изменения в обществе. Влияние неологизмов на развитие английского языка является значительным. Они способствуют расширению лексического запаса и изменению семантики некоторых слов.

Библиографический список

1. Катермина В.В., Липириди С.Х. Когнитивно-прагматический аспект литературных неологизмов англоязычного дискурса. // Вестник Череповецкого государственного университета. 2022. № 6 (111). С. 159–166.
2. Антюфеева Ю.Н. Английские новообразования в развитии: потенциальное слово, окказионализм, неологизм. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Белгород. 2004. 20 с.
3. Попова Т.В. Русская неология и неография. Екатеринбург, 2005. 96 с.
4. Cambridge Dictionary blog [Электронный ресурс]. URL: <http://dictionaryblog.cambridge.org>. (дата обращения: 10.10.2023).
5. Urban Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.urbandictionary.com/> (дата обращения: 10.10.2023).
6. Forbes [Электронный ресурс]. URL: <http://forbes.com> (дата обращения: 10.10.2023).
7. Stack Overflow [Электронный ресурс]. URL: <http://stackoverflow.com> (дата обращения: 10.10.2023).
8. PCWorld [Электронный ресурс]. URL: www.pcworld.com (дата обращения: 10.10.2023).
9. Welcome Back to TechBehemoths [Электронный ресурс]. URL: <http://techbehemoths.com> (дата обращения: 10.10.2023).
10. MakeUseOf [Электронный ресурс]. URL: <http://makeuseof.com> (дата обращения: 10.10.2023).

References

1. Katermina V.V., Lipiridi S.H. Cognitive and pragmatic aspect of literary neologisms of English-language discourse. Bulletin of Cherepovets State University. 2022. No. 6 (111). P. 159-166.
2. Antyufeeva Y.N. English neoplasms in development: potential word, occasionalism, neologism. Abstract ... PhD in Philology. Belgorod. 2004. 20 p.
3. Popova T.V. Russian neology and neography. Yekaterinburg, 2005. 96 p.
4. Cambridge Dictionary blog [Electronic text]. URL: <http://dictionaryblog.cambridge.org>. (date of application: 10.10.2023).
5. Urban Dictionary [Electronic text]. URL: <https://www.urbandictionary.com/> (date of application: 10.10.2023).
6. Forbes [Electronic text]. URL: <http://forbes.com> (date of application: 10.10.2023).
7. Stack Overflow [Electronic text]. URL: <http://stackoverflow.com> (date of application: 10.10.2023).
8. PCWorld [Electronic text]. URL: www.pcworld.com (date of application: 10.10.2023).
9. Welcome Back to TechBehemoths [Electronic text]. URL: <http://techbehemoths.com> (date of application: 10.10.2023).
10. MakeUseOf [Electronic text]. URL: <http://makeuseof.com> (date of application: 10.10.2023).

СОБЫТИЯ, ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ **EVENTS AND REVIEWS**

УДК 811.161.1

DOI 10.36622/2587-9510.2024.53.2.022

*Тольяттинский государственный
университет,*

*доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка,
литературы и лингвокриминалистики*

Соколова М.Г.

Россия, г. Тольятти,

тел. +79649741851

e-mail: msok71@mail.ru

Tolyatti State University,

Dr. Sc. (Philology)

*Professor of the Department of Russian lan-
guage, literature and languacriminalistics*

Sokolova M.G.

Russia, Togliatti,

тел. +79649741851

e-mail: msok71@mail.ru

*Самарский государственный
социально-педагогический университет,*

*кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры русского
языка, культуры речи и методики их препода-
вания*

Осипова Н.Д.

Россия, г. Самара,

тел. +79171129514

e-mail: osipova@sgspu.ru

*Samara State University of Social Sciences
and Education*

Ph.D. in Philology

*Senior Lecturer of the Department of Rus-
sian Language,
Standards of Speech and Methods of its
Teaching*

Osipova N.D.

Russia, Samara,

tel. +79171129514

e-mail: osipova@sgspu.ru

М.Г. Соколова, Н.Д. Осипова

«ГЛАВНОЕ – ОСТАВАТЬСЯ В ПОТОКЕ»: К ЮБИЛЕЮ ПРОФЕССОРА ЕЛЕНА ПАВЛОВНЫ ИВАНЯН

M.G. Sokolova, N.D. Osipova

THE MAIN THING IS TO STAY IN THE FLOW: FOR THE JUBILEE OF PROFESSOR ELENA PAVLOVNA IVANYAN

Имя Елены Павловны Иванян (Сеничкиной) известно крупнейшим ученым-лингвистам как в России, так и за рубежом. Доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания Самарского государственного социально-педагогического университета (СГСПУ), действительный член Международной академии наук педагогического образования, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, Почетный наставник, лауреат Губернской премии в области науки и техники в 2024 году отмечает 65-летний юбилей.

Область научных интересов Е.П. Иванян разносторонняя и широкая. Елена Павловна – автор более 160 научных трудов (среди них 20 публикаций в журналах, индексируемых в международных базах данных Web of Science и Scopus), посвященных глубокому и профессиональному исследованию самых разнообразных вопросов современной русистики. В центре внимания ученого – разноаспектное изучение функционально-семантических категорий умолчания и неопределенности [1] в современном русском языке и русской лингвокультуре. Основные положения описания названных семантик отражены в докторской диссертации [2]. В данном комплексном исследовании выявлена иерархическая структура языковых единиц с семантикой умолчания, определены и описаны с точки зрения семантики, прагматики и грамматики средства выражения семантики умолчания, проанализированы особенности их функционирования в художественном тексте, а также предложен принципиально новый – морфологический подход к изучению эвфемизмов.

Широкую известность и признание в научных кругах получили «Словарь эвфемизмов русского языка» [3], монографии «Семантика умолчания и средства ее выражения в русском языке» [4] и «Бытовые эвфемизмы в русском, польском и английском языках (на материале эвфемизмов туалетной темы)» (под общей редакцией Е.П. Иванян), учебное пособие (спецкурс) «Эвфемизмы русского языка» [5].

Научно-исследовательская деятельность профессора Е.П. Иванян связана с ономастическими единицами и спецификой их функционирования в разных типах дискурса, изучением коннотативных и прецедентных онимов [6], [7], активных процессов в русском словообразовании [8], [9], семиотики, лингвопрагматики и лингвоэкологии в педагогическом дискурсе [10], [11] и др. За разработку проекта «Лингвоэкология педагогической речи» [12] Е.П. Иванян была удостоена звания лауреата Губернской премии в области науки и техники. Теоретико-методологический вклад Елены Павловны в изучение данного нового и перспективного направления отечественной русистики заключается в выявлении неэкологических языковых единиц (оценочных высказываний, метафор) в педагогической коммуникации с учетом социально-функционального деления языка на модусы. В работах Е.П. Иванян в рамках обозначенного проекта подчеркивается мысль о подмене институциональной функции педагогической речи и сдвиге в бытовую и духовный модусы общения.

Е. П. Иванян регулярно принимает участие в международных научных конференциях, сама организует методологические семинары и мастер-классы с участием ученых из Казахстана, Польши, Армении. Совместно с кандидатом филологических наук, доцентом, старшим научным сотрудником Института литературы им. М. Абеяна Национальной Академии наук Республики Армения Заруи Геворковной Айрян были опубликованы статьи, посвященные сопоставлению русской и армянской лингвокультур, а также переводоведческим сопоставлениям вариантов художественного текста: [13], [14], [15] и др. В 2023 г. Елена Павловна была награждена Благодарственным письмом Армяно-

русской общественной организации «Навеки вместе» за организацию разнообразной международной деятельности по продвижению русской и армянской лингвокультур.

Елена Павловна является автором многочисленных учебных и учебно-методических пособий, активно применяемых в практике филологического образования студентов и магистрантов в вузах России. Электронное учебное пособие «Общее языкознание. Теория языка. Часть II», отвечающее требованиям новизны и приоритетности, получило свидетельство о регистрации электронного ресурса [16]. В русле реализации новых информационных технологий на платформе LMS Moodle Е.П. Иванян разработаны электронные курсы по дисциплинам «Речеведение», «Проблемы семантики и прагматики языковых единиц в русистике», «Общее языкознание», «Основы языкознания» и «Педагогическая риторика».

Е.П. Иванян относится к числу ведущих преподавателей СГСПУ и является одним из опытейших и авторитетнейших наставников как для студентов, магистрантов, аспирантов и докторантов, так и для младших коллег, с которыми щедро делится современными методиками и технологиями обучения, такими как составление интеллект-карт, интерактивные занятия, освоение инновационных проектов – «Национального корпуса русского языка» (НКРЯ), «Проективного словаря гуманитарных наук» и др. Ученым реализуются уникальные практики наставничества. С 1999 г. по настоящее время проходит ежегодный внутривузовский конкурс студенческих работ «Лингва» в соответствии с критериями, позволяющими конкурсантам освоить новые приемы и методы лингвистических и лингвометодических исследований. В 2018 г. Елена Павловна разработала и внедрила цикл мероприятий в рамках «Лаборатории лингвистических смыслов» [17]: международный дистанционный конкурс декламации для школьников и студентов «Русское слово» и региональный лингвистический конкурс для студентов и школьников «Русское слово сегодня», который был поддержан грантом фонда «Русский мир». Научному лингвистическому кружку «Язык и мир», который Елена Павловна ведет для студентов СГСПУ, в 2023 г. исполнилось 25 лет. Елена Павловна регулярно проводит мастер-классы для работников педагогического образования. С 2015 г. осуществляет руководство программой академической магистратуры «Русский язык в среднем общем и высшем образовании» по направлению подготовки 44.04.01 «Педагогическое образование».

Наставничество по получению профессиональных компетенций и личностному росту Е.П. Иванян осуществляет при помощи таких интернет-проектов, как Виртуальный музей «Самарская лингвистическая школа» и сайт Международного дистанционного конкурса декламации «Русское слово» для обучающихся вузов. Елена Павловна ведет авторскую колонку на сайте «1001.ru» и регулярно выпускает статьи для канала СГСПУ на Дзене, где в научно-популярной форме делится с широкой аудиторией глубокими лингвистическими знаниями и интересными фактами о русском языке.

В профессиональной научной деятельности Е.П. Иванян продолжает традиции своих учителей, среди которых с особым почитанием выделяет научного руководителя дипломной работы кандидата филологических наук, доцента О.И. Александрову, научного руководителя кандидатской и консультанта докторской диссертаций, доктора филологических наук, профессора П.А. Леканта. Как развитие идей научной школы функциональной грамматики П.А. Леканта на базе Самарского государственного социально-педагогического университета Е.П. Иванян была создана лингвистическая научная школа «Динамические процессы в лексике и грамматике», которая в 2023 г. отметила свое двадцатилетие. Несомненную значимость для участников научной школы имеют регулярно проводимые методологические семинары, ставшие эффективной формой научного диалога. Елена Павловна – автор уникальной методики проведения мастер-классов для аспирантов и соискателей научной школы по написанию научно-исследовательских работ разных уровней и жанров [18], [19]. Е.П. Иванян умеет ставить высочайшую профессиональную планку перед своими учениками, которые с энтузиазмом пытаются ее преодолеть, опираясь на авторитет и доверие ученого-наставника. Участниками научной школы под руководством Е.П. Иванян защищены 14 кандидатских и 2 докторские диссертации.

Научная школа Е.П. Иванян «Динамические процессы в лексике и грамматике»

Елена Павловна – пример яркой педагогической индивидуальности. Позитивный жизненный настрой, умение поддержать обучающихся и коллег, создать благоприятную деловую атмосферу – отличительные черты педагога-наставника. Несомненно, «ключиками» к духовным ценностям Е.П. Иванян являются ее любимые цитаты: «Наука – одна из метафор Бога» (Юнна Мориц), «Счастливой мошкой летаю, живу ли я иль умираю» (Э. Войнич «Овод»). Последняя из цитат связана для Елены Павловны со светлой памятью о бабушке –Евгении Сергеевне Михайловой (Егоровой – в девичестве), сыгравшей большую роль в воспитании будущего ученого-лингвиста и передавшей радостное отношение к действительности. По словам Елены Павловны, «это был девиз моей бабушки. При том, что Овод прибегал к иронии и сарказму, бабушка всегда – только к юмору и веселью».

Удивительно, как преображается Елена Павловна во внеаудиторной работе со студентами. Это уже не строгий профессор, но мудрый наставник, старший друг с тонким чувством юмора. Очень легко она вовлекает обучающихся в интерактив, вдохновляя и заряжая их своим любопытством и стремлением к новым познаниям.

Елена Павловна любит повторять аспирантам и докторантам, работающим под её руководством: «Главное – оставаться в потоке! Ни одного дня не должно проходить без научной работы. Только тогда эта работа будет в удовольствие и приведет к достойному результату». Так же и сама профессор ни на минуту не прекращает научного поиска и творческого полета мысли.

Мы желаем Елене Павловне новых оригинальных идей, неожиданных открытий и приятных научных сюрпризов, мудрых коллег и талантливых учеников.

Библиографический список

1. Сеничкина Е.П. Специфика категории неопределенности в русском языке: учеб. пособие к спецкурсу. М.: Изд-во Московского гос. ун-та печати, 2004. 76 с.
2. Сеничкина Е.П. Семантика умолчания и средства ее выражения в русском языке: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 2003. 427 с.
3. Иванян Е.П. Словарь эвфемизмов русского языка. 3-е издание, стереотипное. М.: ФЛИНТА, 2021. 461 с.
4. Иванян Е.П. Семантика умолчания и средства ее выражения в русском языке – 2-е издание, стереотипное. М.: ФЛИНТА, 2020. 328 с.
5. Иванян Е.П. Эвфемизмы русского языка: спецкурс: учебное пособие. 4-е издание, стереотипное. М.: ФЛИНТА, 2022. 121 с.
6. Иванян Е.П., Айтасова С.И. Семантика и функции коннотативных онимов в русском дискурсе // Высшее гуманитарное образование XXI века: проблемы и перспективы: Материалы шестой международной науч-

но-практической конференции. Самара: Самарский государственный социально-педагогический университет, 2011. С. 131–137.

7. Иवानян Е.П., Иванова П.С. Прецедентные имена собственные в сравнениях из повести Н. Абгарян «Манюня» // Высшее гуманитарное образование XXI века: проблемы и перспективы: материалы десятой международной научно-практической конференции. Самара: Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, 2015. С. 113–117.

8. Иवानян Е.П., Иванова П.С. Характеристика глагольных заголовочных единиц с семей «запах» в словарях // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве: материалы III Международной научной конференции. Воронеж: Воронежский государственный технический университет, 2022. С. 45–48.

9. Иवानян Е.П. Диминутивы в сказах П. Бажова // С любовью к Слову: сборник статей участников Всероссийской с международным участием научной конференции, приуроченной к 80-летию юбилею доктора филологических наук, профессора Людмилы Алексеевны Климковой, специалиста в области лексикологии, диалектологии, ономастики, словообразования. Арзамас: Арзамасский филиал федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», 2021. С. 112–116.

10. Иवानян Е.П. Метафоры педагогической речи: лингвоэкологический аспект // Рациональное и эмоциональное в русском языке: сборник трудов Международной научной конференции, посвящённой 85-летию Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, Почётного профессора Московского государственного областного университета, доктора филологических наук, профессора Павла Александровича Леканта. М.: Московский государственный областной университет, 2017. С. 331–333.

11. Иवानян Е.П. Фразеология педагогической речи: лингвоэкологический аспект // Актуальные проблемы современного языкознания и методики преподавания языка: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвящённой 120-летию со дня рождения профессора Ивана Александровича Фигуровского. Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2019. С. 480–485.

12. Иवानян Е.П. Лингвоэкология педагогической речи // Австрийский журнал гуманитарных и общественных наук. 2016. № 11–12. С. 48–56.

13. Иवानян Е.П., Айрян З.Г. Стихотворения Г. Алишана «Раздан»: поливариантность смыслов, интерпретацией, переводов // Научный диалог. 2020. № 12. С. 133–150.

14. Иवानян Е.П., Айрян З.Г. Вариативная интерпретация действительности в литературной сказке: комплексный подход // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 7(44). С. 85–93.

15. Иवानян Е.П., Айрян З.Г. Характеристика интерпретаций и преобразований в вариантах «Сказки о попе и о работнике его Балде» А.С. Пушкина // Филологические науки. Вопросы теории и практики 2023. Том 16. Выпуск 2. С. 467–471.

16. Иवानян Е.П. Общее языкознание. Теория языка: курс лекций. Часть 2. 2-е издание, стереотипное. М.: ФЛИНТА, 2013. 463 с.

17. Иवानян Е.П., Кочетова Н.Г., Иванова П.С. Лаборатория лингвистических смыслов: международные конкурсы студенческой декламации // Русистика без границ. 2020. Т. 4, № 2. С. 123–127.

18. Иवानян Е.П., Ключина А.М. Особенности технологии мастер-классов для аспирантов и соискателей в научной школе профессора Е.П. Иवानян // Русистика без границ. 2022. Т. 6, № 4. С. 70–75.

19. Соколова М. Г., Осипова Н.Д. Региональный методологический семинар по случаю 20-летия научной школы профессора Е.П. Иवानян // Русистика без границ. 2023. Т. 7, № 4. С. 128–137.

References

1. Senichkina E.P. Specifics of the category of uncertainty in the Russian language. Moscow: Moscow state publishing house. UN-TA press, 2004. 76 p.

2. Senichkina E.P. Default Semantics and means of its expression in the Russian language: dis. ... Doctor of Philology. Moscow, 2003. 427 p.

3. Ivanyan E.P. Dictionary of Russian euphemisms. 3rd ed., stereotypical. Moscow: FLINT, 2021. 461 p.

4. Ivanyan E.P. Default Semantics and means of its expression in the Russian language. 2nd ed., stereotypical. Moscow: FLINT, 2020. 328 p.

5. Ivanyan E.P. Euphemisms of the Russian language: special course: textbook. 4th ed., stereotypical. Moscow: FLINT, 2022. 121 p.

6. Ivanyan E.P., Aytasova S.I. Semantics and functions of connotative onyms in Russian discourse // Higher humanitarian education of the XXI century: problems and prospects. Collection. Materials of the sixth international scientific and practical conference. Samara: Samara State University of Social Sciences and Education 2011. Pp. 131-137.

7. Ivanyan E.P., Ivanova P.S. Precedent proper names as a part of comparison in the story by N. Abgaryan «Manyunya». Higher humanitarian education of the 21st century: problems and prospects: materials of the tenth international scientific and practical conference. Samara: Volga State Social and Humanitarian Academy, 2015. Pp. 113–117.

8. Ivanyan E.P., Ivanova P.S. Description of verb header units with "odor" seed in Dictionaries. Linguistic and cultural universals in the world space: materials of the III International Scientific Conference. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2022. Pp. 45–48.

9. Ivanyan E.P. Diminutives in the tales of P. Bazhov. With love for the Word: a collection of articles by participants in the All-Russian scientific conference with international participation, dedicated to the 80th anniversary of Doctor of Philology, Professor Lyudmila Alekseevna Klimkova, a specialist in the field of lexicology, dialectology, onomastics, and word formation. Arzamas: Arzamas branch of the federal state autonomous educational institution of higher education "National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky", 2021. Pp. 112-116.

10. Ivanyan E.P. Metaphors in pedagogical speech: linguoecological aspect. Rational and emotional in the Russian language: a collection of proceedings of the International Scientific Conference dedicated to the 85th anniversary of the Honored Scientist of the Russian Federation, Honorary Professor of the Moscow State Regional University, Doctor of Philology, Professor Pavel Aleksandrovich Lekant. Moscow: Moscow State Regional University, 2017. Pp. 331–333.

11. Ivanyan E.P. Phraseology in pedagogical speech from the point of view of linguoecology. Actual problems of modern linguistics and methods of language teaching: Collection of materials of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 120th anniversary of professor I.A. Figurovsky. Yelets: Yelets State University named after I.A. Bunina, 2019. Pp. 480–485.

12. Ivanyan E.P. Linguoecology of Teacher's Speech. Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. 2016. No. 11-12. Pp. 48–56.

13. Ivanyan E.P., Ayryan Z.G. G. Alishan's poem «Hrazdan»: polyvariety of meanings, interpretations, translations // Scientific dialogue. 2020. - No. 12. - pp. 133–150.

14. Ivanyan E.P., Ayryan Z.G. Variable interpretation of reality in a literary fairy tale: an integrated approach to research. Proceedings of Petrozavodsk State University. 2022. No. 44(7). Pp. 85–93.

15. Ivanyan E.P., Ayryan Z.G. The Tale of the Priest and his Worker Balda seems as the most simple of all Pushkin's fairy tales. Philology. Theory & Practice. 2023. Vol. 16. Iss. 2. Pp. 467–471.

16. Ivanyan E.P. General linguistics. Theory of language: a course of lectures. 2nd ed., stereotypical. Moscow: FLINT, 2013. 463 p.

17. Ivanyan E.P., Kochetova N.G., Ivanova P.S. Laboratory of linguistic meanings: international student recitation competitions. Russian Studies Without Borders. 2020. Vol. 4. No. 2. Pp. 123–127.

18. Ivanyan E.P., Klyushina A.M. Features of the technology of master classes for graduate students and applicants at the scientific school of Professor E. P. Ivanyan. Russian Studies Without Borders. 2022. Vol. 6. No. 4. Pp. 70-75.

19. Sokolova M. G., Osipova N.D. Regional methodological seminar on the occasion of the 20th anniversary of the scientific school of Professor E.P. Ivanyan. Russian Studies Without Borders. 2023. Vol. 7. No. 4. Pp. 128–137.

УДК 811.161.1 (470.324)
DOI 10.36622/2587-9510.2024.53.2.023

Воронежский государственный технический университет

*доктор филологических наук, доцент
зав. кафедрой русского языка
и межкультурной коммуникации*

Скуридина С.А.

Россия, г. Воронеж, тел. +7(920)404-04-48;

e-mail: saskuridina@ya.ru

Воронежский государственный технический университет

*кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка и
межкультурной коммуникации*

Бугакова Н.Б.

Россия, г. Воронеж, тел. +7-920-406-6287

e-mail: ya_witch@mail.ru

Voronezh State Technical University

*Doctor of Philology, associate
professor, department chairman,
the chair of Russian language and cross-
cultural communication,*

Skuridina S.A.

Russia, Voronezh, +7(920)404-04-48

e-mail: saskuridina@ya.ru

Voronezh State Technical University

*The chair of Russian language
and cross-cultural communication
PhD, associate professor*

Bugakova N.B.

Russia, Voronezh,

tel. +7-920-406-6287

e-mail: ya_witch@mail.ru

С.А. Скуридина, Н.Б. Бугакова

«ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ УНИВЕРСАЛИИ В МИРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ»: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

S.A. Skuridina, N.B. Bugakova

«LINGUISTIC AND CULTURAL UNIVERSALS IN THE GLOBAL SPACE»: RESULTS AND PROSPECTS

Международная научная конференция «Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве» была впервые организована кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации пять лет назад. Цель конференции – обмен мнениями о состоянии и перспективах развития современного филологического знания в корреляции с современными методами изучения языка и дискурса, в связи с чем в докладах участников конференции представлены различные точки зрения по широкому кругу вопросов - специфика развития и функционирования языка в разные периоды, особенности дискурса, ономастическое моделирование, проблематика журналистских текстов. Благодаря использованию современных технологий, позволивших выступать с докладами дистанционно, за пять лет заметно расширилась «география» участников, среди которых исследователи из разных регионов России, а также зарубежные ученые.

V Международная научная конференция «Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве» состоялась 17–19 апреля 2024 года. В работе приняли участие четыре секции: «Актуальные проблемы современной лингвистики», «Слово в пространстве текста», «Медиареальность: метаморфозы, интерпретации, перспективы», «Мир глазами молодых». Заседания секций проходили в смешанном формате

Открыл пленарное заседание, посвященное 225-летию юбилею А.С. Пушкина, доклад основателя Воронежской ономастической школы Г.Ф. Ковалев, процитировавшего в названии своей работы высказывание А. Григорьева: «Пушкин – наше все». Ученый рассказал о прецедентности фамилии великого поэта, подробно остановившись на восприятии Пушкина нашими современниками, отразившемся в жанре анекдота. По мнению Г.Ф. Ковалева, этот жанр настойчиво и тщательно отбирает нюансы политической, экономической и социально-культурной жизни как в России, так и за рубежом. В работе ученого представлены литературно-культурные анекдоты, в которых работают на содержание ономастические единицы, связанные с творчеством А.С. Пушкина или памятью о великом поэте. Практически в каждом анекдоте такая единица является интригообразующим центром [1]. Е.А. Поповой личность поэта рассмотрена в национальной и региональной персонификации как знаковая фактор формирования российской гражданской идентичности [2].

В работах С.А. Скуридиной и Н.Б. Бугаковой представлено творчество А.С. Пушкина в рецепции Ф.М. Достоевского и А. Платонова. Завершил пленарное заседание доклад И.А. Меркуловой «Какие они, слова нашего времени?», ставший своеобразным мостиком между историей и современностью, ведь именно с творчества А.С. Пушкина началось активное развитие русского национального языка.

Выступления лингвистической секции представлены докладами, в которых поднимаются разные проблемы, включая особенности преподавания языков в учебных заведениях всех уровней образования. А.Б. Алексеевым рассматривается шахматный дискурс, развитие которого связано с введением обязательных уроков шахмат в школы. Отметим большое количество докладов, посвященных вопросам ономастики: исследователи обращаются к понятиям дендронима, рассматривают гидронимы и ойконимы Воронежской области [3], анализируют специфику гефиронимов и эргонимов. Особый интерес аудитории вызвали доклады, авторы которых выявляют специфику функционирования имени собственного в художественном тексте. В работе Н.Б. Бугаковой представлены ономастические параллели в творчестве А. Платонова и А.С. Пушкина [4], исследование Н.Н. Устиновой посвящено особенностям библионимов К.И. Чуковского [5], С.А. Скуридиной представлена методология ономастических работ М.С. Альтмана [6].

На заседании секции «Слово в пространстве текста» прозвучали как литературоведческие, так и лингвистические доклады. В.В. Вязовская обратилась к анализу имен живописцев в произведениях Н.С. Лескова [7]. А.С. Кондратьевым и В.А. Хотакко проанализирован очерк А. Платонова «Пушкин – наш товарищ» с точки зрения отражения духовной традиции и национального самосознания [8]. Исследование пушкинских текстов в сопоставительном аспекте представлено в докладе О.С. Шуруповой: «Пушкинское слово в тексте XX столетия: «Евгений Онегин» и образ ученого в романе А.И. Солженицына «В круге первом» [9]. С произведениями А. Платонова в юбилейный для него год связали тему своего выступления и Д. Черных [10]. Н.Н. Немич рассмотрена репрезентация субстантивов ольфакторной лексики (на материале современных газетных текстов). И.П. Лапинская, М.А. Денисова проанализировали «маленькие трагедии» А.С. Пушкина как цикл произведений [11]. Н.А. Трубициной представлена семантика звука в рассказе И.А. Бунина «Золотое дно» [12], а Е.Ю. Шестаковой – модель детства в «Записках охотника» И.С. Тургенева.

Исследования, связанные с дискурсом СМИ, представили участники секции «Медиаральность: метаморфозы, интерпретации, перспективы». А.Б. Бушев рассмотрел блоги и чаты как гигантские фокус-группы [13], Ф.В. Кувшинов – искусственный интеллект и медиатекст. М.А. Мурашко предложены критерии разграничения понятий «геймификация» и «обучение через игру» в условиях цифровизации. Многие работы связаны с исследованием лингвистики журналистского текста: С.Е. Салтыковой проанализирована языковая игра, А. Романовской – особенности репрезентации лексемы «труд» в современном газетном дискурсе [14], Г.В. Романовой – современные тенденции в использовании устойчивых выражений в СМИ [15], Е.А. Бибишевой и О.Д. Паршиной – оценочная лексика в заголовках газеты «Площадь свободы».

Участниками секции «Мир глазами молодых» стали школьники и обучающиеся высших и средних специальных учебных заведений. Доклады А. Паршиковой, А. Андреева и А. Райм связаны с таким знаковым культурным событием, как экранизация романа в стихах «Евгений Онегин» А.С. Пушкина. Фильм активно обсуждался в пабликах соцсетей, чем обусловлен и выбор одной из тем – «Интернет-комментарий к фильму как способ оценки его художественной ценности» [16]. А. Райм рассмотрен костюм как средство создания атмосферы эпохи в разных экранизациях романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин» [17], В. Гаврилова проанализировала образы матери и мачехи в русских пословицах [18]. Разные аспекты функционирования средств массовой информации проанализированы в студенческих докладах: журналистика данных, фотожурналистика, работа спортивного журналиста и автожурналиста [19], подкастинг, журналистские расследования [20], создание имиджа [21]. Иностранцы студенты в своих выступлениях обратились к лингвокультуре своих стран, рассказав об образе женщины в туркменской культуре, о барабанах в национальной культуре Бурунди, о символике животных в культуре Египта, о достопримечательностях Камеруна, о свадебных обычаях в Бангладеш и т.д.

Итоги конференции освещаются в сборнике научных работ ее участников. VI международная научная конференция «Лингвокультурные универсали в мировом пространстве» состоится в апреле 2025 года.

Библиографический список

1. Ковалев Г.Ф. Пушкин – наше всё // Лингвокультурные универсали в мировом пространстве. Материалы V Международной научной конференции «Лингвокультурные универсали в мировом пространстве» (Воронеж, 17-19 апреля). Воронеж, 2024. С. 276-286.
2. Попова Е.А. А.С. Пушкин в национальной и региональной персонификации и проблема формирования российской гражданской идентичности личности // Лингвокультурные универсали в мировом пространстве. Материалы V Меж-

- дународной научной конференции «Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве» (Воронеж, 17-19 апреля). Воронеж, 2024. С. 300-303.
3. Попов С.А. Религиозная семантика исчезнувших ойконимов Воронежской области // Материалы V Международной научной конференции «Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве» (Воронеж, 17-19 апреля). Воронеж, 2024. С. 63-66.
4. Бугакова Н.Б. А.С. Пушкин и А. Платонов: к вопросу о существовании ономастических параллелей // Материалы V Международной научной конференции «Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве» (Воронеж, 17-19 апреля). Воронеж, 2024. С. 270-276.
5. Устинова Н.Н. Структурно-семантическое своеобразие библионимов К.И. Чуковского // Материалы V Международной научной конференции «Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве» (Воронеж, 17-19 апреля). Воронеж, 2024. С. 73-78.
6. Скуридина С.А. Исследование ономастикона Ф.М. Достоевского в трудах М.С. Альтмана // Материалы V Международной научной конференции «Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве» (Воронеж, 17-19 апреля). Воронеж, 2024. С. 180-184.
7. Вязовская В.В. «...Нимфы да яблочки»: имена живописцев на страницах произведений Н.С. Лескова // Материалы V Международной научной конференции «Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве» (Воронеж, 17-19 апреля). Воронеж, 2024. С. 200-205.
8. Кондратьев А.С., Хотакко В.А. Очерк А.П. Платонова «Пушкин – наш товарищ»: духовная традиция и национальное самосознание // Материалы V Международной научной конференции «Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве» (Воронеж, 17-19 апреля). Воронеж, 2024. С. 276-286.
9. Шурупова О.С. Пушкинское слово в тексте XX столетия: «Евгений Онегин» и образ ученого в романе А.И. Солженицына «В круге первом» // Материалы V Международной научной конференции «Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве» (Воронеж, 17-19 апреля). Воронеж, 2024. С. 307-310.
10. Бугакова Н.Б., Черных Д.А. Средства художественной выразительности в повести А. Платонова «Котлован» // Материалы V Международной научной конференции «Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве» (Воронеж, 17-19 апреля). Воронеж, 2024. С. 10-12.
11. Лапинская И.П., Денисова М.А. «Маленькие трагедии» А.С. Пушкина как цикл произведений // Материалы V Международной научной конференции «Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве» (Воронеж, 17-19 апреля). Воронеж, 2024. С. 292-297.
12. Трубицина Н.А. Семантика звука в рассказе И.А. Бунина «Золотое дно» // Материалы V Международной научной конференции «Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве» (Воронеж, 17-19 апреля). Воронеж, 2024. С. 241-247.
13. Бушев А.Б. Блоги и чаты – гигантские фокус-группы // Материалы V Международной научной конференции «Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве» (Воронеж, 17-19 апреля). Воронеж, 2024. С. 111-114.
14. Романовская А.И., Кузьминых Е.О. Особенности репрезентации лексем «труд» в современном газетном дискурсе // Материалы V Международной научной конференции «Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве» (Воронеж, 17-19 апреля). Воронеж, 2024. С. 176-180.
15. Романова Г.В. Современные тенденции в использовании устойчивых выражений в СМИ // Материалы V Международной научной конференции «Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве» (Воронеж, 17-19 апреля). Воронеж, 2024. С. 171-176.
16. Кузьминых Е.О., Андреева А.А., Паршикова А.Д. Интернет-комментарий к фильму как способ оценки его художественной ценности // Материалы V Международной научной конференции «Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве» (Воронеж, 17-19 апреля). Воронеж, 2024. С. 292-297.
17. Райм А.С., Скуридина С.А. Костюм как средство создания атмосферы эпохи (на материале экранизаций романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин») // Материалы V Международной научной конференции «Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве» (Воронеж, 17-19 апреля). Воронеж, 2024. С. 303-307.
18. Кузьминых Е.О., Гаврилова В.С. Специфика отображения образов матери и мачехи в русских пословицах // Материалы V Международной научной конференции «Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве» (Воронеж, 17-19 апреля). Воронеж, 2024. С. 34-40.
19. Козлова А.А., Попова Ю.С. Журналистские расследования // Материалы V Международной научной конференции «Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве» (Воронеж, 17-19 апреля). Воронеж, 2024. С. 127-134.
20. Мезенцев К.Д., Попова Ю.С. Автомобильная журналистика в России // Материалы V Международной научной конференции «Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве» (Воронеж, 17-19 апреля). Воронеж, 2024. С. 165-168.
21. Дмитриева К.Д., Новикова М.В. Репрезентация имиджа российского журналиста (на примере В. Соловьева) // Материалы V Международной научной конференции «Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве» (Воронеж, 17-19 апреля). Воронеж, 2024. С. 114-118.

References

1. Kovalev G.F. Pushkin – our everything // Linguistic and cultural universals in the world space. Materials of the V International Scientific Conference "Linguistic and Cultural Universals in the world space" (Voronezh, April 17-19). Voronezh, 2024. pp. 276-286.

2. Popova E.A. A.S. Pushkin in the national and regional personosphere and the problem of the formation of the Russian civil identity of the individual // Linguistic and cultural universals in the world space. Materials of the V International Scientific Conference "Linguistic and Cultural Universals in the world space" (Voronezh, April 17-19). Voronezh, 2024. pp. 300-303.
3. Popov S.A. Religious semantics of the disappeared oikonyms of the Voronezh region // Materials of the V International Scientific Conference "Linguistic and Cultural Universals in the world space" (Voronezh, April 17-19). Voronezh, 2024. pp. 63-66.
4. Bugakova N.B. A.S. Pushkin and A. Platonov: on the question of the existence of onomastic parallels // Proceedings of the V International Scientific Conference "Linguistic and Cultural Universals in the world space" (Voronezh, April 17-19). Voronezh, 2024. pp. 270-276.
5. Ustinova N.N. The structural and semantic originality of biblionyms by K.I. Chukovsky // Materials of the V International Scientific Conference "Linguistic and Cultural universals in the world space" (Voronezh, April 17-19). Voronezh, 2024. pp. 73-78.
6. Skuridina S.A. The study of F.M. Dostoevsky's onomasticon in the works of M.S. Altman // Proceedings of the V International Scientific Conference "Linguistic and Cultural Universals in the world space" (Voronezh, April 17-19). Voronezh, 2024. pp. 180-184.
7. Vyazovskaya V.V. "...Nymphs and apples": the names of painters on the pages of N.S. Leskov's works // Materials of the V International Scientific Conference "Linguistic and Cultural universals in the world space" (Voronezh, April 17-19). Voronezh, 2024. pp. 200-205.
8. Kondratiev A.S., Khotakko V.A. A.P. Platonov's essay "Pushkin is our Comrade": spiritual tradition and national identity // Proceedings of the V International Scientific Conference "Linguistic and Cultural Universals in the world space" (Voronezh, April 17-19). Voronezh, 2024. pp. 276-286.
9. Shurupova O.S. Pushkin's word in the text of the twentieth century: "Eugene Onegin" and the image of a scientist in A.I. Solzhenitsyn's novel "In the First Circle" // Proceedings of the V International Scientific Conference "Linguistic and Cultural Universals in the world space" (Voronezh, April 17-19). Voronezh, 2024. pp. 307-310.
10. Bugakova N.B., Chernykh D.A. Means of artistic expression in A. Platonov's story "The Pit" // Materials of the V International Scientific Conference "Linguistic and Cultural universals in the world space" (Voronezh, April 17-19). Voronezh, 2024. pp. 10-12.
11. Lapinskaya I.P., Denisova M.A. "Little tragedies" by A.S. Pushkin as a cycle of works // Materials of the V International Scientific Conference "Linguistic and Cultural universals in the world space" (Voronezh, April 17-19). Voronezh, 2024. pp. 292-297.
12. Trubitsina N.A. Semantics of sound in I.A. Bunin's story "The Golden Bottom" // Proceedings of the V International Scientific Conference "Linguistic and Cultural Universals in the world space" (Voronezh, April 17-19). Voronezh, 2024. pp. 241-247.
13. Bushev A.B. Blogs and chats – giant focus groups // Proceedings of the V International Scientific Conference "Linguistic and Cultural universals in the world space" (Voronezh, April 17-19). Voronezh, 2024. pp. 111-114.
14. Romanovskaya A.I., Kuzminykh E.O. Features of the representation of the lexeme "labor" in modern newspaper discourse // Materials of the V International Scientific Conference "Linguistic and Cultural universals in the world space" (Voronezh, April 17-19). Voronezh, 2024. pp. 176-180.
15. Romanova G.V. Modern trends in the use of stable expressions in the media // Materials of the V International Scientific Conference "Linguistic and Cultural universals in the world space" (Voronezh, April 17-19). Voronezh, 2024. pp. 171-176.
16. Kuzminykh E.O., Andreeva A.A., Parshikova A.D. Online commentary on the film as a way to assess its artistic value // Materials of the V International Scientific Conference "Linguistic and Cultural Universals in the world space" (Voronezh, April 17-19). Voronezh, 2024. pp. 292-297.
17. Raim A.S., Skuridina S.A. Costume as a means of creating an atmosphere of an epoch (based on the material of film adaptations of the novel in verse by A.S. Pushkin "Eugene Onegin") // Materials of the V International Scientific Conference "Linguistic and Cultural Universals in the world space" (Voronezh, April 17-19). Voronezh, 2024. pp. 303-307.
18. Kuzminykh E.O., Gavrilova V.S. The specifics of displaying images of mother and stepmother in Russian proverbs // Proceedings of the V International Scientific Conference "Linguistic and Cultural universals in the world space" (Voronezh, April 17-19). Voronezh, 2024. pp. 34-40.
19. Kozlova A.A., Popova Y.S. Journalistic investigations // Materials of the V International Scientific Conference "Linguistic and Cultural Universals in the world space" (Voronezh, April 17-19). Voronezh, 2024. pp. 127-134.
20. Mezentsev K.D., Popova Y.S. Automotive journalism in Russia // Proceedings of the V International Scientific Conference "Linguistic and Cultural universals in the world space" (Voronezh, April 17-19). Voronezh, 2024. pp. 165-168.
21. Dmitrieva K.D., Novikova M.V. Representation of the image of a Russian journalist (on the example of V. Solovyov) // Materials of the V International Scientific Conference "Linguistic and Cultural universals in the world space" (Voronezh, April 17-19). Voronezh, 2024. pp. 114-118.

Правила оформления статей

Объем статей должен составлять не менее 4 и не более 10 страниц формата А4.

Статья должна включать:

- 1) УДК;
- 2) сведения об авторах на русском и английском языках (оформляются в виде таблицы без видимых границ, шрифт TimesNewRoman высотой 12, курсив): место работы, должность, ученая степень (если есть), фамилия и инициалы, страна, город, телефон;
- 3) инициалы и фамилии авторов (шрифт TimesNewRoman высотой 12, обычный, выравнивание по центру);
- 4) название статьи на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 12, жирный, прописные буквы, выравнивание по центру, переносы не допускаются);
- 5) аннотацию (200–250 слов) на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 10, выравнивание по ширине);
- 6) ключевые слова (5–10 слов и словосочетаний) на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 10, выравнивание по ширине);
- 7) основной текст (шрифт TimesNewRoman высотой 12 пунктов с одинарным интервалом);
- 8) библиографический список на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 12 пунктов).

Поля слева и справа – по 2 см, снизу и сверху – по 2 см.

Выравнивание текста – по ширине.

Отступ первой строки абзаца – 1 см. Пожалуйста, не используйте клавишу «Пробел» для создания абзацных отступов (используйте меню «Абзац» на панели инструментов), а также для выравнивания текста (для этого используйте функцию «Выровнять по ширине» на панели инструментов).

Иллюстрации выполняются в векторном формате в графическом редакторе CorelDraw либо в любом из графических приложений MSOffice. Графики, рисунки и фотографии монтируются в тексте после первого упоминания о них в удобном для автора виде. Название иллюстраций (10 пт., обычный) дается под ними по центру после слова **Рис.** с порядковым номером (10 пт., обычный). Если рисунок в тексте один, номер не ставится. Точка после подписи не ставится. Между подписью к рисунку и текстом – 1 интервал. Все рисунки и фотографии должны иметь хороший контраст и разрешение не менее 300 dpi. Избегайте тонких линий в графиках (толщина линий должна быть не менее 0,2 мм). Рисунки в виде ксерокопий из книг и журналов, а также плохо отсканированные не принимаются.

Слово **Таблица** с порядковым номером размещается по правому краю. На следующей строке приводится название таблицы (выравнивание по центру без отступа) без точки в конце. После таблицы – пробел в 1 интервал. Единственная в статье таблица не нумеруется.

Ссылки на литературные источники в тексте заключаются в **квадратные скобки [1; с. 54–67], [2; т. 3, с. 4–6]** с указанием страниц.

Библиографический список приводится после текста статьи на русском и английском языках в соответствии с требованиями ГОСТ. Шрифт 12 пт., обычный, выравнивание по ширине страницы, абзац – 1 см. **Оформлять библиографический список необходимо в порядке упоминания работ в тексте статьи по ГОСТ Р 7.05-2008.**

Рекомендации по написанию аннотации и выбору ключевых слов

Аннотация (на русском и английском языках) обязательна. Объем аннотации – 200–250 слов. Задача автора – в 4–6 предложениях выразить суть исследуемой проблемы, ее актуальность и методы решения. Аннотация – это краткое содержание статьи. Структурно аннотация должна включать следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, тему, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы.

В тексте аннотации на английском языке следует применять терминологию, характерную для иностранных специальных текстов, а также следует применять значимые слова из текста статьи.

Ключевые слова (на русском и английском языках) – обязательны и должны содержать 5–10 слов и словосочетаний. Ключевые слова и словосочетания отделяются друг от друга запятой. Ключевые слова, составляющие семантическое ядро статьи, являются перечнем основных понятий и категорий, служащих для описания исследуемой проблемы.

Пример оформления статьи

УДК 811.161.1

*Гуманитарный институт филиала
Северного (Арктического) федерального
университета имени М.В. Ломоносова
кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры
языкознания
Морозова Н.С.
Россия, г. Северодвинск,
тел. +7(88182)53-84-00
e-mail: morozovanadegda@mail.ru*

*Institute of Humanities of Northern
(Arctic) Federal University named after
M.V. Lomonosov
The department of linguistics
PhD, senior lecturer
Morozova N.S.
Russia, Severodvinsk,
tel. +7(88182)53-84-00
e-mail: morozovanadegda@mail.ru*

Н.С. Морозова

ОБРАЗ ПЕРВОГО СНЕГА В РУССКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ МИРА

В статье рассматривается один из значимых фрагментов русской художественной картины мира – первый снег... (200-250 слов).

Ключевые слова: художественная модель мира, художественный образ, признаки образа, ...

N.S. Morozova

IMAGE OF THE FIRST SNOW IN RUSSIAN POETIC MODEL OF THE WORLD

The article deals with one of the important fragment of Russian aesthetic picture of the world – the first snow.

Key words: aesthetic picture of the world, fiction image, fiction conceptualization, image features, ...

Первый снег – одно из таинств природы, красота которого волновала поэтов еще в XIX в.: его воспевали П.А. Вяземский, А.М. Жемчужников, А.П. Бунина и др. Несомненно, певцом первого снега в русской поэзии по праву считается П.А. Вяземский, сумевший воссоздать прелесть *нежного баловня полуденной природы, сына пасмурных небесполуденной страны* [1]. Поэт не только передал красоту этого явления природы, но и смог средствами поэтического языка изобразить русскую зиму, создав классический шедевр, на что обращали внимания его современники и исследователи творчества, в т. ч. Л.Я. Гинзбург [2].

Текст, текст, текст.....

Библиографический список

1. Сорокина К.И. Элегия П.А. Вяземского «Первый снег» в творчестве А.С. Пушкина. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/> (дата обращения – 15.05.2019).
2. Гинзбург Л.Я. О лирике. М.: Интрада, 1997. 415 с.

References

1. Sorokina K.I. The elegy «The First Snow» by P.A. Vyazemsky in Pushkin's works. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/> (accessed – 15.05.2019).
2. Ginzburg L.Y. About lyrics. M., 1997. 415 p.

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ
И ЖУРНАЛИСТИКИ**

№ 2(53) 2024

Издается с 2006 г.
Выходит 4 раза в год

Дата выхода в свет: 08.07.2024. Формат 60x84 1/8. Бумага писчая.
Уч.-изд. л. 16,9. Усл. печ. л. 17,4. Тираж 30 экз. Заказ № 172
Цена свободная

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет»
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84

Отпечатано: отдел оперативной полиграфии издательства ВГТУ
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84